

Российская Академия Наук
Институт философии

**ИСТОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА**

Москва
2014

УДК 300.36
ББК 15.56
И 90

Ответственные редакторы

доктор филос. наук, проф. *В.Г. Федотова*
доктор филос. наук *В.А. Колпаков*

Научно-техническая работа выполнена
Н.С. Петренко, И.Б. Рябушкиной

Рецензенты

доктор филос. наук, проф. *Н.Г. Багдасарьян*
доктор филос. наук, проф. *Н.М. Смирнова*

И 90

История модернизации как предмет социально-философского анализа [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. – М. : ИФРАН, 2014. – 233 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0272-0.

Данная работа сектора социальной философии посвящена историям модернизаций на Западе и в России: модернизационно-цивилизационному проекту Запада; дополитической, политической и постполитической культурам как вехам модернизации; вкладу российского либерализма в осмысление модернизации и капитализма; концепту псевдоморфозы в объяснении российской истории; постмарксистским концепциям; постсоветской модернизации. Рассмотрена региональная модернизация и истории модернизаций разных сфер общества (технологий и последствий этого, человека в модернизирующемся обществе, психосоциальных и культурных предпосылок модернизации общества).

ISBN 978-5-9540-0272-0

© Коллектив авторов, 2014
© Институт философии РАН, 2014

Предисловие: место и время модернизаций

Книга сектора социальной философии запланирована к изданию в соответствии с утвержденным Дирекцией планом работы сектора на 2012–2014, 2014–2016 гг. Проект исследования на 2014–2016 гг. рассматривает модернизацию в составе трендов мирового развития и места России в них, уделяет особое внимание политической модернизации и проблеме построения гражданского общества в России. В этом году мы работаем по проекту, касающемуся историй модернизаций в разных местах планеты и в разные периоды.

Сектор социальной философии выпустил серию книг под редакцией В.Г. Федотовой, посвященных процессу модернизации, которые мы перечислим: Социальные знания и социальные изменения (2001); Модернизация и глобализация: образы России в XXI в. (2002); «Хорошее общество». Социальное конструирование приемлемого для жизни общества (2003); Новые идеи в социальной философии (2006); Человек в экономике и других социальных средах (2008); Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса (2010); Меняющаяся социальность: контуры будущего (2012); Социально-философский анализ модернизации: Теории, модели, опыт (2013).

Выходили авторские книги, имеющие отношение к проблемам модернизации Ю.К. Плетникова, А.С. Ахиезера, А.В. Дмитриева, Г.Ю. Канарша, В.А. Колпакова, С.А. Королева, И.А. Крыловой, Л.И. Новиковой, Ю.В. Олейникова, И.Н. Сиземской, В.Г. Федотовой, статьи этих авторов, а так же М.Г. Алиева, Ю.В. Барбарука, В.П. Веряскиной, В.Б. Власовой, В.В. Денисова, Д.В. Джохадзе, Д.А. Кузнецова. Обозначим некоторые книги сотрудников сектора, посвященные проблеме модернизации и российской истории: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): От прошлого к будущему. М., 1998; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России. Конец или новое начало? М., 2013; *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость и российская ситуация. М., 2011; *Королев С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997; *Кузнецов Д.А.* Человек в обществе потребления. LAP. 2011; *Новикова Л.И., Сизем-*

ская И.Н. Три модели развития России. М., 2000; *Они же*. Российские ритмы социальной истории. М., 2004; *Олейников Ю.В.* Зрелое общество: проблемы, реальность, перспективы. М., 2010; *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы М., 1997; *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005; *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008; *Уткин А.И., Федотова В.Г.* Будущее глазами совета по разведке США: глобальные тенденции до 2005 года. М., 2009 и др. Многие статьи по проблемам модернизационных преобразований или связанных с ними опубликованы в журналах «Вопросы философии», «Философские науки», «Полис», «Мир перемен», «Знание. Понимание. Умение», «Социс», «Вопросы культурологии», в журнале РАН «**Social Sciences**» и др., в международных и зарубежных изданиях. Сектором проводились круглые столы по проблемам модернизации – дважды в журнале «Полис», в журнале «Мир перемен» и «Вопросы культурологии». Научные результаты работы сектора по проблемам модернизации были представлены на международных конференциях (Вьетнам, Греция, Канада, Китай, Норвегия, Россия, США, Турция, Финляндия, Южная Африка). Труды сектора и его сотрудников по проблемам модернизации имеются в библиотеках ведущих университетов мира – Колумбийском (Нью-Йорк), Беркли, в университетах Европы, Китая, Вьетнама и других стран. Иными словами, проблема модернизации стала одной из главных направлений работы сектора. Исследования сотрудников сектора имеют достаточно высокие рейтинги цитирования, И.Н. Сиземская и В.Г. Федотова входят в рейтинг цитирования ста известных философов России.

Для нашего нынешнего этапа характерно обращение к мало исследованному аспекту этой проблемы – использованию исторического опыта модернизаций для развития теорий модернизаций и практического применений этих теорий и опыта в России. Социально-философский анализ истории модернизации способствует повышению значимости философских исследований модернизации, доведения их до уровня анализа путей преобразования как общества в целом, так и развития человека.

В первом разделе представляемой читателю книги «История модернизации на Западе и в России» обсужден модернизационный проект Запада, который стал основой его цивилизационного отдаления от остального мира и сформировал новые отношения между Западом и не-Западом (В.А. Колпаков), а так же исторического изменения оснований модернизации и ее характеристик (в статьях В.А. Колпакова, В.Г. Федотовой). Рассмотрены история и концепты политической модернизации, в которой, кроме политических процессов, выделены дополитические и постполитические движения и культуры (В.Г. Федотова). Проанализирована постмарксистская перспектива в современном мире и ее как модернизационный, так и антимодернизационный потенциалы (Ю.В. Барабарук). Показано значение трудов российских философов, социологов и политологов, формировавших российскую версию либерализма, в которой заложена демократическая перспектива российской политической модернизации и российского капитализма (И.Н. Сиземская). Дан анализ путей и механизмов российского исторического развития и модернизации как части ее истории с использованием понятия «псевдоморфоза» (С.А. Королев).

Второй раздел книги «Уроки истории модернизации для различных сфер общества» посвящен модернизации в регионах России и отдельных сферах общества. Здесь представлен case study модернизации в ставшем после реформ 1990-х депрессивным регионом Дагестане, подготовленный д.ф.н. М.Г. Алиевым, который с 2006 по 2010 гг. был Президентом этой республики. Обсуждаются проблемы постсоветской модернизации вплоть до сегодняшних дней (И.А. Крылова). Анализируется роль национального характера в восприятии задач и результатов модернизации как важная социокультурная предпосылка ее осуществления (Г.Ю. Канарш). Проведено исследование модернизационных усилий по переходу к новому технологическому циклу нано- и биотехнологий и связанных с этим грядущих проблем социоприродного Универсума (Ю.В. Олейников). Дан анализ проблемы человека в условиях модернизационных преобразований и его изменений при капитализме (В.П. Веряскина).

Данная книга является одной из серии работ сектора по проблемам модернизации, которые выпускались в течение многих лет и были обозначены выше. Все предыдущие книги имели моно-

графический характер. Данная – сборник статей, посвященный единой теме, но представляющей разные точки зрения. Объяснение этой особенности состоит в нескольких причинах достаточно общего характера:

1) прежде всего, отсутствие консенсуса характерно для российской ситуации и российской элиты. Одна из причин – социальная. В обществе в целом не наблюдается согласие по множеству вопросов. В условиях, когда партии представлены перед обществом преимущественно своими лидерами, за которыми следует партийный актив, и нет ни внутрипартийных дискуссий, ни межпартийных коммуникаций, сформировалось множество линий расхождения, партикуляризованных разного рода, созданных часто на произвольных основаниях и желании заявить о себе или выделиться. Сегодня (как отмечено в данной книге) сложились новые социальные иерархии, и усилия многих направлены либо на вхождение в новую элиту, либо на оплакивание утраченных позиций. Особенно показательна реакция людей из старых иерархий. Одна из них удивительна и может быть обозначена как некий синдром, например, «синдром отречения» – отречься, заявить о своем презрении к старой иерархии платонически, с целью поиска истины, преодоления горечи ошибок или горечи поражения или с целью вполне практической – вхождения в новую элиту. Вторая – оплакивать старые иерархии путем критики новых. Это характерно как для элит советского периода, так и для неолиберальных элит 1990-х, потерявших свои позиции.

2) в книге отмечается также рост дополитических и постполитических элит в обществе, не воспринимающих политику как отношения общества с государством. Такое явление нидерландский теоретик Ф. Анкерсмит назвал эстетической политикой, а американский социолог Дж. Александер употребляет термин «перформанс» для характеристики острых политических процессов в Египте и других сегодня беспокойных странах. Некоторые теоретики мысленно переживают эти истории вполне в духе эстетической политики, о которой мы подробнее говорим в книге.

3) модернизация представлена в России в двух ипостасях – с одной стороны, в серьезных теоретических исследованиях историй и теорий модернизаций, которые чрезвычайно сложны, сплетены с социальными контекстами, и, с другой стороны, как идеология,

которая провозглашена за неимением другой. Модернизации часто не удавались, например, в период деколонизации, когда развивающиеся страны не смогли модернизироваться ни на социалистическом, ни на капиталистическом пути, и термин «модернизация» был заменен понятием «развитие». Не был успешным либеральный проект догоняющей модернизации в посткоммунистических странах 1990-х, сваливаясь в деиндустриализацию, анархию и архаику, либо был наивно принят без учета имеющихся предпосылок и трудностей такого способа изменений. Сегодня модернизация становится во многом частичной, охватывая одни сферы и не касаясь других. Она теряет свою универсальность в наборе признаков и становится своеобразной в странах с разными культурами в незападном мире, иногда вызывая вопрос, а модернизация ли это или просто развитие, заставляя возвращаться перед лицом новых явлений к вопросу, уже имевшему место при деколонизации. Поэтому термины «модернизация» и «развитие» начинают путаться вновь.

4) но, как мы уже отметили, у нас в стране термин «модернизация» превращен не просто в программу действия, но в государственную идеологию. В период Президентства Д.А. Медведева в идеологию модернизации, по существу в идеологию догоняющей модернизации. Содержание термина менялось, менялась и идеология, все более ориентируя на реиндустриализацию и другие конкретные формы модернизации. Это сыграло в целом положительную роль. Однако модернизацией сегодня занимаются и те, кто вчера еще ничего не знал о ней, руководствуясь разными мотивами – от желания быть на переднем крае науки или участвовать в развитии страны в соответствии с ее провозглашенными задачами, освоить новый материал, до модного или угодливого, или корыстного переименования своих прежних тем – развития, изменения, прогресса в модернизацию. Это иногда заставляет нас подумать, а не перейти ли к термину «развитие», коль скоро третий модерн (Новое время для незападных стран) становится пучком всех новых проблем и демонстрирует недостаточную универсальность как процесса, так и итогов модернизации в разных странах, делая их культурно-обусловленными.

5) турбулентность, непредсказуемость, неустойчивость, настойчиво декларируемые и переживаемые многими, обрели свою жизнь в синергетике, теории хаоса, концепции Э. Баумана о жид-

кой современности, теориях риска. Проблемы, о которых пишет Ю.В. Олейников в статье в данной книге, или А. Неклесса в статье в «Независимой газете» о возможности хаоса¹, скоро пополнят наш мир все более новыми объяснениями. Сегодня недостаточно сказать о нелинейности, турбулентности, З. Бауман обратился к понятию-метафоре «жидкая современность», слово «хаос» уже не пугает. Дж. Урри ввел такие категории, как мобильность, комплексность (или сложность), ресурсность и обозначает три поворота к этим новым началам. В западных изданиях появляется слово «to fix»: «to fix America», «to fix the World». Это значит исправлять, ремонтировать: «ремонтировать Америку», «Исправлять мир». Мир, не только Россия, находится в стадии изменений и частичность ремонта неизбежна, частичные модернизации – часть этой наступающей частичности.

Словом общероссийские социальные коллизии и микросоциальные коллизии в научной среде, а так же научные проблемы, вызвавшие дискуссии, позволили нам в этот раз представить не коллективную монографию, а сборник статей сектора социальной философии.

У нас как ответственных редакторов книги есть некоторые разногласия с конкретными авторами. Так, в интересной статье С.А. Королев, используя термин «псевдоморфоза» как особый способ сохранения старого в оболочке нового, (термин О. Шпенглера), считает, что он раскрывает *тип* развития и модернизации России с ее ранних этапов до наших дней, тогда как мы полагаем, что это *один из механизмов* российского развития. Ученый с мировым именем Ш. Айзенштадт также показал, что традиционные группы часто приспособляются к современным условиям так, что сначала изменяют способы своего существования и деятельности, а затем «за начальными фазами независимого развития, когда многие из новых элит ориентировались в основном на “современные”, т. е. западные модели, начинают вновь проявляться прежние, традиционные принципы и модели»². Он также выявил, что «в культурном плане вызов современности воспринимался в тех кодах, которые преобладали в этих обществах и в рамках образцов, сложившихся в историческом достоянии этих цивилизаций»³. Для Айзенштадта это – довольно общее правило, которое мы не можем всецело приписать России и сделать ее единственным чемпионом псевдоморф-

ного развития. Мы не согласны так же с рассмотрением советского как антизападного и видим в нем (советском) попытку догнать или обойти Запад так, чтобы сравняться с ним. Никто более, чем большевистские лидеры, не утверждал необходимость для России стать частью Европы (В.И. Ленин), догнать Европу (Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин), «догнать и перегнать Америку» (Н.С. Хрущев). Это подтверждает американский профессор немецкого происхождения Т. фон Лауэ, для которого советский эксперимент является ответом на главную революцию – вестернизацию, т. е. невиданный подъем Запада и наличие стран другой судьбы – не-Запада⁴. Приведем слова С. Хантингтона по вопросу, касающемуся нашего спора с С.А. Королевым о советском периоде: «Приняв западную идеологию и используя ее, чтобы бросить Западу вызов, русские в каком-то смысле получили более тесные и прочные связи с Западом, чем в любой иной период своей истории»⁵.

Слова о том, что «опорой власти становятся советоморфные слои, то, что нередко называют “условным Уралвагонзаводом”» (С.А. Королев) можно принять за стремление построить демократию без населяющих страну людей. Ли Куан Ю, одним из проектов превращения Сингапура из отсталого и враждующего общества в цивилизованное пространство сделал строительство жилья. Когда он построил первый большой дом с электричеством, лифтами, квартирами, китайцы пришли в него со своими свиньями, малайцы со своими растениями, захватывая первые этажи, индусы со своими тканями и благовониями. Свет никто не включал, лифтами не пользовались (боялись), мусор кидали на лестничную площадку, свиньи бегали по этажам. У нас бы сказали – быдло. А Ли Куан Ю сказал: «Эти люди пережили культурный шок», и потому добился успеха.

Имеются у нас теоретические разногласия и с И.А. Крыловой, которая мало различает, на наш взгляд, 1990-е, 2000-е, 2010-е гг., относя их все к постсоветскому неолиберальному периоду. Да, они несомненно постсоветские. Но, на наш взгляд, эти этапы различны и не могут быть описаны одинаково – как неолиберальные и олигархические. Неолиберализм в капиталистической экономике безусловно присутствует, проявляется в рынке, конкуренции. Но многие компании являются государственными и потому ограничивающими свой частный интерес. Олигархи, конечно, есть, но они отличаются

от типажей 1990-х годов, работавших преимущественно на себя, являющихся олигархами-расхитителями. Многие олигархи 2010-х как обладатели капитала, управленческого опыта, международных связей стали привлекаться в крупные государственные проекты. В политике, в социальной сфере неолиберализм, присущий 1990-м гг., не присутствует ныне в России. История капитализма и модернизации других стран не менее драматична.

Это, скорее, соответствует точке зрения старых советских элит, считающих, что мы живем при неолиберализме. С точки зрения элит 1990-х при авторитаризме.

В очень драматической и интересной статье Ю.В. Олейникова хотелось бы услышать соображения о том, как сочетать неумолимость научно-технического прогресса с защитой социоприродного Универсума.

В целом же нам кажется, что получилась интересная книга, а ее дискуссионные моменты – это приметы времени.

В.Г. Федотова, В.А. Колпаков

Примечания

- ¹ *Неклесса А.* Разбитые окна // Независ. газ. 28.05.2014.
- ² *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Сост., ред. и автор вступ. статьи. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 471–472. Сегодня фамилия автора пишется чаще как Айзенштадт, подобно тому, как другой видный социолог, прежде писавшийся как Уоллерстайн, сегодня пишется Валлерстайн.
- ³ Там же. С. 474.
- ⁴ *Von Laue Th.* The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. Oxford. 1987.
- ⁵ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2005. С. 216.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИЙ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

Поскольку модернизации начались на Западе и сформировали его цивилизационно, мы начинаем данный раздел с модернизации Запада, отделившей Запад от не-Запада. При этом решается дискуссионный вопрос, модернизировался ли Запад естественноисторически и (или) был выработан проект модерна. Показано значение политической модернизации и типов политической культуры. Рассмотрены постмарксистские идеи и их критический потенциал. Дан анализ российского либерализма и развития капитализма в России. Исследована российская история с использованием понятия «псевдоморфоза», представляющая собой способ связи нового и старого культурного содержания.

В.А. Колпаков

Культурное пространство рождения современности

Научный смысл слова «современность» здесь и далее по тексту обозначает эпоху, начавшуюся с возвышения Запада в Новое время. В том же значении будут использованы термины «модернити», «эпоха модерна», «модерн», «современное общество», если при этом контекст употребления будет одинаков. В повседневном смысле «современность» – синоним слова «сегодняшний день», который в данной статье не используется.

Среди многих предпосылок, способствовавших рождению современности, особое место занимает Просвещение. Именно Просвещение заложило фундаментальные основы новой цивилизации, построенной на идеях разума, который «освободил» человека от средневековых традиций, верований, привычного уклада жизни, т. е. от всего, на чем держался его прежний мир, предложив взамен новое видение мира, в котором человеку отводилось теперь центральное место.

Манифест нового модернизационного и цивилизационного проекта

Своеобразный манифест *цивилизационного проекта* Запада, в котором власть и могущество человека реализуется посредством науки, представлен в яркой литературной форме в «Фаусте» И.В. Гете. Возможно потому, что Гете сам был универсальным человеком, и научные изыскания составляли часть его интеллектуального наследства, ему удалось столь точно воплотить важнейшие черты западной цивилизации и модернизационного пути к ней. Не случайно человек первого модерна получил нарицательное название «фаустовский тип» человека, страстное желание которого «власть, собственность, преобладание. Мое стремление – дело, труд»¹. Над ним больше не доминирует Небо, его преобразовательская деятельность направлена на «здесьшний мир», в котором «что надо знать, то можно взять руками»². На окружающий мир Фауст смотрит глазами повелителя, имеющего ясный цивилизационный план, а также волю для его воплощения, поскольку теперь все, что не дело его рук, то несовершенно, по определению, и даже есть зло. «Царю природы, мне была обидна дерзость произвола: свободный дух не терпит зла»³. Вода, стихия ветра и спокойствие скал вызывает у него одно желание – исправить случайность природы, внося в нее разумный порядок. «Разбушевавшуюся бездну я б страстно обуздать хотел. Я трате силы бесполезной хотел бы положить предел»⁴. Самое поразительное для нашего современника качество нового человека Запада – это вечное беспокойство, ориентированность на дело, стремление трудиться изо всех сил. Фауст только что открыл для себя новый смысл жизни и горит желанием поделиться своим открытием со всем миром. Возможно поэтому в советское время известные всем слова Гете, о том, что «лишь только тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил»⁵, преподносились как манифест советского человека. Освобождение в труде, в великих делах были идеей не только первого модерна, но и социализма. Фаустовский тип – это тип человека, смысл жизни которого – деятельность преобразования, изменение мира, создание нового мира. Это – человек, который оттолкнул от себя Небо, а его притязания на власть и могущество бесконечны, несмотря на его собственную конечность. Чувство сопричастности к вели-

кому замыслу, который он считает теперь призванным воплотить, замещает ему вопрос о конечной цели его существования, вопрос о смысле, о свободе универсального бесконечного человека.

Удивителен выбор Фауста для приложения своих сил. Когда весь мир перед ним, и Мефистофель предлагает ему на выбор любое место на Земле, согласно контракту между ними, Фауст указывает на обширную болотистую равнину, образованную морскими приливами и солончаками, лежащую между морем и высоким скалистым берегом. Изумленный решением Мефистофель не может осознать грандиозность и размах притязаний Фауста, который мыслит теперь в категориях освоения *всего мира, всей природы*, а не отдельного уютного места для проживания. «Болото тянется вдоль гор, губя работы наши вчуже, но чтоб очистить весь простор, я воду отведу из лужи»⁶. В этот «цивилизационный проект» Фауст намерен стянуть миллионы «на девственную землю нашу»⁷. (И это говорит европейский человек, живущий в Германии XVIII в.) «Внутри по-райски заживется... Трудясь, борясь, опасностью шутя, пускай живут муж, старец и дитя. Народ свободный на земле свободной»⁸. Но черты новой цивилизации пугающе знакомы уже из нашего недавнего прошлого – времен ускоренной модернизации в ее российском варианте. Рай Фауста – это жуткий трудовой лагерь. «Вставайте на работу дружным скопом! Рассыпьте цепью, где я укажу. Кирки, лопаты, тачки землекопам! Выравнивайте вал по чертежу! Награда всем, несметною артелью работавшим над стройкою плотин! Труд тысяч рук достигнет высшей цели, которую наметил ум один!»⁹. Кажется, ничто не может остановить преобразовательный порыв Фауста. Однако это не так. Для движения вперед новой цивилизации требовалось избавиться со всей решительностью от всего, что ограничивает разум, сковысывает его планы. Когда Мефистофель вновь возвращается на «морской пустырь», выбранный Фаустом, он, конечно же, поражен произошедшими за время его отсутствия переменами, рукотворной гаванью, причалами, видом многочисленных кораблей на рейде. Однако он находит Фауста огорченным тем, что произведенные им преобразования локальны, т. е. они осуществлены только «здесь», и это сильно его расстраивает. «Отвратительное “здесь”! Вот в чем одном и ужас весь!»¹⁰. Западный цивилизационный проект направлен на весь мир, что Гете объясняет (как никто другой) отчетливо

и что подтверждается дальнейшими притязаниями на преобразование всего мира со стороны Запада. Поэтому не случайна сложившаяся антиномия «Запад – не-Запад», на протяжении пятисот лет дающая себя знать, периодически обостряющая стремление Запада отстаивать свой «проект» в незападных странах, равно как стремление последних защищать свою правоту и право на собственное видение. Это – суть модернизационного проекта Запада, ставшего проектом западной цивилизации и разделившего мир на Запад и не-Запад.

«Нет впереди границ к успеху», – жалуется Фауст Мефистоделю¹¹. Ему мешает уютный дом двух старых людей, что расположился на высоком берегу, обнесенный липовым садом и небольшая часовня вблизи дома. «Мне говорят колокола, что план моих работ случаен, что церковь с липами цела, что старикам я не хозяин»¹². Последняя просьба Фауста к Мефистофелю – уничтожить дом и прогнать стариков. «Сопrotивляясь, эти люди мрачат постройку торжество. Они упрямы до того, что плюну я на правосудье»¹³. Старики сгорели заживо в домике, как и липовый сад, как и церковь, подожженные подручными Мефистофеля. Новая цивилизация, построенная на идеях разума, освобождала человека от всего, на чем держался его маленький и уютный мир, предлагая взамен новую утопию цивилизационного продвижения по всей Земле. Вместе с тем, замысел Гете наполнен высокими *гуманистическими идеалами*, поскольку в центр мира он ставит человека, вполне осознавшего свою силу. Судьба человечества и весь мир отныне подчинены его творческим возможностям и воле. Фауст – символ новых возможностей и судеб европейского, западного человека и предостережение против демиургического злоупотребления ими. Наука послужила инструментом реализации этой утопии, как и государство, как и рыночная экономика.

Роль науки в цивилизационном проекте Запада – проекте модерна

Науку Нового времени часто обвиняют в том, что, превратившись в источник развития производительных сил, именно она способствовала возвышению инструментального разума над

нравственным началом в человеке. Вместе с тем, ретроспективно осмысливая первый либеральный модерн и формирование его предпосылок, занявшее несколько веков, нельзя не заметить, фундаментальное значение науки для западной цивилизации и ее участие в модернизации Запада. Она создавала новые каноны рациональности, расширяла сферу познанного, изменяла материальную и городскую среду человека, и во многом, изменяла его самого посредством трансформации общества. Нам представляется, что анализ процессов, характерных для первого модерна, может оказаться полезным для объяснения модерна, в котором мы живем, в частности, поможет понять место науки в модернизационном проекте нашего общества.

Какую роль играла наука в первом модерне? М. Вебер одним из первых попытался объяснить, формирование Западной цивилизации посредством распространения научной рациональности *как формирующей особый тип культуры Запада и распространяющей его цивилизационную специфику* на все сферы жизни. Он подчеркивал, что естествознание приняло форму, которую можно было обнаружить только здесь: «...лишь Западу известна рациональная и систематическая, то есть профессиональная, научная деятельность, специалисты-ученые в том специфическом современном смысле, который предполагает их господствующее в данной культуре положение, прежде всего в качестве специалистов-чиновников – опоры современного западного государства и современной западной экономики»¹⁴. Работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» написана в самом начале XX в. К этому времени связки «наука – общество», «наука – государство» и «наука – экономика» уже отчетливо проявились. Если научная деятельность представляла образцом рациональности, то в ее распространение на все сферы жизни общества Вебер отводил центральную роль государству: «Вообще “государство” как политический институт с рационально разработанной “конституцией”, рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на “законы”, управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известны только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах»¹⁵. Вебера интересовало возникновение капитализма. К основным факторам его развития, помимо протестантизма, он

причислял *новую научную культуру и культуру государственного управления*. Рационализация различных сфер человеческой деятельности – это не только феномен Запада. Однако, принципиально важным является то, *какие сферы жизни при этом подвержены изменению* путем рационализации: «...вопрос вновь сводится к тому, чтобы определить своеобразие западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие»¹⁶. По существу Вебер сформулировал методологически важный принцип, позволяющий понять рационализацию как процесс диффузии одной из культур (для Запада – научной культуры) в жизненно важные сферы всего социального тела. Он рассматривал *рациональную деятельность внутри определенной (научной) культуры*, носителем которой является научный этос, опирающийся, в частности, на определенные практики и нормы этой культуры. В какой-то момент *одна из культур в социуме начинает возвышаться и распространяться* на другие жизненно важные сферы общества. Однако Вебер не дает ответа, почему это произошло с научной рациональностью.

Воспользуемся идеей Вебера о диффузии культур и попытаемся понять, в результате чего произошло распространение научной культуры и возвышение института науки, которое наблюдалось на протяжении XVI–XVIII вв. Обратимся к истокам, к рождению науки Нового времени. Выдающаяся отечественная исследовательница Л.М. Косарева показала, что, в противоположность распространенному мнению о происхождении науки, путем обращения к опыту, к эмпирии, методология науки Нового времени рождалась в XVII в. как *противодействие эмпирической* установке, идущей от Аристотеля и укорененной в средневековой схоластике: «Новый... концептуальный комплекс, в формирование которого внес огромный вклад Галилей (механистическая концепция материи, методология экспериментализма и вероятностная концепция естественного знания) был пронизан совершенно новой ценностной установкой преобразования действительности, десакрализирующей непосредственно данный мир очевидности»¹⁷. Л.М. Косарева особо настаивает на необходимости различать два методологических принципа, при исследовании происхождения нового естествознания – *эмпиризм и экспериментализм*. «Важно – писала она, что экспериментализм появляется вначале не как чисто научная

методология, а как новая общекультурная установка»¹⁸. Окружающий человека мир представлял утратившим гармонию и справедливость. Суть новой установки экспериментализма состояла в том, что человеку подвластно вернуть природе и обществу совершенство путем привнесения собственного замысла, ее преобразования и усовершенствования. Экспериментализм заимствовался новой наукой из поля универсалий культуры и постепенно вытеснял методологический принцип эмпиризма. Экспериментализм предполагал развитие преобразующей мир науки.

Современные исследования позволяют обнаружить, что именно экспериментализм, присущий новой науке, был отправной точкой роста интереса к ней со стороны государства, что хорошо видно на примере Англии. Как известно, с конца XVI в. начинается колонизация новых земель. Запад расширяет свои границы. На новых территориях англичане обнаруживают удивительное разнообразие местных народов и культур. Появляется практическая необходимость осваивать эти территории, управлять ими. Но для правительства все это предстает неким «белым пятном» с непонятным населением, непонятной культурой и территорией. В этот момент на исторической сцене появляется У. Петти (1623–1687 гг.), соединивший в своих сочинениях политическую философию с научным принципом экспериментализма. По мнению английского исследователя П. Кэрролл, подробно проанализировавшего процесс формирования новой правительственной практики в Англии в период XVII–XVIII вв., основанной на принципах новой науки, Петти стал своего рода Робертом Бойлем политической философии, открыв ее новую парадигму¹⁹. Ему принадлежала выдающаяся роль в распространении практики новой инженерной науки на политическую сферу. Первой и самой значительной «живой лабораторией», («политическим животным», по выражению Петти, по аналогии с лабораторными животными), для Англии стала Ирландия. Впоследствии этот опыт был распространен на управление другими колониями. Но в XVII в. люди и земля Ирландии послужили полигоном, на котором отрабатывались западные идеи колонизации как *цивилизационной миссии для варварских народов*. Миссия включала идеологию улучшения и инженерного переконструирования, перенесенную из экспериментального естествознания. Она соответствовала модернизационно-цивилизационному проекту Запада,

обсуждаемому выше. «Я утверждаю, – пишет Кэрролл, – что Ирландия дает нам особенно показательный случай того, каким образом современный институт науки и правительственное управление были прикованы друг к другу экспериментальными проектами и практиками инженерной культуры»²⁰. При этом следует отчетливо понимать, что речь идет не об эксперименте и экспериментализме в самой науке, а об эксперименте, проводимой наукой над обществом, – социальном эксперименте.

С конца XVII в., вновь созданный союз государства и науки на территории Западной Европы укрепляется и расширяется. По мере трансформации самих государств в период первого и второго модерна роль науки в этом союзе менялась. Но именно в ходе обозначенного Кэрролл эксперимента с Ирландией обретает прочность союз между наукой и государством, «а потому, – говорит этот исследователь, – между наукой и обществом через идею “сплетения науки и государства”»: онтологически плотной, многогранно переплетающейся, разнородной, и в то же время сообщающейся между собой природы современной науки и природы современного правительственного управления»²¹.

В цивилизационно-модернизационном движении союз науки и государства стал реальностью, которая преобразила как государства, так и науку. Но подчеркнем еще раз тот факт, что «господдержку» получила «инженерная наука» (в терминологии Кэрролла). Наука, как и государство могли изменять, улучшать мир и овладевать им. Эти институты не задавались вопросом «зачем?», в чем смысл происходящего, а наоборот, исходили из сформированного в западном цивилизационном проекте – проекте модерна, смысла, ибо их задача была привнести его повсюду – в общества Запада и распространить на весь остальной мир.

Модернизация и современность

Уже в середине XX в. понятие «современность» во многом утратило философские коннотации и стало в большей степени ассоциироваться с протекающими процессами модернизации, понимаемой уже не как трансформация общества в целом, как своего рода реформация, а как научно-технический прогресс, прогресс в

управлении и в распределении общественного продукта. Современность в теоретическом плане все больше рассматривается как результат так понятой модернизации. Модернизация как присущая Западу социально-экономическая трансформация позже приобрела идеологический подтекст, неявно подводящий к выводу о преимуществе Запада, поскольку именно он вступил в модернизацию первым, прошел весь путь модернизации, начиная с первого либерального модерна XIX в. до второго организованного модерна XX в. Для незападных стран в XX в. модернизационный процесс стал рассматриваться как процесс догоняющей Запад модернизации. Российский исследователь Г. Дерлугьян характеризует сложившуюся теоретическую ситуацию понимания современности следующим образом: «В конце 60-х гг. (1960, время второго организованного модерна. – *В.К.*) в социальных науках Запада господствовала однолинейная и весьма идеологичная теория модернизации. Ее основной постулат – все общества проходят некие эволюционные стадии роста на пути от примитивной, статичной и функционально неразделенной традиционности к современности, характеризуемой инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом, дифференциацией на функциональные сферы экономики, политики, культуры»²². Получавшаяся в результате опоры на такого рода линейные теоретические подходы «современность» для незападных обществ представала неким желанным образцом, задавала стратегию догоняющей модернизации для них. Такое понимание модернизации во многом опиралось на онтологию обособленных государств и идею универсализма западной культуры как прошедшей часть пути, который предстоит пройти всему человечеству.

В 1960-е же годы, в период начинающегося кризиса второго модерна и сомнений в продолжении модерна, высказанных постмодернистами, появились концепции модернизации, подвергшие критике линейно-эволюционные представления о социальном развитии. Появились новые подходы к исследованию капитализма, в частности, под воздействием работ Ф. Броделя, предложившего вместо отдельных государств, рассматривать развитие регионов формирования капитализма (в его случае Средиземноморья) как определенной «миросистемы». Кроме того, Бродель считал, что капитализм может быть понят, только исходя из анализа взаимных интересов, склады-

вающихся в различных социальных группах влияния внутри конкретных государств: «Подлинная судьба капитализма была в действительности разыграна в сфере социальных иерархий... В долгой исторической перспективе капитализм – это вечерний час, который приходит, когда уже все готово. Другими словами, проблема иерархий лежит за пределами капитализма, трансцендентна по отношению к нему, логически ему предшествует»²³.

Идеи Броделя о том, что необходимо теоретически исследовать динамику скрытых интересов, стоящих за реальными «социальными иерархиями» получили развитие в работах выдающегося американского исторического социолога Ч. Тилли, который писал: «Мы продолжали более или менее осознанно полагать, что европейские государства шли одним главным путем, который был обозначен Британией, Францией и Бранденбург-Пруссией, и что другие пути развития были всего лишь ослабленными или провальными вариантами того же процесса. Это было неправильно»²⁴. В своих многочисленных работах Тилли разработал достаточные концептуальные средства, чтобы описывать процессы нелинейной модернизации, исходя из конкретно-исторических условий, в которых происходит сложное взаимодействие между различными группами влияния в государствах. Влияние групп в обществе, согласно взглядам Тилли, достигается либо обладанием средств принуждения, к которым он относит армию, полицию, вооружение и т. п., либо наличием финансового капитала, который также можно инвестировать или конвертировать в средства принуждения, либо обладанием других ресурсов, подконтрольных тем или иным группам. На примере Европы он показывает, что люди, контролировавшие средства принуждения или имевшие капитал, всегда стремились использовать его в своих целях, например, для дальнейшего увеличения своего влияния путем приобретения дополнительных ресурсов, таких, как-то расширение территорий, увеличение населения, захват чужой собственности и т. п. Преобразование государств в крупные наднациональные образования, согласно теории Тилли, есть практическое следствие логики капитала и принуждения: «Хотя государства являются в значительной степени отражением того, как организовано принуждение, но они также обнаруживают и действие капитала»²⁵. Он показал, как принуждение и капитал в разных комбинациях производят различные типы государств. Об-

рести конкретные черты второй современности, теряющей черты линейной модернизации, можно было только в рамках взаимодействия между структурами *современного (национального) государства: рыночной экономикой и гражданским обществом*.

Среди зарубежных исследователей, чье влияние на изменения идей классической теории модернизации было особенно значительным, следует также выделить израильского социального мыслителя и антрополога Ш. Айзенштадта. Вместо «царской» дороги модернизации, приводящей к современности западного типа Айзенштадт предложил рассматривать современность как особый тип цивилизации, впервые возникшей в Европе. Дальнейшее распространение современности на незападные общества, согласно Айзенштадту, также было возможным. Модернизация незападных обществ происходит путем инкорпорирования и констелляции символических и институциональных предпосылок, перенесенных из западных обществ, но по мере того, как западные паттерны модернизации инкорпорируются в незападные общества, они, сталкиваются с местными символическими и институциональными структурами. В результате возникают уникальные цивилизационные комплексы: *современность, преломленная сквозь местные традиции*. Идея единственности современности, которая ассоциировалась долгое время с Западным миром и способностью «догнать» его незападными странами, тем самым замещается Айзенштадтом тезисом о разнообразии типов современностей, характерных для конца XX в. (а сегодня можно сказать, что и для обществ третьего модерна в XXI в.) **для стран с самыми различными культурными традициями, находящихся на разном уровне экономического развития**²⁶.

Срыв модернизации

Понять адекватно многообразие путей модернизации, о котором упоминалось выше, будет не вполне возможным, если мы не включим в него концепцию Ш. Айзенштадта о срыве модернизации, т. е. о том, что начавшись, процесс модернизации может перейти в фазу затухания и стагнации, демодернизации, архаизации, анархии, сорвав переход к современности. Его статья

«Срывы модернизации» была написана в 1965 г. и опубликована в 1973 г. В ней была проанализирована «природа социальных процессов, влекущих за собой изменения, которые можно назвать срывами политической модернизации»²⁷. Айзенштадт отмечал, что срывы происходили зачастую не по причине отсутствия модернизационного импульса, не по причине неудачного начального старта, но из-за надлома политических институтов. Путь модернизации особенно молодых наций не был прямолинейным, как было уже отмечено им в отношении европейских стран. Отличие срывов в странах, догоняющих Запад (линейная модернизация) и ассимилирующих его достижения применительно к своей социокультурной среде (нелинейная модернизация) состояло в том, что срывы, провалы и возвратные движения в новых модернизирующихся обществах зачастую приводили к подмене современной институциональной среды более примитивной, что вело, в конечном счете, к консервации ошибок, а не к их преодолению. Именно создание институциональной среды, констелляция ее элементов представляется Айзенштадту универсальным свойством модернизационных процессов и складывающихся современных обществ, в отличие от социально-культурной специфики, делающей модернизацию и современность полностью вариативными, нелинейными. Это было в значительной мере предвидением, которое полностью осуществилось в эпоху третьего модерна – нового Нового времени для незападных стран, начавшегося в XXI в., когда влияние собственной культуры незападных стран стало не просто заметным в ходе модернизации, но в отличие от этапа догоняющей модернизации XX в., сознательно было использовано в их модернизационном развитии²⁸.

Одним из вызовов модернизирующихся обществ являлось «наличие значительных расхождений между запросами различных групп – партий, кланов, бюрократии, армии, регионалов – и способностью центральной власти реагировать на эти требования»²⁹. Новым отягощающим обстоятельством выступал тот факт, что при начавшейся модернизации разные уровни политических требований и политической деятельности уже нельзя было игнорировать, ибо они становились частью общего политического процесса и требовали принятия адекватных решений. «Но, – как пишет Айзенштадт, – при этом адекватные механизмы и принципы агреги-

рования интересов или регулирования конфликтов в этих рамках отсутствовали. Другими словами, новые ценностные ориентиры, воплощения которых желали многие граждане этих обществ, требовали относительно высокого уровня согласованности действий индивидов³⁰. В тех случаях, когда не удавалось построить такую конфигурацию власти, которая бы связывала отдельных граждан с ее новыми артикулированными требованиями, происходил срыв и крушение всей системы.

Одним из факторов, приводящих к срывам модернизации, Айзенштадт считает раскол элит, вызванный различным отношением к современности, к пониманию ее символического содержания, состоящему, прежде всего, в признании неизбежности перемен и вхождения в мировое сообщество. Но модернизация, как мы понимаем, это – испытание не только для элит. Поскольку в ее процессы вольно или невольно втягивается все население, происходит более плотное взаимодействие самых различных групп и слоев. Следовательно, в условиях все расширяющегося соприкосновения социальных ареалов важно иметь механизмы нахождения консенсуса, компромисса интересов, уметь выстраивать новые социальные иерархии. Но для этого необходимо все время настраивать институциональную среду. Поэтому Айзенштадт в качестве ключевой проблемы модернизирующихся обществ выделяет «медленное становление новых институтов и нехватку регулирующих и нормативных механизмов, которые внедрялись бы в стратегические области общественной структуры»³¹. Пользуясь идеями Э. Дюркгейма, он называет этот социальный дефект неспособностью утвердить новые уровни солидарности.

Айзенштадт проанализировал многие из проблем, встречающихся на пути модернизации незападных стран. Советская Россия также попала в теоретический фокус его интереса как пример успешной модернизации. Представляется интересным посмотреть, на положительный опыт России глазами такого крупного теоретика, каким был Айзенштадт. Он отмечал, что элиты СССР «сумели не только навязать широким социальным слоям свою политическую линию, но и втянуть прочие группы в более дифференцированную институциональную рамку, регулируя до определенной степени ход этой интеграции»³². Процесс модернизации в России того времени сопровождался широкой социальной мобильностью,

важной характеристикой которой было «упразднение самодостаточности и закрытости традиционных социальных ячеек и встраивания их в каркас новых, модернизированных институтов»³³.

Новая правящая элита Советской России, как впрочем, элита любой другой страны, была заинтересована в поддержании своего высокого статуса. Но в этом конкретном случае консервация ее собственной монополии в России подкреплялась разнообразными стратегиями, направленными на расширение символических и статусных основ своего главенствующего положения в обществе. Однако при этом развивались крайне уважительные отношения к многочисленным *новым статусным видам деятельности* – технической, академической, артистической, изобретательской и т. п. «Кроме того, они (правящая элита. – В.К.) стремились предельно минимизировать тягу к увековечиванию своих позиций различными элитными или бюрократическими группировками»³⁴.

Для нас важно то, что Айзенштадт приводит примеры и анализирует многочисленные случаи срыва, обрыва модернизации в незападных странах. Вместе с тем, ситуация начала XXI в. разительно отличается от середины XX в. плане примеров успешной модернизации незападных обществ³⁵.

Примечания

¹ Гете И.В. Фауст. М., 2012. С. 392.

² Там же. С. 440.

³ Там же. С. 392.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 444. Эта фраза более известна в России в другом переводе: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

⁶ Там же. С. 444.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 441.

¹⁰ Там же. С. 431.

¹¹ Там же. С. 429.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 432–433.

¹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск, 2002. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7.

- 16 *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. С. 15.
- 17 *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 337–338.
- 18 Там же. С. 325.
- 19 *Carroll P.* Science, Culture, and Modern State Formation. L., 2006. P. 52–80.
- 20 *Ibid.* P. 26.
- 21 *Ibid.* P. 4.
- 22 *Дерлугьян Г.* Военно-налоговая теория государства // *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М., 2009. С. 10–11.
- 23 *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 80.
- 24 *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 36.
- 25 Там же. С. 42–43.
- 26 *Eisenstadt S.* Multiple modernities // *Daedalus.* 2000. № 129. P. 1–29.
- 27 *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации (<http://magazines.russ.ru/> Дата обращения: 06.05.2014. (Мы предпочитаем другое прочтение, чем указано в источнике – Айзенштадт, по аналогии с тем, как Уоллерстайн стал писаться Валлерстайн).
- 28 См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 520–558.
- 29 *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации. С. 4.
- 30 Там же. С. 6.
- 31 Там же. С. 8.
- 32 Там же. С. 11.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 13.
- 35 *Эйзенштадт Ш.* (1998). Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // *Сравнительное изучение цивилизаций* // Сост., ред. и автор вступ. статьи. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 470–479.

В.Г. Федотова

Дополитическая, политическая и постполитическая культуры как индикаторы исторического этапа модернизации

Модернизация рассматривалась философией как целостный процесс, затрагивающий все общество. Но такая модернизация произошла только при формировании западной цивилизации. Другие цивилизации, в том числе и существующие тысячелетиями (Китай, Индия) или тысячелетие (Россия) проходили модернизации разных сфер неодновременно. В постсоветской России флагманом модернизации считали экономику и политику. Мы разделяем эту точку зрения, прежде всего, как отвечающую текущему моменту роста социальных движений и массовых выступлений с различными политическими кредо, из которых нередко исключен вопрос о взаимоотношении с государством, замененный спонтанными действиями и образами должного.

Еще раз об истории модернизация и ее будущем

Продолжая поднятую в статье В.А. Колпакова тему об историческом изменении модернизационной парадигмы от первой, ранней, догоняющей (линейной), которую мы, тем не менее, пытались применить в России 1990-х, к другим, более сложным (нелинейным) моделям и возможностям срыва модернизации, отметим, что мы называли в своих публикациях эти нелинейные модели национальными, связанными с культурой обществ, в которых про-

исходит модернизация, с появлением многообразных вариаций модернизации, в различных странах особенно в третьем модерне XXI в. – новом Новом времени для незападных стран¹.

В 1990-е годы против догоняющей модернизации в России выступил американский социолог Дж. Александер, показав, что мы пытаемся догнать либеральный XIX в.² Он выделил четыре этапа в развитии послевоенной социальной теории, смену которых он тесно связал с изменением социального контекста:

1. Господство *модернизационных* теорий, 1950–60-е гг. После победы над фашизмом влияние Запада и образа западной цивилизации повсеместно возросло, поверженные Германия и Япония встали, как казалось тогда, на рельсы западного пути развития. Начался процесс деколонизации, пафос которого состоял в утверждении способности освобождающихся народов самостоятельно в условиях независимости осуществить модернизацию по западному образцу. Исключение составляли страны социалистической системы, которые осуществляли модернизации, но особым образом, и Россия не выпадала из социального контекста, породившего модернизационные теории.

2. Модернизации 1950–1960-х гг. не закончились успехом для стран третьего мира. Их традиционные культуры были разрушены в большей мере, чем приобретены основы современного общества. Бурное развитие Японии не меняло ее национальной идентичности на западную и являлось не следствием успеха модернизационных (догоняющих Запад) теорий, а азиатским чудом, которому, казалось, не суждено повториться. В этот период повсеместно растет убеждение в возможности *социалистической альтернативы модернизации*, в особом пути социалистических стран. Модернизационные теории решительно отбрасываются в пользу *социалистических*. Знаменательный пример умонастроения 1970-х приводит Дж. Александер. В середине 1970-х на заседании Американской социологической ассоциации известный исследователь, сторонник теории модернизации А. Айнкелес докладывал результаты проведенного им совместно со Д. Смитом исследования о персональной модернизации в шести развивающихся странах. Молодое поколение социологов выразило решительное презрение к их ныне почти классическому труду и поддержало известного сегодня социолога И. Валлерстайна, заявившего: «Мы живем не в модерни-

зирующемся, а в капиталистическом мире... и в переходе мировой системы от капитализма к социализму»³. Стремление к социализму было связано с открытием Россией и другими странами «второго», т. е. незападного и способного конкурировать с Западом, пути. Ему способствовали либерализация политического режима СССР, его конкурентоспособность Западу в сфере обороны, космоса, ядерной области, фундаментальных наук, притягательность социалистического выбора для стран третьего мира, не преуспевших в капиталистической модернизации после деколонизации, подъем социал-демократии Запада. Идея *второго пути* и сейчас еще не исчезла, хотя он уже редко связывается с социализмом.

3. Неуспех третьего мира на социалистическом пути, так же как и на пути капиталистической модернизации скоро развеивает эти иллюзии. Поскольку социализм есть тоже модернизация – движение к современному обществу, но осуществленное особым образом – в качестве обходного маневра в отношении Запада, – поднимается волна антимодернизационных настроений, ставящая под сомнение оба вышеназванных и обозначенных типа социальных теорий. Появляются постмодернизационные социальные теории. Их можно назвать теориями постмодернизации.

Следствиями постмодернизационной перемены в социальной теории являются: критика Запада за стремление диктовать миру свою волю, признание значения локальных культур и цивилизаций, их права на собственную судьбу, отрицание концепта всемирной истории как истории, идущей в направлении, открытом Западом. Утверждается, что Запад удовлетворен статус-кво и безразличен к судьбе «маргиналов», до которых ему более нет дела, предполагается возможность множества путей развития, преобладание локального и даже маргинального над универсальным. (Эта тенденция отчетливо прозвучала на Билефельдском социологическом конгрессе летом 1994 г.)

4. Привлеченные модной риторикой постмодернизма, а также декларируемым социальными теориями постмодернизации правом на собственное оригинальное развитие, элиты многих посткоммунистических государств, особенно этноцентристских, увлеклись строительством собственных теорий. Другие общества, оскорбленные местом, занятым ими в глобальном раскладе развитых и отсталых стран, отвергли статус-кво и плюрализм,

поставив перед собой задачу *неомодернизма* – нового витка модернизации. Разочарования в Западе у этих последних не было. Догоняющая модель модернизации, соответствующая этому выбору, являлась однако одновременно опаздывающей, никак не способной догнать Запад сегодняшнего дня. Путь развития в этой интерпретации снова становился *единственным – общечеловеческим, догоняющим Запад*.

К этому мною были добавлены некоторые другие теории: неомодернизации на этнооснове, евразийские, социалистические, неомодернизационные, жестко требующие повторения опыта либерального модерна XIX в., антимодернизационные и пр.⁴.

На всех фазах развития социальной теории России принадлежит не последнее место в мировом социальном контексте и тех социальных сдвигах, которые инициируют смену теорий. На стадии доминирования модернизационных теорий Россия могла быть интересна предшествующими этапами модернизации и своим стремлением в советский период «догнать и перегнать Америку». Этап интереса к социалистическим теориям вырос из иллюзий российского неограниченного успеха, а также успеха социал-демократий Запада. Постмодернистский этап российскими теоретиками был воспринят только риторически, а практически только поддержкой политической эклектики, тогда как для украинских, например, он был в известной мере предпосылкой националистического выбора. Четвертый этап (неомодернизация) – это описание российского посткоммунистического выбора с его идеализацией Запада и приданием западным моделям статуса универсальных, с отказом от всякой присущей постмодернизму самоиронии и новой фазой героической борьбы за демократию (как прежде за социализм).

Роль России в смене социальных теорий отмечается многими исследователями. Так, известный американский социолог П. Бергер выделяет четыре основных события, сломавшие парадигму социологии после Второй мировой войны. Это: маргинальные устремления верхнего среднего класса западных стран (феминизм, этноцентризм и пр.); опыт создания незападного центра капитализма в Японии и других странах Юго-Восточной Азии; оживление религии в западных странах; распад СССР и коллапс коммунизма. Он писал: «...четвертый случай: это – имеющий важное значение

коллапс советской империи, и, кажется, по меньшей мере сейчас, мировой коллапс социализма одновременно как реальности и как идеи. Даже начало этого всемирно-исторического события было очень недавно и последствия возникли с незамедлительной скоростью... Было бы несправедливым ругать кого-то, что не было представлено теории, объясняющей все это, поскольку почти никто не предвидел этого (включая полк дипломированных советологов), и все испытывали трудности охватить эти события какими-либо теоретическими рамками, придающими смысл»⁵.

Посткоммунистические преобразования не выработали *теории посткоммунистической модернизации*, которая бы более адекватно воспроизводила специфику и возможности модернизации бывших коммунистических стран и могла бы участвовать в менеджменте происходящих в них социальных трансформаций. У этой теории (теорий) должно было появиться имя. Но пока оно не найдено. Сегодня они вписываются в концепцию третьего модерна – в идею модернизации незападных стран с учетом их собственной специфики.

Среди людей, которые чутко реагировали на изменение социального контекста социальных теорий был Ш. Айзенштадт, который в 1950–1960-е гг. пришел к выводу о закате догоняющих моделей модернизации, как уже отмечено, с некоторым опережением. По всей видимости провал идей модернизации для стран, выходящих из колониальной зависимости, явился причиной, по которой догоняющая модернизация потеряла свою привлекательность. Перед деколонизируемыми странами третьего мира в эти годы открывалось две перспективы модернизации – социалистическая или капиталистическая. Но обе они не реализовались. В этот период ЮНЕСКО исключила из употребления термин «модернизация», имевший прежде все явные признаки догоняющего развития, заменив его термином «развитие», более широким и не направленным на выполнение обязывающей программы.

Ш. Айзенштадтом, уже отмеченным в данной книге как одним из крупнейших специалистов по модернизации, было показано, что модернизация решает вопрос о выборе в условиях существования ряда антиномий. Среди них: свобода – авторитарность; стабильность и преемственность – перемены; современная социальная рациональность – традиции, культурные ориентации и ценности,

религиозный и мистический опыт⁶. Его постоянно мучил вопрос о срыве модернизации, о демодернизации и потере стабильности: «...большинство проблем становления современного общества воспринималось прежде всего на фоне растущей необходимости поддержания стабильности в обществе и обеспечения социальной справедливости. Даже те, кто рассматривал досовременные режимы как угнетающие, признавали, что специфические условия модернизации порождали новые, доселе неведомые проблемы поддержания внутренней стабильности и обеспечения социальной справедливости»⁷.

Проблема модернизации прошла ряд исторических трансформаций – от *целостного процесса трансформаций всего общества* на Западе с начала Нового времени и построения первой либеральной современности XIX в.; через кризис к догоняющей модели модернизации незападных стран и второй организованной (социал-демократией, техникой, технократией и бюрократией) современности Запада 1920–1970-х гг. Далее – постмодернизм как критика модернизма за его жесткие схемы и споры о дальнейшей возможности «проекта модерна». Далее – внезапный проект 1990-х, ориентированный на первый либеральный модерн в одних посткоммунистических странах и в модернизацию на этнооснове в других. По существу провал, но оставивший свои как негативные, так и «положительные» следы своего рода «расчисткой места», чтобы что-то строить. Начало третьего модерна в XXI в. – **нового** Нового времени для незападных стран, развитие которых подрывает многие представления об универсальности модернизации, заставляя обратиться к его особым чертам в каждой стране, а следовательно отказ от «линейной» (термин мне не представляется удачным), скорее, догоняющей Запад модели модернизации.

Иллюстрацией может быть следующий пример. Я рассматривала переход к глобализации в одной из коллективных монографий сектора как смену мегатренда. До глобализации мегатрендом была модернизация. Теперь она осуществлялась на локальном уровне, что полностью соответствует концепции третьего модерна, позже представленной в книге В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова и Н.Н. Федотовой о глобальном капитализме. Китайский специалист по модернизации Хэ Чуаньци отстаивает другую точку зрения – глобализация и есть путь к всемирной модернизации, значит,

мегатрендом остается модернизация. Здесь дискуссия выходит за пределы академической, в нее вторгаются локальная специфика и практика. Модернизация Китая при всей своей специфике разворачивается в глобальном мире, где Китай занял ведущие экономические позиции. Китай производит на экспорт огромное количество продуктов, заполняя мировые рынки белья, обуви, мебели и других товаров. Глобальный характер приобретает китайское образование – в стране учится молодежь Африки и других стран. Бродвей выглядит в районе Колумбийского университета как заселенный китайцами, и такой не один: В США учится не менее ста тысяч китайцев. Китай осваивает Африку. Для него глобализация – путь к его модернизации. Россия имеет значительно меньше продуктов своего производства на глобальном рынке. Такие ее бренды как икра, водка, клюква, хлеб, технологии сегодня заняты другими – Ираном, Финляндией, Эстонией, Францией, Западом в целом. Нефть, газ существуют и в других местах. Сегодня они выполняют роль глобального продукта, но завтра это может перейти к другим странам, имеющим запасы востребованного ныне или нового сырья, необходимого для производства энергии. Поэтому применить к России концепцию Хэ о мегатренде модернизации, который усилен глобализацией, невозможно. И говорят в России это лишь те, кто не понял усилившихся региональных особенностей модернизации, теряемой ею универсальной характеристики. В этом тезисе раскрыта причина энергии и готовности Китая быть вовлеченной в глобальный рынок. Модернизация имеет много аспектов, которые неизбежно меняются по мере ее осуществления. Она вносит изменение в хозяйство, экономику, создает условия для развития капитализма и обретения им цивилизационной формы, в культуру, нравы, государственное управление, образование, формирование человека. И все же главное в ней – политика, политические институты с их ядром – государством. По мнению Ш. Айзенштадта «политическая сфера становится главным фокусом развития и рычагом воздействия на другие сферы. Важное отличие в политической ситуации (незападных стран. – *В.Ф.*) от европейской модели развития... в характере политических структур и их отношении к социальному структурированию общества. Во многих незападных обществах не существовало сильных самостоятельных образований, ассоциируемых с "государством" и "обществом" в европей-

ском понимании (а именно в отношении государства и общества Айзенштадт видит суть политики. – В.Ф.). Далек не везде присутствовал определенный структурный политический центр, а если он и был, то скорее навязывался извне, чем возникал под влиянием внутренних сил. В редких случаях наблюдались и скольконибудь гомогенные этнические и национальные общности. Даже в обществах имперского или патримониального типа, в которых несомненным было наличие специфичного центра и госаппарата, огромное отличие от Западной Европы заключалось в слабости плюралистических элементов»⁸.

Политика в массовом обществе часто считается демократической, по определению, из-за факта участия широких масс населения в выдвижении политических требований. Иногда она принимает формы перформанса или спектакля, что уже неоднократно случалось. Более того, сегодня отмечается возрастание такого состояния не только в массовых выступлениях, но и в отношении политического представительства (репрезентации) к репрезентируемому. Имеется разрыв репрезентации с репрезентируемым. Репрезентируемый достаточно автономен по отношению к выдвинувшим его. Это похоже на то, что картина автономна по отношению к тому, что на ней изображено. Именно поэтому, из-за сравнения политической репрезентации с картиной, с подобным отношением в мире эстетического, выдвинувший эту концепцию нидерландский ученый Ф. Анкерсмит называет такую политику эстетической. Он показывает, что активная критика идеологической политики, которая имела место прежде, в сравнении с новыми тенденциями не замечает того преимущества, что критикуемые сегодня идеологии «придавали политическим желаниям избирателей какие-то минимальные связность и последовательность... идеологическая политика получала весьма прочное основание – основание, которого нет в современной политике... Неустойчивости избирателя, представляющей столь серьезную угрозу для демократии, можно эффективно противодействовать только ограничением у избирателя вариантов выбора, которое напоминает традиционную роль идеологий... отныне дополнительной задачей политических партий становится сортировка всех несовместимых друг с другом желаний, которые могут возникать у электората, с тем, чтобы различить в них определенные конфигурации и понять,

какие из них согласуются друг с другом, а какие нет»⁹. Дополитические и постполитические движения масс получили широчайшее распространение сегодня.

Постполитическая форма движения масс

Большие изменения в политику в массовом обществе внесли ее репрезентации в СМИ, Интернете, массовых движениях, избирательных кампаниях, публичных дискуссиях. Перформанс – спектакль для публики, создаваемый самой публикой, политиками, героями телеэкрана и политтехнологами. Тема перформанса все более проникает в видение политики, привлекает политологов, социологов, культурологов, хотя ей пока не уделяется должного внимания. Социолог, который обратился к этой теме – Дж. Александер исследует ряд концепций социального и политического перформанса, революцию в Египте как политический перформанс и др.¹⁰. Интересную трактовку политического перформанса дает немецкий политолог М. Шмидт, который различает политический перформанс мажоритарного и немажоритарного правления, демократии с большим и малым числом игроков, обладающих правом вето, гибридных режимов, президентского и парламентского типов правления, прямой демократии, представительного правления. Некоторые типы демократии являются ограничителями перформативных проявлений политики и дают возможности различного выбора¹¹.

Чтобы понять, что такое политический перформанс, стоит обратиться к термину «политика». В соотношении с термином «перформанс», а также с термином «эстетическая политика» важно показать, что политика, согласно удачному определению К. Шмитта, это способ решения вопроса государством и другими субъектами о том, кто друг и кто враг. Она рассматривается по аналогии с определением эстетического, решающим вопрос о том, что прекрасно и что безобразно; этическим, сосредоточенным на вопросе о том, что является добром, а что злом; экономического, выясняющего, что пригодно, что непригодно¹². Цель политики – не умножать врагов, а сохранять друзей и превращать врагов в друзей. Перформанс в переводе с английского означа-

ет производительность, исполнение, выполнение, деятельность, спектакль. «Политический перформанс» – выражение, используемое чаще всего в последнем смысле, учитывающем как спонтанность, так и запланированность событий, эмоциональную напряженность, борьбу за вовлечение публики, превращение скучного в интересное, не имеющего смысла в осмысленное. Сам термин «перформанс» близок постмодернистскому видению. Но постмодернизм – это идеология позднего капитализма в эпоху его кризиса 1960–1990-х гг. Сегодня же наступило время третьего модерна, которое мы определяем как новое Новое время для незападных стран¹³. Постмодернистская критика была здесь усвоена, во-первых, из-за увеличения роли незападных стран в мире, во-вторых, из-за многообразия их культур и, в-третьих, из-за превращения этого ранее элиминируемого фактора (культуры) в важнейший момент модернизации.

Политическому перформансу, равно как эстетической политике предшествовал феномен *идеологии*. Она упростила многообразие связей и отношений, концентрируясь на защите интересов определенных классов, слоев или групп и внесла в политику целостность, энергию, целеустремленность, борьбу сил и страсть, побуждающие массы, прежде не сознающие своих интересов, превратиться в защитников представления о себе, определенного той или иной идеологией. Убедительные провалы идеологий вызвали к жизни политические перформансы и эстетическую политику. В 1960–1990-е гг. политический спектакль стал играть заметную роль в восприятии политики. Студенческие бунты на Западе конца 1960-х до сих пор не получили внятного объяснения. Последующие годы предположений о конце модерна, постмодернистский подъем, имеющий глубоко эстетическую природу, усилил перформативное видение политики, недоверие к ее рационалистическим целям и поиск вдохновения в непредсказуемых, спонтанных, эстетически привлекательных ситуациях.

Многую было показано, что в одних странах массовая культура изначально была направлена на релаксацию после тяжелого труда и демонстрацию символов индустриального и позднеиндустриального производства (США), в других (Юго-Восточная Азия) она выступает как знак современного, нового и способствует развитию индустриализма, мобилизации масс к развитию производства,

в третьих (посткоммунистические страны) заполняет социальное пространство массовыми образцами культуры и образа жизни, не играя роли символа индустриализма и прогресса¹⁴.

Избрание Б. Обамы, революции в Египте и на Ближнем Востоке, события на Украине, при всем трагизме, поначалу превратилась в грандиозные спектакли, в политические перформансы. В России актерами спектаклей оказались люди и прежде близкие к власти, а ныне ставшие ее радикальными критиками, а также политики, стремящиеся к реваншу. Повсюду в мире формировались спектакли в жанре трагифарса, провоцирующие ответный спектакль власти. Оставалось ощущение: «Ничего всерьез». Однако власть с серьезностью вынуждена была воспринимать и эти предвыборные спектакли, и выходку «Пусси Райот», самым большим наказанием для которых могло бы стать молчание всех и метла для уборки улиц. Большинство политических программ в российских СМИ – спектакли, шоу, сталкивающие разные силы общества и не стремящиеся ни к компромиссу, ни к точкам зрения, не являющихся крайностями. Такие точки зрения есть, но они серьезны и не пригодны для кипящих страстей политического перформанса на улице или в СМИ¹⁵.

В работе «Перформанс политики: победа Обамы и демократическая борьба за власть» Дж. Александер показывает, что есть три типа книг, посвященных избирательному процессу: книги, написанные людьми, участвующими в выборах или организующими их; книги журналистов, освещающих выборы; книги ученых, чьи идеи направлены на достижение объективности. Себя он причисляет к новому типу авторов, объединяющих все три типа. Такие ученые смотрят на себя как находящихся и внутри, и извне избирательного процесса, изучают детали и контекст, а также сопровождающие выборы политические перформансы. По мнению Александера, Дж. Маккейн проиграл, не сумев осуществить перформанс, будучи плохим актером, в отличие даже от неопытного Б. Обамы, который не был ни национальным героем, ни человеком, связанным с военными, и играл только на площадке гражданского общества. Серьезности и героическому прошлому Маккейна он противопоставил перформанс, технологии Интернета, обращения к молодежи. Обаме лучше удалось наполнить свою кампанию эмоциями и символами, в том числе священными для Америки и противопоставить себя Маккейну по принципу бинарной оппозиции¹⁶.

Второй случай, рассмотренный Дж. Александером – Египетская «революция» 2011 г. Александер воспринимает с большим интересом и энтузиазмом события в Египте. В уже упомянутой книге «Перформативная революция в Египте: эссе о культурной мощи» он оценил египетскую революцию как жизненную драму, политический успех которой зависел от «ее способности спроектировать влиятельные символы и перформансы, проходящие в режиме реального времени, сюжетно убедительных протагонистов и презренных антагонистов, стимулировать и распространить сильные эмоции, организовать достойную подражания солидарность, создать напряжение, расстроить планы врагов, одновременно очищая нацию посредством ошеломляющей победы, которая подняла бы граждан к новой надежде и торжеству их воли»¹⁷. Александер показывает важность участия коллективных символов, коллективных представлений. «Символические представления являются коллективными не в том смысле, – пишет он, – что их все разделяют, а в том, что они имеют публичный, а не частный характер. По мере того, как социальные акторы проектируют новый опыт самим себе, они проецируют этот опыт на других, на участников и на тех, кто смотрит со стороны издалека или изблизи. Коллективные представления фильтруются масс-медиа и проецируются назад – на участников или на аудиторию»¹⁸. Сегодня он, мне кажется, отнесся бы к этой революции осторожнее, учитывая отсутствие политического опыта у населения Египта и тех стран, где случились анархические вмешательства масс в политический процесс, и был бы прав в свете ужасающих событий, последовавших за фильмом «Невинность мусульман», ситуацией на Украине, но Александер писал до этих событий. Поэтому он более позитивен, утверждая, что нельзя дать объективную оценку событиям в связи с отсутствием нейтральных социальных фактов, ибо мы встречаемся не с событием самим по себе, а с представлением о том, что произошло. Это представления тех, кто был в гуще событий; тех, кто не участвовал, но сформулировал свое мнение; тех, кто против; и тех, кто не знает, как воспринять происходящее. В то время было трудно понять смысл египетской революции и прогнозировать другие массовые анархические действия. События в Египте, в других странах Ближнего Востока, на Украине уже не представляются революциями. Это – радикальный, анархический, разрушающий государства бесконечный путь

противостояния, вытеснивший возможные реалистические ответы на материальные и социальные условия. Однако массовое сознание, склонявшееся к мнению, что совершается революция, и что эта революция ради модернизации, поддерживалось СМИ, охотно эксплуатирувавшими этот термин. Александр приветствовал революцию как очищение, идущее от масс, а значит, осуществляемое демократическим путем. На этом этапе политического бунта, анархии и архаики массовых выступлений еще не вставал антиномичный вопрос: является ли демократия *способом правления государства*, признающего объективность интересов социальных групп и ищущего компромисс между ними, или *властью народа*, его непосредственным прямым решением, представленным на деле его частью, участвующей в активном политическом действии. Опыт недавних событий на Ближнем Востоке, на Украине учит, что когда власть не в состоянии осуществить демократическую политику и способствовать экономическому развитию, вступают в действие в лучшем случае формы непосредственной демократии (референдумы, вече), не имеющие эффективности, присущей представительной демократии, а в худшем случае – бунтующие группировки.

Сегодня никто уже не согласится с признанием достоинств перформанса «египетской революции», равно как и с верой в египетскую демократию. Уверенность Запада в универсальности своих ценностей поколеблена опытом массовых движений, в которых использование западных лозунгов не означало содержательного тождества с пониманием демократии на Западе и формировало как архаические образцы народовластия, так и новые диктатуры. Получены уроки невозможности демократической революции в несозревшем для этого обществе, особенно в обществах, сохранивших традиционные культуры, не осуществивших перехода к модерну и не имевших опыта жизни в нем. Запад, ослепленный верой в свою универсальность, ошибочно принимает имитацию вовлечения масс в перформанс революции, заканчивающийся гражданской войной, за предпосылку демократии в незападных обществах, не прошедших модернизации.

Перформативные функции имеет и современный терроризм. По мнению Александра, «когда социальные перформансы заканчиваются, они становятся частью коллективной памяти, содержа репрезентации, которые в свою очередь поддерживают последую-

щие перформансы»¹⁹. Александер показывает, что надо воспринимать терроризм не только в инструментальных терминах, но так же в терминах символического действия на сложном перформативном поле. Только в этом случае, считает он, можно понять поддержку Америкой перформансов и контрперформансов. Добавим, что в этом случае можно также понять американскую надежду на то, что все массовые движения – предпосылка демократии. Объяснения терроризма прежнего, направленного на отдельных «виновных» лиц и нового терроризма, атакующего население, не получил объяснения своей сути. На мой взгляд, терроризм сегодня отличается от прежнего, хорошо известного в России терроризма, тем, что направлен не против лиц, которым террористы что-то вменяют вину, а против населения, чтобы оно стало, стремясь использовать страх, умноженный через СМИ, средством давления на правительство своей страны для осуществления требований террористов во имя избежания террора. Ни социологическое объяснение (неуспешность исламских стран в условиях глобализации, разрыв богатства и бедности, отсталость), ни цивилизационный подход (столкновение цивилизаций), ни социально-психологический подход («истинно-верующие» фанатики) не дают ответа на вопрос о причинах и сущности терроризма, характеризуя лишь его отдельные черты. На наш взгляд, только политологический взгляд позволяет понять его сущность. Терроризм – это международный криминал. Но нами было показано, что вместе с тем, его действия ориентированы на выяснение того главного в выше приведенном шмиттовском определении политики вопроса: «кто друг, кто враг?». Этот вопрос всегда решало государство, стремясь умножить друзей и победить или примирить врагов. Но по мере глобализации и увеличения числа акторов в мировой политике, отхода государства от своей ведущей политической роли, ее взяли на себя архаически настроенные террористы в противовес требованиям замены политики моралью, идущих от М.С. Горбачева и Б. Клинтона. Не государство, а террористы взяли на себя политическую функцию определять, кто друг, кто враг, архаизируя политику²⁰. Исключив из решения этого политического вопроса государство, они оказались представителями *постполитической культуры*. В этом смысле и могут быть поняты многочисленные заголовки книг и статей о конце политики. Поэтому терроризм мы трактуем как архаическую политизацию²¹.

Дж. Александер рассматривает терроризм как *постполитическое явление*, пытаясь выделить типы политических культур:

1) *Дополитические культуры* – крестьянские и прочие восстания, не выражающие классовой и военной политики. Этот термин использовал так же К. Шмидт, утверждая, что народ может впасть в *дополитическое, догосударственное, этноцентристское* состояние. Наиболее подробно тема дополитического разработана Э. Хобсбаумом. Он изучал дополитические движения, которые не могли захватить политическую власть, но уже имели политическое сознание. Это – «робин гуды», «социальные бандиты», анархисты, бунтари²². В России – стихийные движения народа, бунты, восстание Пугачева, например, стремившееся сохранить устройство общества и государства в имеющемся виде с заменой царя на лучшего.

2) *Постполитические культуры* – современный терроризм, отражающий предел политической возможности. Постполитическое, отмечает Александер, – это глубокий опыт политической неспособности к политическим изменениям, который выражается не только в культурных и метафизических смыслах, но в жадном желании властвовать и проявить собственные амбиции в строительстве уммы великого арабского мусульманского государства²³ (добавим, и других групп или других целей, недостижимых политическим путем). Это – возврат к архаике и анархии²⁴.

3) К этому нам следует безусловно добавить *политические культуры*, включающие взаимоотношения общества, социальных классов, групп и государства²⁵.

Отметим, что хронологически порядок изложения этих типов политических культур иной: дополитическая, политическая и постполитическая культуры. Если в дополитической культуре основой является традиционная архаика, то в постполитической – ее реанимация, связанная с уменьшением роли государства в глобальном мире, с неэффективностью государственной политики во многих странах, с недовольством масс. То есть в своей сущности постполитическая культура сходна с дополитической стремлением к бунту, восстанию масс, недоверием к государству и противопоставлением своей воли и активности политическим институтам там, где они есть.

Механизм динамики ценностей как фактор обновления политических культур

Ценности *дополитической, политической и постполитической культур* сегодня причудливо смешаны. Массы претендуют на постполитическое участие в форме прямой демократии и дополнительных форм – вече и пр. Есть случаи, при которых массовое участие и формы непосредственной демократии выступают как специфические, но зрелые формы политической культуры, не отличающиеся дополнительным и постполитическим характером, ибо обращены к диалогу с государством. Это случается, например, в демократии небольших государств. Как показывает немецкий исследователь М. Шмидт, наиболее важные достижения непосредственной демократии присущи Швейцарии. Она открывает клапан безопасности в отношении недовольства и протеста, создает высокий уровень удовлетворенности избирателей и вносит большой вклад в строительство швейцарской коллективной идентичности. Говоря о «своеобразных сильных референдумах демократии» в Швейцарии, М. Шмидт подтверждает высказанную нами ниже мысль об отсутствии универсальных моделей политической культуры и свидетельствует о недостаточной разработанности представлений о ней в связи с различием типов демократий, стадией их развития²⁶. К «слепым пятнам демократии» он относит отсутствие интереса к политическому прошлому и к анализу пережитков политической деятельности, отсутствие связи проблем демократии с экономическим развитием и разрывы демократии в экономически менее развитых государствах, различие разных типов демократий в способности выполнять свои функции, а так же наличие гибридных демократий и политических культур²⁷, о чем пишет так же А. Лейпхарг²⁸. По мнению М. Шмидта, важно различать политические процессы в «установленных конституционных демократиях» и частичных демократиях²⁹. Но в дополнительных и постполитических культурах, которые есть в любом обществе, государство не всегда способно конкурировать с этой архаически-анархической парадигмой постполитической культуры. Конфликт ценностей, их быстрое изменение и не всегда в лучшую сторону, разрыв в сфере ценностных ориентаций поколений вызваны быстрыми социальными изменениями, усилившейся динамикой общества. Исследуя ценностные изменения, я пришла к ряду выводов:

– неудовлетворенность ценностным состоянием общества ведет к призывам найти «подлинные ценности», сформировать новые, ориентированные на общее благо и гуманизм.

– Ценности – часть объективного мира, их не легче изменить, чем технологии или политический строй, они «упорны», если установились, и неустойчивы в периоды социальных трансформаций.

– В феноменологии описаны процедуры, которые могут работать в направлении перестройки ценностей. Это – типизация (разделение «плохого» и «хорошего»), хабиитуализация (опривычивание «хорошего»), институционализация (закрепление норм и поддерживающих их институтов), легитимация (оправдание делаемого выбора, так как при кризисе ценностей хорошее не самоочевидно), передача новых ценностей следующим поколениям³⁰.

– Нет механизмов ценностных изменений, которые являются универсальными.

Сами ценности могут стать следствием конвенций, по крайней мере, в период ценностного кризиса. По мнению П. Вагнера, могут быть применимы механизмы конвенционализации³¹. Вагнер вводит следующую схему ценностной динамики: согласие общества по большинству принятых ценностей, называемое им *ценностной конвенцией*. Со временем или в ходе происходящих процессов конвенции начинают разрушаться. Наступает кризис, невозможность жить в старых ценностях при одновременном отсутствии новых ценностей. Кризис может быть продолжителен, но рано или поздно появляются новые ценности, объединяющие общество, и этот процесс называется *реконвенционализацией*³².

Мы достроили эту модель *анализом реальных кризисов между первой и второй, второй и третьей современностями*, критикой ожиданий от новой, третьей современности, которая не оказалась либеральной и определена нами как период национальных модернизаций, учитывающих фактор культуры. Речь идет о вступлении в капитализм или хозяйственную демократию (и третью современность) незападных стран – России, Индии, Китая, Бразилии, Индонезии и др. Эта эпоха стала новым Новым временем для них, подобно тому, как прежнее Новое время открывало перспективы Запада³³.

Казалось, что старые ценности «повинны» в том, что не могли себя ограничить, закрыли горизонт ценностным инновациям, что Запад XIX в. уверовал в естественность и правильность своих

либеральных ценностей, если говорить о ценностном содержании *политической культуры первого модерна*. После Первой мировой войны старый мир оказался разрушенным, хотя было трудно поверить в возможность появления нового мира. Но он возник, причем в форме, оппозиционной к прежде существовавшей – как *вторая организованная современность*, начавшая складываться на Западе с 1920-х до конца 1970-х, как мы уже отмечали. Подчеркнем здесь, что переход от одного типа модерна к другому сопровождался упадком конвенций по поводу прежних ценностей и затем появлением конвенций относительно новых ценностей (реконвенционализацией). Набирали силу *ценности организации* – возрастание роли государства, попытки уйти от революционного опыта России путем организованной деятельности *социал-демократии и характерной для нее политической культуры*, через развитие техники и прихода к власти новой организующей силы – технократии, торжества новой формы целерациональности, представленной техникой, технологией, технократией и бюрократией. *Реконвенционализация* дала жизнь ценностям, отрицавшим прежние, и не вследствие проектной деятельности ученых или внедрения новых конструктов повседневного сознания, а преимущественно в ходе естественной эволюции, незабытых ужасов войны, страха перед отсутствием социального порядка, смены картины мира.

Далее мы обратились к кризису конца 1970-х – конца 1990-х, обозначив его продолжительность, в отличие от Вагнера, столь длительным периодом. Мы выделили в нем процессы, которые этим исследователем не были обозначены: студенческие движения на Западе, подъем экономики Японии, виртуализацию экономики. Ни одно из этих явлений не было предвидено, не вписывалось в парадигмы двух предыдущих современностей, не могло быть описано существующими когнитивными средствами и привело к идеям конца модерна, перехода к *постмодернизму, политическая культура которого состояла в критике позднего капитализма и реанимации дополитической и постполитической культур*. Революционные устремления посткоммунистических стран к либерализму в 1990-ые годы были попыткой *реактуализации* и частично *реинтерпретации* либеральной современности XIX в., противостоящей ироническому постмодернизму новым утверждением должного, нужного, единственно возможного, того,

чему «иногое не дано» – *реанимации либерального политического сознания XIX в. в форме политической культуры неоллиберализма, неомодернизма*. Только после провала этих двух курсов – неомодернизма и постмодернизма и их ценностных мотиваций – усилия выйти из кризиса ценностей привели к результату. Он состоял в формировании *новой, третьей современности* (вместо ожидаемой постсовременности или возврата к модернизму XIX в.). Для *третьей современности* характерны идеи *экономического роста, национального самоутверждения незападных стран, сочетающих свою культуру с национальными моделями модернизации, комбинирующими вестернизацию (по мере необходимости для решения собственных проблем), с новыми возможностями Интернета и индивидуального творчества. Политическая культура этого этапа состоит в признании ее частью культуры своей страны и предпосылки модернизации.*

Но каковы теоретические возможности понять, что прерывает устоявшийся ценностный порядок и толкает к кризису ценностей? Тут решающую роль имеет *объективный характер ценностной динамики, разгадка которой заложена в истории, и проблема сатурации (насыщения) общества*. Идеи естественно-исторической эволюции общества присутствуют во множестве сценариев будущего, как мирового, так и российского. Но при этом осознана нелинейность процесса развития, прохождения через точки бифуркации, меняющие траектории развития. Однако идеям нелинейности и неопределенности естественно-исторической эволюции противостоит социально-технологический пафос, социально-технологические инициативы, сознательно произведенные инновации в социальной сфере.

Возвращаясь к поставленному вопросу о том, как теоретически можно представить причину неприемлемости ценностных систем на определенном этапе, мы нашли заимствованную у П. Сорокина финским ученым П. Сулкуненом интересную мысль о сатурации (насыщении)³⁴. У Сорокина это была мысль-метафора, характеризующая имманентные причины социальных изменений. Сулкунен превратил эту метафору в концепт³⁵. Он обращает внимание на столкновение жизненных стилей, вкусов, хобби, создающих своего рода «племенные ассоциации»³⁶, что приводит к появлению в обществе ситуации политической апатии или, в наших терминах,

рождает *постполитическую* культуру, в которой государство не играет роли центра социальной интеграции и ядра политической культуры. Во многом именно насыщение ведет к тому, что «моральная связь между государством и гражданами нуждается в том, чтобы аккомодировать автономию и интимность индивидов... Такая перестройка связи вписана в путь государства, структурирующий его власть через организацию граждан»³⁷, в том числе через их жизненные стили, ценности и пр. Если перевести сказанное в наши термины, Сулкинен фиксирует только *постполитические* социальные контракты и культурные феномены, беспорядок, жизненные стили и регуляцию на их основе, взаимоотношения природы и культуры. Он отмечает также приоритет социального над индивидуальным и над политическим, тенденцию к самостоятельному политическому самоопределению общества (**self-policing society**), но сам же задает вопрос о том, а каким образом общество, основанное на разнообразии жизненных стилей, рассматривает общее благо, становящееся проблемой, и этические регуляции оснований жизненных стилей. Моральный авторитет государства при этом немислим. Сулкинен отмечает, что идея контракта автономных граждан не возникла с начала капитализма. Она состояла прежде в развитии их рациональности в течение двух столетий³⁸. Но, сделаем вывод, сегодня иное время – время *постполитической* культуры, избравшей жизненный стиль в качестве главного аргумента, подтверждающего свободу индивида. Мы получаем вторую *постполитическую* форму культуры, наряду с выше обозначенными массовыми движениями, противостоящими государству или решающими за него или без него, это индивидуальный или коллективный изоляционизм групп разных жизненных стилей – «культурное племя» – вместо этноса, нации, класса, не интересующееся государством.

Социальный контракт в теоретическом плане явно синонимичен ценностному консенсусу, обеспечивающему общественные связи и доверие. Как отмечает известный экономист А. Аузан, «социальный контракт – это, в конечном счете, некоторые устойчивые долгосрочные правила, которые иной основы, кроме широкой конвенции, никогда не имеют и не будут иметь»³⁹. Поскольку люди часто склоняются к переговорным концепциям социального контракта, к «возможностям договориться», для них вопрос об иден-

тичности является вопросом о том, кто может говорить от имени всех граждан России. На наш взгляд, конвенции, социальный контракт, ценностный консенсус, российская идентичность не сложились после кризиса 1990-х, не произошла реконвенционализация ценностей. Ценностный кризис не преодолен. Аузан пишет: «А что главное в этом процессе? Совместные ценности формируются, когда мосты строятся не вдоль рек, а поперек, когда между собой общаются разные группы, сопоставляющие ценности, и тем самым вырабатываются не ценности групп, а ценности нации»⁴⁰. «Мосты поперек реки» – это метафора продуктивной осмысленной деятельности. Но мне представляется, что переговорный процесс в пределах нации вряд ли возможен и продуктивен. Хотя бы потому, что социальный контракт никогда не формировался и не мог быть сформирован подобным образом: противоречия возникают между элитными группами бизнеса и власти, и именно их отношения являются наиболее инструментальными.

Таким образом, можно заключить, что смена ценностей путем механизма реконвенционализации тесно сопряжена с такими понятиями, как сатурация, аномия, травма, социальный контракт, идентичность. Дополитическое смешивается с политическим и постполитическим на этих рубежах. И эти события реанимируют чрезвычайную актуальность проблемы политической культуры и политической модернизации.

Когнитивные предпосылки различения массовых политических и постполитических практик, политических культур

Дж. Александер показывает, что науки об обществе участвуют в социальной жизни и как тексты для чтения, и как перформанс. В статье, написанной им совместно с И. Ридом, показывается, что культурно-социологическое понимание эпистемологии делает социальные науки частью спектакля общественной жизни. Теоретические исследования «хранят молчание» по поводу эмпирических результатов, доминирующих сегодня в социальных науках, но считаются необходимыми для адекватного понимания эмпирического материала, для эпистемологических гарантий доказанности

результатов. Александер и Рид противопоставляют этому свое понимание, требующее «кристаллизации культурного базиса» эпистемологии и социальных наук. Это достигается, по их мнению, с помощью социологии культуры и интерпретативной философии. Задачу социальных наук они видят в раскрытии значимости социального мира и перформансов стремления к истине, ограниченного эмпирическими свидетельствами. Результаты социальных наук – продукты деятельности исследователя, а не открывшиеся ему онтологии, позволяющие ему изучать мнения, действия, отношения и структуры, – так формулируют они свою радикально конструктивистскую позицию. Успешные объяснения соединяют структуры значения исследователя с действующими акторами⁴¹. Данное высказывание раскрывает характерный для этих исследователей отказ от примордиальных, натуралистически-эссенциалистских представлений, направленных на познание мира, и безусловное доминирование конструктивистских парадигм. Оно утверждается без какой бы то ни было реакции на имеющуюся в настоящее время критику когнитивного антагонизма между конструктивизмом и натуралистическим эссенциализмом и господствующее сегодня убеждение о необходимости их совместной работы⁴². Движение от натуралистически-эссенциалистского подхода к конструктивистскому и далее к их совместным применениям сегодня обосновано⁴³. Даже кажущиеся спонтанными социальные действия получают разную интерпретацию в разных парадигмах исследования: натуралистический эссенциализм направлен на познание объективной социальной реальности, поиск закономерностей, квалификацию типов социальных движений, зависящую от их сущности и целей; конструктивизм сделал семимильные шаги к попытке признать множество интерпретаций и путей преобразования. Третий подход устанавливает взаимоограничивающую связь натуралистического эссенциализма и конструктивизма. Концепт перформанса возник на базе когнитивных представлений о связи идеологий и теорий, которые либо предшествовали идеологиям, либо следовали из них. Так, К. Маркс в своей теории классов и классовой борьбы, в которой и пролетариат, и буржуазия трактовались как не имеющие отечеств, как преследующие лишь защиту классовых интересов, вынес за скобки национальные противоречия и конфликты, обращение к которым подорвало бы центральную роль

классового конфликта и стремление к социальной революции. Как мы уже показали, Дж. Александер опубликовал немало трудов, где перформативная сторона власти и политики, не требующая другой политической культуры, кроме перформативной, стала предметом специального рассмотрения⁴⁴. По его мнению, культура и политика, подобно черному и белому, символизируют полярность и стереотипизацию теорий: культура – внутреннее, индивидуальное, связанное с волей и энтузиазмом, власть – внешнее, объективное, калькулируемое и выбираемое. В действительности же культура и власть смешиваются друг с другом, ибо отделение власти от «значений», смыслов и производство последних в культуре затрудняет для политиков успешность выборов. Политики с трудом репрезентируют надежды, страхи и мечты людей, которые должны их избрать. Перформанс заполняет поле значений и смыслов и входит в состав как политических технологий, так и спонтанных акций. Произошедший отказ от связывания социальной реальности с метафизическими основами, ритуализирующими политику, привел к тому, что ничем незаполненное пространство между властью и политикой стало заполняться трагифарсами перформанса. Перформанс отделяет публику от знаний и размещается в пространстве между властью и культурой, считает Дж. Александер, выступает как многообразие смеси акций и разрывов, текстов, способных вдохновить публику. Политические оппоненты борются за отделение действий от знаний, делающих их искусственными⁴⁵. Это отделение от знаний рождает власть культур, культурную прагматику символических действий, определяет место перформанса между ритуалом и стратегией, создает перформативный протест, перформативный терроризм, войну и перформанс в Афганистане и Ираке. Культур-социология Дж. Александера утверждает по существу замену рациональной политики, основанной на знании, движением различных социальных слоев под влиянием своей культуры, эмоций и символов. Культура, как он утверждает в ряде работ, представляет, генерирует активность, информация о которой отфильтровывается СМИ и в новом виде возвращается к участникам перформанса. В завершении своей работы о египетской весне, Александер говорил о том, что произошедший на площади Тахрир перформанс произвел очищение, после которого Египет должен двигаться вперед демократическим путем. Сегод-

ня видно, насколько это получилось не так, насколько *постполитическое стремится к вытеснению политического*. Демократия в конструктивизме такого рода не является ни формой осуществления политики государством, ни властью народа как отражением его интересов государством и наличием представительства в его органах, стремлением к гражданскому обществу, а выступает как признание правоты массовых движений, какими бы они ни были. Отрицается политическое во имя реанимации дополитического и постполитического. Перформанс в лучшем случае соединяет человеческие творческие возможности со сложившейся ситуацией, многообразие трактовок которой выступает в качестве достижимой на данное время объективностью. Он вносит человеческое измерение в познание, как и сознание масс в политику, никогда не являющуюся объективной и весьма перформативной сама по себе. Модернизационный проект тут совершенно не нужен.

Идея перформанса противостоит как объективистским притязаниям на знание, так и проективной самонадеянности. Чтобы рассуждать о проекте, надо вспомнить: во-первых, что слово «проект» попало в философско-социологическую литературу преимущественно с 1980 года. Оно было приведено в речи Ю. Хабермаса во Франкфурте-на-Майне при вручении ему премии Т. Адорно. Его речь, многократно перепечатанная впоследствии по всему миру, называлась «Модерн – незавершенный проект». Приведу слова Хабермаса, сказанные по поводу проекта: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их *своевольной природы* (курсив наш. – В.Ф.), но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной организации жизненных условий...»⁴⁶. Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более, чем способность применять теории на практике, чему должна соответствовать компетентность элит. Во-вторых, слово «проект» в большей мере отбрасывает вторую сторону – «своевольную природу» исторического процесса, одним из проявлений которой является его естественноисторический ход, а так же политический перформанс как попытка творческого акта

человека или групп. В докладе М. Ремизова «Консерватизм и современность» на Семинаре «Интеллектуальные основы государственного управления» 23.04.2010, слово «проект» употребляется в жестком смысле: «современное общество обречено на *проектный* способ существования». Но модерн оказался в действительности незавершенным *процессом, скорее, чем проектом, по логике которого сегодня развивается весь мир*. И эта логика внесла в него многое, связанное с постмодернистской гибкостью и неопределенностью, необъективностью и непроективностью, синергию и анархию. Вместе с тем, фаустовский модернизационно-цивилизационный проект, рассмотренный в данной книге В.А. Колпаковым, убедил меня в том, что недостаточно в ранних модернизациях видеть только естественноисторический процесс, что этот процесс был скорректирован проектной деятельностью.

В число средств, отвечающих на падение нашей познавательной и практической самоуверенности, сегодня входит перформанс. В большой мере он выступает как инструмент апробирования имитационной модели гражданского общества в условиях его массового характера. Вопрос этот совершенно не изучен. Перформанс чаще всего способен предоставить возможности участия в политике непрофессионалам. Но это чревато тем, что не профессиональные, не доверяющие власти люди могут привести ситуацию к анархическому бунту, гражданской войне, погромам. Важно понимать под проектом не программу деятельности, а то, что под ним действительно понимает Ю. Хабермас: «...*современные науки производят знания, по своей форме (а не по субъективному устремлению) являющиеся технически применимым знанием, хотя в целом возможности технического применения этого знания проявляются лишь задним числом*»⁴⁷ (курсив наш. – В.Ф.). Но перформанс этому противостоит. Он увлекает людей самодеятельностью и значимостью их массовых спектаклей. Может быть он в ряде случаев – школа непосредственной (но не представительной), демократии, реакция на отсутствие демократии как формы правления, но в других – школа раскола общества, анархии, архаических форм политического, что означает переход к постполитическому.

Политическая культура стала предметом интереса философии, философии политики и политической науки. Подобно тому, как культура представляет собой множество символических программ

человеческой деятельности, политическая культура есть особый тип ориентации на политическое действие, отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику. В ее толковании сошлись представления о динамике ценностей и одновременно о когнитивных и парадигмальных изменениях. Даже сегодня стоит вопрос о том, кто должен изучать и заниматься построением гражданского общества, социальные философы или политические философы. На мой взгляд, философ политики стремится построить гражданское общество всегда. Социальный философ рассматривает условия его построения при наличии разнообразия социальных сред с разными политическими культурами. Иными словами, «для понимания власти в государстве социальная наука должна обратиться к восприятию власти обществом»⁴⁸, равно как для восприятия власти в обществе необходимо обратиться к власти в государстве.

Авторы статьи «Политическая культура» упоминают два события, раскрывающие ее современное понимание – «переход от формулы абсолютизма Людовика XIV “Государство – это я” к “We are the People” (Мы – народ)»⁴⁹. На этом перекрестке «государство-общество» и существует политическая культура или, точнее, политические культуры. Отрыв государства от общества ведет к его самовластью, подрыву политической культуры общества. Отрыв общества и масс от политического, т. е. связанного с государством и требованиями к нему, ведет к анархии и архаике, к отказу от политического в пользу постполитического.

Образцом изучения политических культур, на мой взгляд, был ее анализ американскими учеными Г. Олмондом и С. Вербой. Социальным контекстом для них стали события, связанные с различиями и трудностями развития демократии в пяти странах – Германии, Италии, Мексике, США и Великобритании. Обсуждая типы политических культур, они ориентировались на структурно-функциональную концепцию Т. Парсонса, которая характеризовала западный мир как стабильный мир рациональности, связанный с институтами, выраженный в схеме рациональности AGIL (адаптация, достижение цели, социальная интеграция, создание культурного образца). Институты предполагали производство индивидов с определенным набором норм, ценностей и установок, которые Парсонс называл культурой. Эти индивиды,

в свою очередь, сами поддерживали институты. Но данный путь был далек от возможности иметь дело с поведенческими характеристиками. Для работы с эмпирическими фактами Олмонд и Верба обратились к бихевиористским концепциям, с их концепциями норм, ценностей и установок, создав на основе двух указанных направлений свою парадигму изучения и формирования политической культуры. В конечном итоге, они дали «агрегированный образец субъективных политических диспозиций (предрасположенностей) населения (а на мой взгляд не только субъективных, но и заданных социальным местом разных слоев общества и соотношением этих слоев в разных обществах. – В.Ф.), таким образом инкорпорируя и операционализируя... концепцию политической культуры»⁵⁰, соединили натуралистически-эссенциалистские и конструктивистские подходы.

Были и другие концепции. Антропологи М. Мид и Р. Бенедикт основывались на подходе, соединяющем культуру и личность. Согласно ему, члены разных обществ вырабатывают разные типы личностей, которые ориентированы на разные типы политических программ и институтов. Из антропологических представлений об авторитете в семье у Т. Адорно выросла концепция авторитарной личности. Однако смена парадигм социального знания – переход к многочисленным конструктивистским парадигмам, в частности, символическим (Дж. Александер и др.), за отсутствие которых критикуют Г. Олмонда и С. Вербу сегодня, представляется неверным, т. к. в их концепции примордиализм, объективность политических культур соединена с проблемой их выращивания до демократических форм и, следовательно, конструирования демократической политической культуры при учете ее объективных предпосылок. Это сделано с большим реализмом, чем концепция перформанса, в которой любование символической формой затемняет оценку содержания. Есть континуум участия народа – от пассивного до активного, ученых – от натуралистического до конструктивистского, в обоих случаях связанный с различными формами легитимности.

История изучения политической культуры после Олмонда и Вербы предстает как когнитивная история смены парадигм социального знания, которая связана с переходом от примордиальных представлений к конструктивистским, от признания исходной реальности к формированию сколь угодно отличной от нее. Сегодня

мы не можем ответить на вопрос, как происходит на самом деле, поскольку это вопрос потерял смысл. Это одна из причин перехода к науке, формирующейся под влиянием внешних целей, который сегодня приобретает актуальность. Таким образом, глубокая связь политической культуры в теоретическом и практическом смысле с социальной философией подтверждается значением ценностных изменений и когнитивной перестройки концепций.

Развитие идеи гражданского общества

Политическая культура современности связана с демократией. Согласно С. Хантингтону, *первая волна демократии* относится к США начала XIX в., она продолжалась до окончания Первой мировой войны, завершившись идеей Лиги наций В. Вильсона, консолидировавшей западные демократии. *Вторая волна* поднялась после поражения фашизма во Второй мировой войне. Она привела к появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. *Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией*. Хантингтон подчеркивал, что политическая стабильность возможна при наличии адекватной институционализации, способной обеспечить консолидацию. Однако в странах новой демократии трудно провести четкие разделительные линии между высоко организованными политическими структурами и дезорганизованной политикой, между участием и неучастием масс в политике⁵¹, добавим, между предполитическим, политическим и постполитическим поведением и соответствующим им формам политической культуры, создающих разные перспективы модернизации.

Политическая культура гражданского общества (либо необходимая для построения такового) была названа Г. Олмондом и С. Вербой гражданской культурой или гражданской политической культурой⁵². Термин «гражданский» во многом тождественен понятию гражданского общества. Сегодня функции гражданского общества и даже самое понимание его сути шире, чем представление об обществе, способном поставить под контроль государство. По мере отхода социал-демократий Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, гражданское общество одновремен-

но стало рассматриваться как общество, самоорганизованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не позволять всему обществу подчиняться логике рыночной прибыли⁵³.

Гражданское общество в России не может установиться без участия государства. А государство заинтересовано в нем тогда, когда с кем-то надо разделить ответственность. Примером этого может стать образование Общественной палаты сразу после событий в Беслане.

В одной из своих работ конца 1990-х гг. Г. Олмонд описывал становление проекта гражданской культуры. Анализ этой работы был осуществлен автором данного текста в статье «Какая политическая культура нужна гражданскому обществу». Концепцию Олмонда и Вербы отличает склонность к пониманию демократии и как формы правления, и как участия народа в политической жизни, именно их концепция показывает отличие политической культуры от дополитической и постполитической.

Опыт изучения политической культуры гражданского общества (или необходимой для построения гражданского общества) должен быть основан на компаративистском анализе ее построения в разных странах, на знании истории и психологии народов, на понимании многообразия проектов демократии и адекватного выбора ее модели, на осведомленности о наличии и использовании теорий, которые были выработаны для этой цели. Уже в 60-е гг. Олмонд и Верба писали, что сбалансированное неравенство существует в США и Англии, но отсутствует в Германии, Италии и Мексике тех лет. Под таким неравенством они понимали наличие в США групп разных политических культур (приходской, патриархальной и культуры участия) и задачи демократии обеспечить баланс их интересов. Демократию – не как победу демократов, а как их способность принять во внимания интересы и других социальных групп. Олмонд принял позицию Р. Патнэма, хотя тот использовал не концепцию баланса неравенств, а теорию равновесия, сопоставимую с экономической теорией рынка, в которой продавцы и покупатели достигают приемлемой цены, делающей рынок саморазвивающейся системой. Это близко к позже появившейся модели эффективной демократизации С. Хантингтона – его теории «третьей волны» в понимании гражданской культуры.

Согласно Олмонду, «теория гражданской культуры является теорией демократического равновесия, в которой демократическая стабильность уравнивается демократическими процессами, т. е. градус политического конфликта не выходит за пределы заданного температурного режима»⁵⁴. По его мнению, политическая культура поколенчески различна. Она может содержать ретроспективу, память о прошлом, либо быть обращена в перспективу. Но все-таки Олмонд считает, что основная тенденция в том, что возникают *многомерные пластичные политические культуры*. Заметим, что этого не происходит в России. Здесь, скорее, есть некоторый набор политических культур, каждая из которых одномерна и лишена пластичности и коммуникации с другими⁵⁵.

Исследователи приходят к выводам, которые представляются закономерными. Умеренность и компромисс, необходимые демократии, достигаются балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, эмоциональностью и прагматизмом, согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием гражданской культуры и ее торопливым внедрением: «Постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. – В.Ф.) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна...»⁵⁶ и, добавим, принятием во внимание наличия групп дополитических, политических и постполитических культур, их причудливых, намеренных или перформативных смещений. Я разделяю эти выводы, признаю неизбежность присутствия дополитических и постполитических культур, но лишь при наличии политической культуры, способной к решению проблем построения демократии и гражданского общества.

Примечания

- ¹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества. М., 2008. С. 277–347.
- ² Alexander J.C. Modern, Anti. Post and Neo. How Social Theories Have Tried to Understand the «New World» of «Our Time» // Zeitschrift für Philosophy. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 165–197.

- ³ Ibid. S. 165.
- ⁴ *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 9–12.
- ⁵ *Berger P.* Sociology: A Disinvitation // *Society*. 1992. Vol. 30. № 1. P. 16.
- ⁶ *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций / Сост., ред. и авт. вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 470.
Там же. С. 474.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Анкерсмит Ф.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. С. 424.
- ¹⁰ *Alexander J.* Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. N.Y., 2011.
- ¹¹ *Schmidt M.G.* Political Performance and Types of Democracy: Findings from Comparative Studies // *European Journal for Political Research*. 2012. № 41. P. 147–163.
- ¹² *Шмитт К.* Понятие политического // *Вопр. социологии*. 1992. Т. 1. № 1. С. 60.
- ¹³ *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 536–565.
- ¹⁴ Там же. С. 45–60.
- ¹⁵ См.: *Федотова В.Г.* Перформанс и политика. С. 38–43.
- ¹⁶ *Alexander J.C.* The Performance of Politics: Obama's Victory and the Democratic Struggle for Power. Print ISBN-13: 9780199744466: Published to Oxford Scholarship Online: May–12, 2010.
- ¹⁷ *Alexander J.* Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. P. X.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ *Alexander J.C.* Performance and Power. Cambridge (UK), P. 187.
- ²⁰ См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 275–337.
- ²¹ Там же. С. 280–298.
- ²² *Hobsbaum E.* Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Manchester. 1959. P. 2–3.
- ²³ *Alexander J.C.* Performance and Power. P. 160.
- ²⁴ *Федотова В.Г.* Архаизация в современном мире // *Филос. науки*. 2012. № 5.
- ²⁵ См.: *Федотова В.Г.* Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры // *Международн. журн. исслед. культуры (International Journal of Cultural Research)*. Вып. Политические культуры: типологии и факторы развития. 2014. № 1(14). С. 28–39.
- ²⁶ *Schmidt M.G.* Political Performance and Types of Democracy. P. 148.
- ²⁷ Ibid. P. 149.
- ²⁸ *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительные исследования. М., 1997.
- ²⁹ *Schmidt M.G.* Op. cit. P. 150.
- ³⁰ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 2004. С. 31–72; *Покровский Н.Е.* Проблема аномии в современном обществе. М., 1995. С. 422–457.
- ³¹ *Wagner P.* Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L.–N.Y., 1994. P. 31–72.

- 32 *Wagner P.* Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. P. 30–80.
- 33 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 536–558.
- 34 См. подробнее: *Федотова В.Г.* Механизмы ценностных изменений общества // <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9908-mexanizmu-cennostnyx-izmenenij-obshhestva.html>
Дата обращения 05.05.14.
- 35 *Sulkunen P.* The Saturated Society. Governing Risk and Lifestyles in Consumer Cultures. Los Angeles–L.–Нец Delhi–Singapor–Washington, 2010.
- 36 Ibid. P. 19.
- 37 Ibid. P. 41.
- 38 Ibid. P. 8.
- 39 Договор 2008: новый взгляд. Обсуждение книги Александра Аузана. <http://www.polit.ru/lectures/2007/06/28/dogovor2008.html> (Дата обращения 25.04.2014).
- 40 Там же. С. 4.
- 41 *Reed I., Alexander J.* Social Science as Reading and Performance. A Cultural-Sociological Understanding of Epistemology // *European Journal of Social Theory*. 2009. № 12(1) P. 21–41.
- 42 *Федотова Н.Н.* Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории. Автореф. дис... д-ра с. наук. М., 2013.
- 43 См., например: *Неретина С., Огуцков А.* Реабилитация вещи. СПб., 2010.
- 44 *Alexander J.C.* Performative Revolution in Egypt.; *Alexander J.C.* Performance and Power.
- 45 *Alexander J.C.* Performance and Power. P. 4–5.
- 46 *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии*. 1992. № 4. С. 45.
- 47 *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 79.
- 48 *Olick J., Omeltchenko T.* Political Culture // *The International Encyclopedia of the Social Sciences*. Detroit, 2007. С. 300.
- 49 Ididem.
- 50 Ibid. P. 301.
- 51 *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven–L., 1968. P. 78.
- 52 *Almond C., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitude and Democracy in Five Nation. Newbury Park, L., 1989.
- 53 *Федотова В.Г.* Какая политическая культура нужна гражданскому обществу // *Филос. журн*. 2013. № 1(10). С. 35–48. Он лайн: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/Fedotova_30_10_2012.pdf Дата обращения 10.05.2014.
- 54 *Almond S.* The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect // *CSD Working Paper*. Center for the Study of Democracy. California. 1996. <http://esclarship.org/uc/item/4mm12285>.
- 55 *Федотова В.Г.* Какая политическая культура нужна гражданскому обществу. С. 35–48.
- 56 *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. P. 369–370.

Ю.В. Барбарук

Современный западный марксизм о капитализме нашего времени: гибкие стратегии в новых условиях

В последней четверти прошлого века реструктуризация экономики развитых стран Запада в связи с системным кризисом 1970-х – начала 1980-х гг. постепенно поставила западных левых в сложное политическое положение. Промышленный пролетариат стал количественно уменьшаться в структуре активного населения западных стран в связи с новыми принципами организации труда, автоматизацией производства или его выводом в страны третьего мира. Социальная база левых партий стремительно размывалась. Сложившееся положение во многом было следствием успехов левых партий в прошедшие десятилетия. Доктрины социал-демократов и, в особенности, коммунистов стремительно устаревали. Идеи национализации промышленности и централизованного планирования потеряли у западноевропейского электората большую долю своей привлекательности, не говоря уже о диктатуре пролетариата и пролетарской революции. Основные успехи коммунистического блока государств во главе с СССР были уже позади, а впереди его ждала стагнация. Этот факт также не придавал особого оптимизма западным левым. В результате, они стали искать пути выхода из сложившейся ситуации, вплотную придвинувшись к необходимости провести ревизию ключевых идей.

Показательным примером таких изменений стал еврокоммунизм, посредством которого западные коммунисты сначала отмежевались от наиболее неудобных для них понятий – диктатуры

пролетариата и классовой борьбы, затем утратили какие-либо отличия от социал-демократов и, в конце концов, совсем деидеологизировались.

Политики и теоретики, не отказавшиеся от социалистических идей к моменту падения коммунистического блока, в большинстве своем, стали делать ставку на поддержку меньшинств, и, прежде всего, сексуальных и национальных меньшинств, феминисток, иммигрантов из стран третьего мира и бывшего социалистического блока, а также экологических движений. Последние два десятилетия эта политика имела в Европе некоторый успех, авангардом ее в настоящий момент является Франция. На ее примере можно видеть, что левая стратегия указанного периода наталкивается на все большее сопротивление населения. Американский палеоконсерватор, автор книги «Странная смерть марксизма» П. Готфрид, ученик Г. Маркузе, за подобную политику даже отказывается называть современных западных левых марксистами: мультикультурализм и эмансипация меньшинств, вероятно, являются необходимым звеном общечеловеческой эмансипации, но вряд ли могут быть ее условием. В лучшем случае такое «мультикультуралистское экспериментирование» оканчивается положительной дискриминацией – предоставлением преимущественных прав меньшинствам¹. Данная политика современных социалистов в действительности имеет мало общего с традиционным марксизмом.

Знаковым событием для западного марксизма в этот кризисный для него период стал выход в 1985 г. книги Э. Лаклау и Ш. Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия: по направлению к радикальной демократической политике»², положившей начало множеству дискуссий о дальнейшей судьбе марксизма. Порвав с еврокоммунизмом Коммунистической партии Соединенного Королевства, который ориентировал ее на развитие парламентской демократии, данные представители эссекской школы стали активно использовать методологический арсенал структуралистской и постструктуралистской лингвистики, постпозитивистской философии науки, а позже и постфрейдистского психоанализа Ж. Лакана. В научном сообществе очень скоро им приклеили ярлык постмарксизма из-за произведенных ими радикальных изменений в теории марксизма. Э. Лаклау и Ш. Муфф согласились с таким определением своих позиций, но при одном условии: приставка

«пост» должна быть понята правильно – не отказ от марксизма, а попытка его обновления и преодоления в его новой версии исторических тупиков, приведших к его кризису.

В 1989 г. к Э. Лаклау и Ш. Муфф присоединился словенский философ С. Жижек, изложивший в книге «Возвышенный объект идеологии» отличительные признаки постмарксизма: отказ от идеи объективной направленности истории, а, значит, от неизбежности мировой пролетарской революции и от идеи сведения всех социальных антагонизмов лишь к одному – между трудом и капиталом³. Любой антагонизм, который ранее представлялся марксистам вторичным, в конкретном историческом контексте может стать основным. Почва для таких воззрений могла появиться только вместе с кризисом общества наемного труда в развитых капиталистических странах, начавшегося в 1970-х гг. Это стало одной из причин, по которой некоторые левые интеллектуалы решились использовать новые методологические подходы, сохранив теоретическое ядро марксистской парадигмы.

Утрата промышленным пролетариатом монополии на статус субъекта социальных изменений в марксизме привела к перестройке многих философских оснований в позициях левого политического спектра. Главное отличие от предшествующей традиции выражается в методологическом повороте от марксистского философского объективизма в сторону социального конструктивизма⁴. Такой теоретический сдвиг стал признанием прежней недооценки марксистами политической сферы, предлагающей большие возможности в переопределении существующих социально-экономических конфигураций. Теперь, в условиях размытой социальной структуры, социальный конструктивизм дает методологический простор для работы с самыми различными угнетенными социальными группами с целью формирования у них некой единой интерклассовой идентичности. Если объективно эксплуатируемого класса-для-себя больше не существует, то его необходимо дискурсивно оформить отчасти так, как этому способствовал в свое время К. Маркс. Отсутствие ярко выраженных социальных агентов, на которых можно было бы опереться в политической практике, обуславливает то, что постмарксисты отдают приоритет анализу идеологических структур. Идеология изучается ими не столько с целью критики существующего социального порядка, сколько для

создания новых идеологических образцов, вокруг которых можно было бы воссоздать социалистический проект. С точки зрения постмарксистов внеидеологического сознания не существует, а критика капиталистического порядка бесплодна до тех пор, пока не сконструирован привлекательный альтернативный проект. Такие современные западные марксисты, как П. Вирно, М. Хардт и А. Негри видят свою идеологическую задачу в том, чтобы *перепределить угнетенный класс, прежде понимаемый преимущественно как промышленный пролетариат, для капитализма третьего модерна*⁵. Капиталистическая эксплуатация никуда не исчезла, она просто приобрела другой характер. Значит и пролетариат никуда не исчез, он просто стал другим.

Другие современные марксисты, как и прежде, занимаются более привычным для марксизма анализом капитализма. Бесспорное преимущество здесь держат французские и итальянские исследователи – К. Верчеллоне, А. Корсани, К. Марацци, Б. Польре, Э. Руллани и др. В связи с исследованиями природы капиталистической эксплуатации в обществе знаний С. Жижек также примкнул к их критике современного капитализма. Основной урок, который раз за разом преподносит нам капитализм, состоит в том, что он гораздо более революционен по своей сути, подчеркивает С. Жижек, чем все революционные силы вместе взятые. Он обладает внутренней способностью ассимилировать в себе революционные движения и даже обращать их себе на пользу.

В настоящее время мы являемся свидетелями очередной капиталистической революции, эффект которой не виден сразу. Есть различные трактовки того, что на самом деле сейчас происходит с капитализмом, но все они, так или иначе, замыкаются на первичной роли знания и информации в процессе воспроизводства капитала⁶. С. Жижека интересуют в основном последствия этой революции для нашего социального бытия, и его выводы не утешительны. Когда С. Жижек говорит о том, что это – «тихая революция», он как раз имеет в виду, что на уровне повседневной жизни не стоит ожидать каких-то форс-мажорных событий, которые бы в один миг перевернули мир. Наоборот, жизнь в целом будет идти как обычно, но все чаще она станет прерываться кратковременными ситуациями чрезвычайного положения для восстановления общественного порядка. С. Жижек, как и многие

другие марксисты, отмечает, что глобальный капитализм последнего десятилетия отчетливо тяготеет к авторитарной политической форме: сильное государство все более необходимо для поддержания социального порядка, экономической и политической стабильности. Обычно эта тенденция объясняется политическими соображениями – в связи с террористической опасностью, активизацией разного рода экстремистов и т. д. С. Жижек видит в этом скорее экономические причины: необходимость в сильном государстве обусловлена становлением «киберкапитализма» или «дигитализированного» капитализма, опирающегося не на средства производства, а на знания.

В развитых капиталистических странах начинает доминировать интеллектуальная составляющая труда. Когда знание становится основным фактором в создании богатства, затраты на рабочую силу перестают быть мерой ценности продукта. Напомним, что К. Маркс считал единственным источником прибыли капиталиста прибавочную стоимость, которая создается исключительно неоплаченным трудом наемного рабочего сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемой капиталистом. К. Маркс предвидел, что роль знаний в производстве будет расти, но принципиального ответа на вопрос о том, как будет создаваться стоимость, когда реальный физический труд отойдет на второй план, он не дал. Отчасти потому, что он видел в этой ситуации предел капитализма. Если стоимость создается исключительно через потраченное на работу время, а сама эта работа будет минимизирована, то капиталисту не у кого будет экспроприировать прибавочную стоимость, т. е. прибыли капиталиста также будут минимизированы, как и сам труд. Средства производства не могут даже в идеальных рыночных условиях производить стоимость самостоятельно (интенсивная автоматизация производства парадоксальным образом приводит к падению прибылей). Еще одна проблема заключается в том, что, нивелируя роль человеческого труда в производстве, капиталист ставит под удар фонд заработной платы, а значит возможности рынка сбыта. В этих условиях капиталисты начинают терпеть убытки, в капиталистической системе разворачивается кризис, который заканчивается только тогда, когда часть наименее успешных (неэффективных) капиталистов уходит с рынка, открывая возможности для общего роста экономики.

Если следовать К. Марксу, рано или поздно подобные циклические колебания приведут капиталистический способ производства к полному коллапсу.

С. Жижек находит небольшую проблему в вышеизложенной теории Маркса: он не учел возможность приватизации обобщенного интеллекта или, как его еще можно назвать, коллективного знания (нематериальный продукт, создаваемый как наемными работниками, так и представителями свободных профессий). Результатом приватизации обобщенного интеллекта становится то, что прямым источником капиталистической прибыли киберкапитализма является рента, а вовсе не эксплуатация. Известно, что в Google inc., олицетворении киберкапитализма, нет никакого жесткого графика работы, на рабочем месте можно смотреть фильмы, играть в настольные игры или пойти на бесплатный массаж и пр. При этом в компании даже уборщицы становятся долларовыми миллионерами. Все это очень не похоже на эксплуатацию, но это и не благотворительность. Богатство таких гигантов киберкапитализма, как Google inc. и Microsoft Corporation, основывается на ренте от цифрового коллективного знания, которую они извлекают из своего квази-монополистического положения. Коллективное знание является не вполне обычным продуктом, т. к. нельзя определить его стоимость в той же мере, как и стоимость обычного материального товара, т. е. ни рыночным способом, ни с помощью трудовой теории стоимости. В отличие от традиционных товаров, знание не уменьшается в результате его потребления, оно может только распространяться и увеличиваться. С. Жижек говорит даже о его коммунистической природе – интеллектуальная собственность стремится быть коллективизированной. Именно по этой причине современные государства все более тяготеют к авторитарным формам. Сильное государство нужно для того, чтобы гарантировать существование рынка коллективного знания, обеспечить направленное движение, препятствовать полной монополизации, следить за ценами или устанавливать их, изымать сверхприбыли, устанавливать нормативные принципы пользования коллективным знанием, содействовать в преследовании нарушителей авторских прав и т. д. Уже сейчас цены, устанавливаемые на продукты экспроприированного коллективного знания, не определяются в конечном счете затратами рабочего времени, балансом спроса и предложе-

ния, издержками производства или предельной полезностью продукта. Здесь вообще нет логики стоимости: можно установить на свой компьютер совершенно бесплатную открытую OS на основе Linux, и в то же время официальная копия OS Windows обойдется обычному пользователю примерно в 150–200 долларов. По причине столь произвольного ценообразования С. Жижек называет такие компании рент-монополиями. Они представляют собой механизм легально установленной регуляции, который произвольно устанавливает: это – ваша собственность, а это – не ваша⁷.

Растущая роль ренты по сравнению с традиционной прибылью, основанной на эксплуатации, приводит к тому, что рыночная экономика должна все более поддерживаться сильными государственными мерами. Право на интеллектуальную собственность все интенсивнее будет обеспечиваться при помощи аппарата легального насилия. Естественно, все решения по вопросам о судьбе коллективного знания будут носить недемократический характер, в противном случае этот рынок будет полностью потерян для капитала. Значение ренты увеличивается не только в «дигитализированной» сфере капитализма, но и в других: сюда относятся компании, владеющие известными брендами, т. к. они извлекают дополнительную прибыль за счет имиджа, и крупные финансово-промышленные группы, существующие за счет экспроприации природной ренты, монопольно или спекулятивно устанавливаемых цен на их продукцию или услуги⁸.

Все эти изменения в природе капитализма делают неотложной задачей повторение критики политической экономии К. Маркса, чтобы дать достойный ответ разнообразным идеологиям постиндустриального общества, а также в связи проблемами, вызванными реиндустриализацией развитых стран. Среди сторонников постиндустриализма распространено убеждение, что класс «капиталистов-эксплуататоров» уходит в прошлое, а его место в обществе занимает единственно прогрессивный и многочисленный слой технократии («белые воротнички»), коллективно владеющий капиталом через систему пенсионных и прочих фондов, участвующий в управлении собственностью и т. д. Экономические события последних лет убедительно показали, что такие воззрения пока имеют под собой мало оснований. Во время мирового финансового кризиса все стало на свои места. Фондовые обвалы, сокращения

зарплат, массовые увольнения и потеря прав выкупа недвижимости ударили в первую очередь по «белым воротничкам». В то же время произошла консолидация крупного финансового капитала. С. Жижек отмечает, что в настоящее время описывать капитализм через антагонизм между владеющими средствами производства и не владеющими уже не имеет смысла, характер капиталистической эксплуатации стал более гибким и эффективным: «Важные сдвиги происходят в статусе частной собственности: исходной составляющей власти и контроля больше не является последнее звено в цепи капиталовложений – фирмы или люди, которые “на самом деле владеют” средствами производства. Идеальный капиталист сегодня действует совершенно иначе: он вкладывает взятые взаймы деньги, ничем “на самом деле” не владея (даже долгом), но, тем не менее, распоряжается вещами. Корпорация принадлежит еще одной корпорации, которая, в свою очередь, заняла деньги у банка, который в итоге распоряжается деньгами, принадлежащими простым людям вроде нас с вами»⁹.

Это значит, что понятие «частной собственности на средства производства» во многих отношениях теряет свое прежнее значение: капиталист, «чистая стоимость» активов которого равна нулю, работает только с избытком, занятым у будущего. Печально известная история Бернарда Медоффа (бывший председатель совета директоров фондовой биржи Nasdaq, влиятельнейший бизнесмен в США, создатель фонда Madoff Securities, считавшегося наиболее надежным из всех существовавших), афера которого стала причиной «финансового холокоста» с ущербом более 50 млрд. долларов, возможно, лучше всего олицетворяет способ воспроизводства капитала в современных условиях. По сути дела, если принять аргументацию С. Жижека, Б. Медофф мало чем отличается от других финансистов с Уолл-Стрит. С 1970-х годов он распоряжался чужим многомиллиардным капиталом, исключительно создавая видимость успешности своего бизнеса. Почти 40 лет он спокойно занимал у собственного будущего и жил жизнью миллиардера так, как будто расплата никогда не случится. Крах системы ипотечного кредитования произошел по тем же причинам: из-за иррациональной веры в то, что цены на недвижимость будут расти вечно и можно бесконечно увеличивать долги домохозяйств. Парадокс состоит в том, что применение жестких принципов банковского

регулирования могло бы решить проблему экономических «мыльных пузырей», но поставило бы под вопрос экономический рост в благополучные для экономики периоды, а значит под вопросом оказалась бы и вся капиталистическая система, которая, как известно, ориентирована на бесконечный рост (по схеме $D - D'$). Именно поэтому проблему нестабильности современной экономики разрешить невозможно, она существует и развивается благодаря экономическим пузырям наподобие фонда МэдOFFа. Нет никаких сомнений в том, что три основных экономических пузыря (и десятки подспудных) – рост государственной задолженности, рост потребительских кредитов и инфляция курсов акций будут надуваться еще более угрожающими темпами и после завершения мирового финансового кризиса. Периодически они будут сопровождаться военными интервенциями в закрытые для мирового финансового капитала регионы и неконтролируемыми вспышками насилия в странах третьего мира.

Если капитал превращается в пустую фикцию за чужой счет, то стоит задать вопрос о том, какую позицию следует занять по отношению к «киберкапитализму». С. Жижек считает, что кризис института частной собственности, сопутствующий эволюции капитализма на нынешней стадии, создает прекрасные предпосылки для совершенно нового социального проекта. Теперь, когда принадлежность к правящему классу определяется доступом к средствам общественной власти, контроля и всеми благами элитарного образа жизни, *перспективы борьбы за новый социальный порядок больше не могут выражаться в форме политического выбора между частной собственностью и ее обобществлением: это будет выбор между иерархическим и эгалитарным постсобственническим обществом.* Однако если никаких действительных усилий не будет предпринято в пользу второго варианта, дело может приобрести дурной оборот: «...рыночные отношения делают возможным существование (по крайней мере) “формальной” свободы и “законодательного” равенства; поскольку опорой социальной иерархии может служить собственность, нет никакой нужды в ее непосредственном политическом утверждении. Тогда, если собственность перестает играть ведущую роль, возникает опасность того, что ее постепенное исчезновение вызовет потребность в некоей новой (расистской или экспертной) форме иерархии, не-

посредственно основывающейся на качествах индивидов, отрицающей тем самым даже “формальные” буржуазные равенство и свободу. Короче говоря, поскольку определяющим фактором социальной власти будет наличие/отсутствие доступа к привилегиям (знаниям, управлению и т. д.), мы можем ожидать усиления различных форм исключения, вплоть до неприкрытого расизма»¹⁰.

Усиление реакционной клановости и авторитарных форм господства – вот чего следует ожидать сегодня в отсутствии организованного противодействия. Однако С. Жижек отмечает, что протестные силы в настоящее время дезорганизованы постполитической идеологией (идеологией, утверждающей конец всех идеологий), и вместо того, чтобы организовать политически, представляют собой массу дисперсных образований, которые на самом деле все так же вписываются в логику глобального капитала. С. Жижек считает, что это происходит из-за разделения на «хорошее» сопротивление власти и «плохой» революционный захват власти: «Сегодняшний тупик заключается в том, что существует только два способа социально-политической деятельности: либо вы играете в игру системы, участвуя в “долгом марше через институты”, либо вы являетесь активистом новых социальных движений – от феминизма через экологию к антирасизму»¹¹. В итоге получается структурная непоследовательность: *новые социальные движения остаются «движениями одной проблемы», они не затрагивают социального целого в своих проектах и оттого обречены на бесплодность, т. е. им не хватает универсального измерения.* Все попытки получить «хороший» капитализм без его «плохого» измерения обречены на провал, или, перефразируя Робеспьера – это попытки получить капитализм без капитализма.

Таким образом, можно выделить две основные темы, разрабатываемые современными западными марксистами. Первая связана с формированием политической платформы в условиях размытой социальной базы, а вторая – с анализом когнитивного капитализма. Обе эти темы следует рассматривать во взаимной связи, т. к. одну без другой понять в принципе невозможно.

Примечания

- ¹ См.: *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М., 2009.
- ² *Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985.
- ³ *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии // Худож. журн. 1999.
- ⁴ См.: *Барбарук Ю.В.* Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. М., 2012. С. 28–40.
- ⁵ *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч.
- ⁶ См.: *Верчеллоне К.* Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4. С. 144–167.
- ⁷ *Žižek S.* First as Tragedy, then as Farce, London. P. 138–147.
- ⁸ *Чернявский С.В., Моргунов Е.В.* Институционализация промышленной ренты // Вестн. ГУУ (Сер. Институцион. Экономика. № 2). М., 2001. С. 187–205.
- ⁹ *Жижек С.* 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 154–155.
- ¹⁰ Там же. С. 176.
- ¹¹ Там же. С. 178.

И.Н. Сиземская

Проблемы модернизации в исторической ретроспективе

Модернизационные преобразования затрагивают все стороны жизни общества, начиная от его хозяйственно-экономического уклада и институциональной структуры, кончая наукой, образованием, системой ценностных ориентаций и мотиваций поведения человека в трудовом коллективе, в семье, в свободное время. Модернизация – это многофакторный социокультурный феномен, выступающий как *Реформация, т. е. процесс, охватывающий материальную и духовную жизнь людей в их системном единстве.*

Социально-культурное содержание модернизации как цивилизационного процесса

За всеми модернизационными процессами бесспорно стоит развитие экономики, достижения современного технического прогресса и научного знания. Все они привычно связываются с их успехами, справедливо воспринимаются как исходное условие и средство решения главной проблемы – экономического роста и желаемого включения России в мировую капиталистическую систему. Однако социальное содержание модернизации остается недостаточно проясненным.

Во-первых, понятие модернизации, укоренившееся в научном аппарате современного социально-гуманитарного знания, не отражает в должной мере ее социокультурную составляющую и роль в

развертывании политических, духовных, национально-этнических процессов, характеризующих общую тенденцию развития мирового и отечественного социально-культурного пространства. *Во-вторых*, закрепившееся за понятием содержание не ориентирует исследования на интерпретацию модернизации как *совральной* глубинным *цивилизационным изменениям*, связанным с расширением возможностей личностной самореализации человека – с развитием демократических принципов общежития, правового государства, гражданского общества. *В-третьих*, рассуждения о модернизации как условии движения современного, в том числе российского, общества «по вертикали» чаще всего оставляют в стороне вопросы об институциональных и ценностно-гуманистических критериях такого движения и самих модернизационных преобразований.

В итоге и в общественном сознании, и в социальной практике модернизация предстает в виде по большей части *технических средств* ее реализации (инновационных прорывов в производственных технологиях, способов их внедрения в общественную жизнь людей и т. п.), иными словами, не в своем действительном содержании. Можно сказать, как замечает В.Г. Федотова, что «модернизация рассматривается, скорее, у нас в повседневном значении – как улучшение, усовершенствование. Культура, общество звучат в рассуждениях и действиях, направленных на модернизацию как некоторая запрашиваемая населением добавка»¹. Иными словами, из поля зрения выпадает главное: модернизация на современном этапе есть процесс, охватывающий материальную и духовную жизнь людей в их взаимообусловленном единстве, свидетельство *нового цивилизационного состояния человечества*. Как следствие недооценки этого – на периферии научного интереса остается тот факт, что она, с одной стороны, инициирует изменения, которые становятся «знаком» нашей эпохи (трансформация общества в «общество знания», культуры в «массовую культуру» и др.), с другой стороны, выявляет жесткую зависимость эффективности модернизационных трансформаций от *готовности и способности общества* ответить на ее вызовы. Что касается государственной и бизнес-политики, то они, как правило, упускают те стороны модернизации, которые соотносятся с историческим движением человечества по пути совершенствования общественных форм его жизнедеятельности и развития культуры. Правда, в по-

следнее время подход, позволяющий выявить внутреннюю связь модернизации с глобальными изменениями, охватывающими и экономику, и социально-политическую жизнь, и культуру современного общества заявляет о себе все чаще. Приведем в этой связи вывод, к которому приходят авторы коллективной монографии «Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт»: «Модернизация нам нужна, подобная Реформации – которая преобразит не только технико-экономическую сферу, но и общество в целом и приведет на историческую сцену героя эпохи постсоциалистического капитализма»². Все чаще внимание исследователей переключается на разработку методологии анализа модернизационных преобразований и их влияния на реальную динамику экономической, культурной и политической жизни современного социума³. Примером такого подхода может быть коллективная монография «Проблемы социокультурной модернизации регионов России», построенная на комплексном, включающем обширный социологический материал, анализе процессов индустриальной (первичной) и информационной (вторичной) модернизации. Анализ состояния и перспектив последней соотнесен с инновационной разработкой понятия информационного общества как информационно-когнитивного, т. е. *понимающего общества*⁴. Это задало новый ракурс исследованию феномена модернизации: она рассмотрена как «формирование и утверждение совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности», обеспечиваемое «в повседневной жизни... соответствующими социальными, экономическими, политическими и иными институтами и структурами»⁵. Но такой подход к феномену модернизации, к сожалению, не определяет главный вектор общего исследовательского интереса к ней.

Между тем, сегодняшние задачи и цели развития страны – обеспечение экономического роста и вхождения России в мировое сообщество на правах цивилизованного государства актуализируют отношение к модернизационным преобразованиям именно в таком теоретическом ракурсе. В соответствии с ним следует обратить внимание на два измерения модернизации. С первым связано развитие экономики, науки и образования, со вторым – становление правового государства как гаранта ответственной свободы человека-гражданина и властных институтов как организующей силы,

строящей свою политику на демократических принципах. Взаимосвязь этих двух измерений модернизации задана сегодняшним уровнем развития социальных систем, ее институтов, функционирующих через механизмы, являющиеся, как подчеркивает бесспорный авторитет среди исследователей этой проблемы И. Валлерстайн, «одновременно и политическими, и экономическими, и социокультурными, ибо в противном случае они оказались бы неэффективными»⁶. В наши дни их жизнь по *единым* общекультурным нормам есть не только сущностная, но и функциональная характеристика. В полной мере это относится и к разнообразным экономическим институтам, *вынужденным* функционировать по принципу «сущностной рациональности» (М. Вебер). Последняя характеризует степень реальной интеграции духовно-нравственных (культурных) ценностей в экономическое пространство, требуя при выборе средств достижения экономических целей принимать во внимание нормы, выходящие за пределы непосредственной хозяйственной деятельности. Подчеркнем, что речь идет не о проекции различных проявлений культуры на сферу хозяйства, а о рассмотрении экономической рациональности в измерениях культуры. Российская практика модернизации имеет свою историю и свои традиции в следовании этому принципу.

Российские модели модернизации: первый опыт капитализации

В отечественной философской и экономической мысли второй половины XIX в. термину «модернизация» соответствует термин «капитализация», отражавший направленность изменений в жизненном укладе России в связи с фактом отмены крепостного права в царствование Александра II. Это время вошло в отечественную историю с характеристикой «эпоха Великих реформ»: финансовая (1862), реформа в сфере народного образования (1863), земская, положившая начало местному самоуправлению (1864), судебная (1864), реформа в области печати и цензуры, обеспечивавшая гласность (1865), городская, открывавшая путь к государственному самоуправлению (1970), военная на основе введения всеобщей воинской повинности (1874)⁷. В результате,

по оценке В.О. Ключевского, Россия буквально сошла со старых основ своей жизни. Реформы, «подмороженные» на некоторое время политикой Александра III, в итоге вывели страну на путь, хотя и замедленного, но *поступательного развития «по европейскому образцу»*. Важнейшей составляющей этого развития стало эволюционное движение российской государственности в сторону конституционно-монархического строя, сломавшее сословные границы традиционного общества.

Важной вехой на этом пути явилась начавшаяся позже земельная реформа П.А. Столыпина, превращавшая крестьянина в индивидуального собственника и товаропроизводителя, юридически уравнивая его в гражданских правах с представителями других сословий. Примечательна в этой связи оценка реформы В.И. Лениным. Говоря о перспективах реализации столыпинских преобразований, он соглашался, что они окончательно перевели бы жизнь страны на «буржуазный лад», и это могло бы «заставить нас отказаться от всякой аграрной программы»⁸. Столыпину удалось реализовать лишь малую часть задуманного. Но и это было равносильно социальной революции. П.Б. Струве писал: «Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина – можно ее воспринимать как величайшее зло, можно ее благословлять как благодетельную хирургическую операцию, – этой попыткой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И – сдвиг поистине революционный и по существу, и формально. Ибо не может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог»⁹. Главное же состояло в том, что Россия стала *привыкать* к парламентскому (думскому) стилю государственного управления. В.А. Маклаков, один из оппонентов Столыпина, вынужден был признать: «За этот восьмилетний период Россия стала экономически подниматься, общество политически образовываться. Появились бюрократы новой формации, понявшие пользу сотрудничества с Государственной Думой, и наши политики научились делать общее дело с правительством»¹⁰.

Итак, начавшиеся в конце XIX в. модернизационные преобразования в направлении капитализации жизненного уклада страны в России осуществлялись *в единстве экономической, со-*

циально-культурной и политической составляющих. Именно поэтому они имели столь удивительный успех в главном: для развития товарного производства как главного условия экономического роста России, для выделения индивидуального производителя из среды общинных коллективов и, как следствие, для становления гражданского общества на адекватной этому росту социальной базе. Опыт России еще раз подтвердил, что право, выражающее принцип формального равенства, своей объективной основой имеет экономические корни в виде товарного производства, которое в своей сути является социокультурным фактором исторического движения социума к политическим и гражданским свободам. Сошлемся, аргументируя такую оценку товарного производства, как это ни покажется странным, на главного критика капитализма – К. Маркса. Он писал в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.»: «...в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис *всякого равенства и всякой свободы.* Как чистые идеи равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированное выражение обменов меновыми стоимостями: будучи развиты в юридических, политических и социальных отношениях, они представляют собой все тот же базис, но в некоторой другой степени. Это подтвердилось так же и исторически»¹¹. Исторически подтвердил это и российский опыт модернизации по пути капиталистического развития.

Процесс был прерван Октябрем 1917 года, к его вектору страна вернулась сто лет спустя, но на *иной экономической и социально-культурной основе.* К сожалению, адекватная оценка этого факта на уровне государственной политики до последнего времени не имела места, что во многом объясняет, почему перестроечные преобразования 1990-х гг. были лишены должной сбалансированности и комплексности, а сегодняшнее их продолжение по сути «пробуксовывает». С одной стороны, оно не обеспечивает необходимой экономической конкурентоспособности России с Европой и США, с другой стороны, рождает многочисленные линии социального напряжения в стране вместо ожидаемой консолидации ее граждан.

Идеи капитализации России в контексте философской рефлексии второй половины XIX века

Идеи, обосновывавшие пореформенный, после 1861 г., путь капитализации хозяйственно-экономического уклада страны, сегодня по большей части преданы забвению. Между тем, их эвристический потенциал не утратил своей силы, что не должно вызывать удивления. Во-первых, переживаемая сегодня страной ситуация («вхождение в капитализм») ставит те же цели, что и сто тридцать лет назад, во-вторых, как справедливо заметил И. Валлерстайн, «старые теории никогда не умирают и обычно не исчезают бесследно. Они сначала притворяются погибшими, а затем мутируют»¹². В этой связи представляется целесообразным вспомнить «пакет идей», предложенных русскими либералами в 80–90-е гг. XIX в. (А.И. Скворцов, Н.И. Зибер, И.И. Кауфман, М.И. Туган-Барановский, Н.С. Булгаков, П.Б. Струве). Именно тогда была предпринята попытка приложения идеи модернизации к решению двух главных российских проблем: 1) как поднять в сельскохозяйственной стране уровень народного хозяйства до европейских стандартов, 2) как раздвинуть границы политических и гражданских свобод, не прибегая к методам революционной борьбы.

Нарушив монополию народников на теоретическое осмысление отечественных социально-экономических реалий, авторы идей о путях российской модернизации связывали ее перспективы (соответственно и будущее России) с историческим движением капитализма, рассматривая последний как *обязательную* фазу мировой истории¹³. Но что еще важнее, обратившись к проблемам развития народного хозяйства, они предложили принципы его организации, которые опирались на научное знание – экономику, философию права, психологию, зарождавшееся учение об управлении социальными системами. Заметим, что эти принципы, в частности, включенные в модель капитализации П.Б. Струве, были частично реализованы в ходе перестроечной практики наших дней, подтвердив их объективную значимость. Струве, как и его единомышленники, в конструировании модели капитализации российского жизненного уклада исходили из переплетения в экономической матрице разных составляющих: прибыли, нормы эксплуатации, рынка и – свободы, социальной справедливости, моральной ответственности.

Примечательно в этом плане суждение С.Н. Булгакова, известного своими экономическими исследованиями: «Проблема философии хозяйства – о человеке в природе и природе в человеке», – убеждал он¹⁴. В соответствии с такой философско-антропологической установкой Булгаков рекомендовал рассматривать проблемы экономического развития страны, что и сделал в своем исследовании «Философия хозяйства», «сразу в тройкой постановке: научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической»¹⁵. Булгаков привнес в толкование природы хозяйственной деятельности видение ее с позиций философски и гуманистически мыслящего исследователя. В отличие от последователей немецкой исторической школы, которым он в какое-то время следовал, его «философия хозяйства» ставила проблемы экономической социологии и эпистемологии, решая их через соединение «трансцендентального идеализма с экономическим прагматизмом... на почве центральной метафизической идеи – о человечестве как трансцендентальном субъекте хозяйства»¹⁶. Формулируя таким образом исследовательскую задачу, Булгаков поддерживал укоренившиеся в XIX в. в российской философской мысли традиции следовать принципам «цельного знания» как единственного знания, адекватно представляющего реальность. Сегодня, когда развитие науки и техники все чаще предлагает решения, требующие комплексного подхода, этот принцип сохраняет свое эвристическое значение, раздвигая границы наших представлений о социальных смыслах модернизации.

Значительное влияние на предлагавшиеся в конце XIX в. проекты модернизации оказали идеи социальной философии В.С. Соловьева, исходным основанием которой был принцип оправдания добра, примененный в том числе к трактовке сути и смыслов экономической жизнедеятельности общества. Экономический прогресс, считал он, оправдан в той мере, в какой выступает средством обеспечения условий достойного человеческого существования, а интересы развития человека есть единственная цель экономического прогресса. Ибо «производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, как и для чего человек действует в этой определенной области»¹⁷. Отношение к человеку как к цели

есть необходимое условие жизни нравственно здорового общества, потому что каждый человек, независимо от своей общественной полезности, есть лицо, имеющее право на безусловное достоинство и развитие своих позитивных (творческих) интересов и способностей. Отсюда следует, считал Соловьев, «что никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как только средство каких бы то ни было посторонних целей, – он не может быть только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для так называемого общего блага, т. е. блага большинства людей»¹⁸. В экономической политике общества поэтому должен четко просматриваться *примат социальной справедливости* как доказательство признания публичной властью права каждого на общее благо. Это благо не подлежит утилитарно-прагматическому обоснованию, хотя подлежит корректированию конкретно-историческим временем и возможностями общества. Экономическая политика, выражающая суть человеческих отношений в области материального производства, должна быть направлена, утверждал В.С. Соловьев, на обеспечение следующих условий. Первое, общее, состоит в том, чтобы экономическая деятельность не осуществлялась «как себедовлеющая»; второе, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не за счет человеческого достоинства производителей, т. е. чтобы ни один из них не становился только орудием производства; третье условие – использовать окружающую среду (у Соловьева «использовать землю»), улучшая, а не разрушая ее. Требование соблюдения этого условия во времена Соловьева звучало скорее «упреждающим», но первые два безусловно отражали реалии нарождающегося в России капитализма.

Итак, утвердившийся в конце XIX в. в общественно-философском дискурсе тезис о вхождении России в мировую капиталистическую систему покоился на следующих социально-философских идеях. Капитализм есть необходимая *фаза* цивилизационного развития социума, имеющая в себе самой достаточное основание. Его историческая миссия заключается в создании материальных и культурных условий для продвижения человечества по пути прогресса. Именно поэтому перескочить связанную с ним фазу развития невозможно. Будущее России определено перспективами вхождения ее в капиталистическую фазу исторического развития.

Социализм, если и возможен, связан с неизбежным прохождением через капитализм. Экономика – это культура в ее специфическом бытии. Сфера производства – это сфера «производства самой жизни», и в этом смысле «производства человека» как индивида, способного по своей сути к универсальной деятельности и универсальному обмену. Процесс общественного производства по своей социальной сути есть *культурный процесс воспроизводства человека как субъекта*, совпадающий в конечном счете с человеческой историей¹⁹. Поэтому более производительная хозяйственная система опирается на более высокую, как писал Струве, «личную годность», а успехи модернизации во многом зависят от того, насколько общество способно делать свое развитие и развитие человека предметом интеллектуальных поисков, критической рефлексии, «культурной озабоченности». Сформулируем эти идеи в их системной взаимосвязи.

– Объективным основанием человеческой жизни является товарный обмен, связывающий индивидуальное существование человека со всем обществом и делающий его *«настоящим социальным существом»* (Струве). Развитое товарное производство предполагает существование правовых институтов, правопорядок, адекватное им правовое сознание и в этом смысле является мощным *культурным фактором* человеческой истории. – Если страна встала «на путь его развития, весь культурный, политический и экономический прогресс зависит от дальнейших успехов на этом пути»²⁰.

– Историческое движение товарного производства есть путь к капитализации народного хозяйства. Последняя предполагает возрастание роли государства, призванного выражать равнодействующую общественных сил и осуществлять социальную политику на основе идеи права и порядка. Особую роль в этом процессе играет экономическая политика. Помимо собственных задач, связанных с реализацией интересов субъектов собственности, она должна выполнять общую задачу – быть механизмом встраивания духовно-нравственных принципов в экономическое пространство.

– Общее благо, персонифицированное интересами общества, имеет право не на человека, а на его деятельность (труд) и в той мере, в какой способствует обеспечению условий его достойного существования. Право каждого гражданина на это последнее име-

ет статус «максимы», не редуцируемой к представлениям о целесобразности – государственным, корпоративным, индивидуальным. Государство призвано и обязано обеспечивать это право. Признавать в человеке только производителя, собственника, потребителя вещественных благ есть точка зрения «ложная и безнравственная» (Вл. Соловьев), ибо хозяйственная деятельность «не есть подъяремная работа скота» (Булгаков). Ее субъектом является человек, *позитивно принимающий* через систему своих «индивидуальных начал» (культурные ориентации, добросовестность, ответственность и т. п.) происходящие трансформации, а свою включенность в последние как способ реализации собственных интересов, наклонностей, знаний и умений.

– Капитализм создает искусственные границы человеческой свободы – политической, интеллектуальной, хозяйственно-предпринимательской, творческой самореализации человека, а значит культуры в целом. «Страховать» от социокультурных издержек капиталистического уклада жизни призвано гражданское общество. Оно является тем социальным пространством, в котором люди взаимодействуют автономно от властных структур на принципах частного интереса и самоуправления в качестве правовых субъектов.

Обращение к нашим сегодняшним реалиям заставляет, к сожалению, признать, что названные идеи отнюдь не определяют направленность государственной политики в сфере модернизационных преобразований, хотя практическая востребованность стоящих за ними социокультурных смыслов является бесспорной. Она же оправдывает их «реанимацию» в структуре современного социального знания, учитывая современные вызовы истории.

Ниже предлагаем остановиться на идее взаимообусловленности процессов капитализации и становления гражданского общества, как она интерпретировалась отечественной философской мыслью в конце XIX – в начале XX в..

Модернизация и становление гражданского общества

Исторический опыт человечества свидетельствует, что между капиталистической модернизацией и развитием гражданского общества имеется двусторонняя связь, а связующим звеном

между ними является культура и ее демократические институциональные образования. Если развитие последних не входит в приоритеты государственной политики, на пути гражданского общества и модернизации возникают трудности. Об этом свидетельствуют последние события в Ираке, Турции, на Украине, в нашей стране, подтверждающие, что состояние гражданского общества, характер взаимоотношений его с государственной властью, является одним из важнейших факторов поддержания как социального порядка, так и социальной нестабильности, провоцирующей власть на радикальные меры во внутренней и неадекватные меры во внешней политике.

Для нашей страны острота проблемы обусловлена фактом *несбалансированности* начатой в 1990-е годы модернизации экономических, политических и социокультурных институтов, что своим следствием имеет отсутствие развитого правового государства и гражданского общества в стране. Последние лишь пробивают себе дорогу сквозь прочие нововведения и прежде всего те, что направлены на защиту «рыночного фундаментализма». Спасение от всевластия государства мы ищем в рынке, а спасение от стихии рынка, если его ищем, то обязательно в государстве. Так и «мечемся» между этими двумя полюсами, не будучи в силах удержаться ни на одном из них. В этом диапазоне расположены все наши предпочтения и пристрастия. Одни – за свободный рынок, другие – за сильное государство. А разумно сочетать то и другое не получается. И не получится, пока не поймем, что государство и рынок могут мирно сосуществовать друг с другом лишь при наличии гражданского общества, что, как утверждает Э. Гидденс, гражданское общество является фактором одновременного сдерживания рынка и государства. К сожалению, сегодняшняя ситуация в стране такова, что нам, как пишут авторы монографии «Концепты политической культуры», «для начала хорошо бы воссоздать не гражданское общество, а **общества** с разнообразными интересами. . . , учащиеся жить собственными силами, обладающие навыками полисной жизни»²¹. Ведь в общественном сознании и в правовой практике до сих пор не утвердилось однозначных критериев, определяющих нормы гражданского поведения. Скажем, почему «стояние» людей у Белого Дома в 1991 г. считается актом такого поведения, а митинг на Болотной площади – нарушением его норм? В чем различие между «простыми гражданами»

(термин, совершенно непонятный, но очень распространенный в сегодняшней политической риторике) и «рассерженными горожанами»? *Какие* внесударственные организации (не запрещенные существующим законодательством) входят в структуру гражданского общества, свидетельствуя о его наличии? Насколько правомерно рассматривать *общества по интересу* (рыболовов, любителей пива и других, более или менее безбидных для власти самоорганизаций) в качестве структурных элементов гражданского общества? Как взаимосвязаны приватность и публичность в качестве модусов гражданского общества? Сложились ли в стране социальные механизмы, гарантирующие терпимость к инакомыслию? Есть еще множество вопросов, на которые пока, увы, нет ответов. Может быть, потому, что нет ответа на главный вопрос: что такое свободное волеизъявление граждан? В рамках обозначенной этими вопросами проблемы представляется целесообразным обратиться к отечественной интеллектуальной традиции ее осмысления.

Как известно, термин «гражданское общество» возник как перенос понятий римского права в социальную область и первоначально отождествлялся с термином «цивилизация» в ее альтернативности варварству – *гражданское, т. е. цивилизованное общество*. В качестве условий-признаков такого общества постулировалось существование частной собственности, суверенитет работника, охраняемый законом, свободный товарный обмен, иными словами, наличие социального пространства, в котором люди взаимодействуют на принципах добровольности, самоорганизации и самоуправления²². Отечественная интеллектуальная традиция тоже основывалась на этом постулате. Вектор, определивший развитие идеи гражданского общества, своим основанием имел признание самоценности человеческой личности. В соответствии с ним в гражданские свободы включалась морально-нравственная составляющая. Поэтому гражданское общество рассматривалось не только как совокупность правовых и экономических механизмов, институтов и объединений, а еще и как определенное состояние общественной и индивидуальной духовности, включающее ощущение человеком себя в качестве свободного и независимого члена общества, способного и желающего противостоять власти и одновременно взаимодействовать с ней в качестве субъекта происходящих преобразований.

Важно отметить, что признание самоценности человеческой личности утверждалось в отечественной общественной мысли не столько в контексте идей классического либерализма (Б.Н. Чичерин)²³, сколько под влиянием распространенных социалистических учений. Последние не принимали идеологии, защищавшей абсолютную ценность личного интереса (в их терминологии «буржуазного мещанства») и не оставляли в будущем обществе места рыночным (опять же «чисто буржуазным») отношениям, в том числе и по причине их несовместимости с исторически сложившимися в России общинными формами жизни. (Впоследствии такая оценка сыграла роль одного из препятствий на пути развития правовой культуры и становления гражданского общества в стране). Ситуация некоторым образом изменилась в конце XIX в. с принятием отечественной философией права идей *социального либерализма* (В.С. Соловьев, П.В. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский)²⁴ и затем *правового социализма* (Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен)²⁵. Особую роль в этом процессе сыграл С.И. Гессен, который активно пытался вписать некоторые идеи социализма в русскую либеральную традицию, трактовавшую закон не только с социально-политической, но и с нравственной, духовно-культурной точки зрения. В рамках последней социализация правового государства понималась как более высокая степень верховенства закона, как расширение сферы гарантируемых прав личности. В этой связи можно привести следующий тезис Новгородцева: «Когда мы говорим, что социализм, входящий в культурную работу современного государства, “врастающий” в современное общество, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, – писал Новгородцев, – это значит, что мы... имеем здесь в виду социализм, утерявший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ»²⁶. Заметим, что и идея права «на достойное существование» не была уступкой идее государственного вмешательства («огосударствления» экономики), поскольку за ней стояло *иное* требование к государству: быть *защитным механизмом добра*, определенного минимума нравственности, и на этой основе *механизмом солидаризации интересов граждан*. Как писал Кистяковский, «при помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого и ценно всем людям... Способствуя росту

солидарности между людьми, государство облагораживает и возвышает человека»²⁷. То же можно сказать и об идее солидарности: она не рассматривалась как противоречащая праву человека на приватность индивидуального существования, за личностью оставалось право на самоопределение и самопроявление. Более того, такая позиция наносила удар по этатизму. А принципы правового государства и становление на его основе гражданского общества стали восприниматься совместимыми с идеалами социальной и культурной политики. Иными словами, в рамках либеральной интерпретации основ правового государства (соответственно и гражданского общества) произошло смещение акцентов в сторону соотношенности их с гуманистически-социалистическими смыслами (социальная справедливость, достойное существование, равенство в потреблении культурных достижений и др.). Ценность идеи состояла в заложенном в ней утверждении: с одной стороны, люди, лишённые экономической свободы теряют социальную основу гражданских отношений, с другой стороны, экономическая свобода сама по себе не гарантирует включение человека в публичное пространство, т. е. не делает его Гражданином и Личностью.

Итак, главная черта гражданского общества: «вся сфера мнений и верований должна быть безусловно неприкосновенной для государства» (Кистяковский). Это предполагает, что человек имеет право свободно высказывать свое мнение, отстаивать и распространять его путем печатного слова, для чего он должен иметь свободу общения. Поэтому неотъемлемым правом человека является право на союзы и свободное общение, гарантируемое установлением неприкосновенности личности. В этом смысле полностью поддерживалась формула К.С. Аксакова: «*Правительству – право действия и, следовательно, закона; народу – право мнения и, следовательно, слова!*»²⁸. Признание и гарантия этого права обеспечивает реальное *ограничение влияния власти* средствами идейного (идеологического) давления на личность, запрет на вторжение в частную жизнь граждан. Далее. Для обеспечения гражданского консенсуса личность должна признавать известные ограничения своей свободы. Эти ограничения определяются нормой, фиксируемой «*правом-притязанием*». Этому конструкту, в частности представителями правового социализма, придавалось особое значение как фиксирующему взаимодополняемость прав и обязанностей

между индивидом и государством и оправдывающему (в рамках закона) контроль над жизнью гражданского общества. «Власть, – писал С.А. Котляревский, – должна быть ограничена правом во имя справедливости; справедливость должна быть восполнена деятельной благожелательностью»²⁹. Так проблема правового государства многими нитями сплеталась с проблемой гражданского общества как пространства для свободного единения граждан.

Главная черта гражданского общества соотносилась с правом человека на жизнь в публичном пространстве, с признанием за ним права на активное включение в работу институтов государственного управления (идея представительной демократии). Право на политическую активность признавалось и социальным либерализмом и правовым социализмом как за правящей властью, так и за легальной оппозицией. Но в рассматриваемом историческом контексте (становления в России конституционной монархии) признание этого права вызывало и такого рода раздумья: «Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле... существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм – это русское самодержавие наоборот»³⁰. Эти слова принадлежат Герцену, которому нельзя отказать в исторической прозорливости. И все-таки хочется внести коррективы в процитированное суждение: мыслитель, как и мы в своем историческом опыте, не учел, какую защитную роль от исторических казусов может сыграть *развитое гражданское общество*. Но это, впрочем, объяснимо: такового в России тогда не было, как нет его фактически в стране и сегодня. Поэтому к предостережениям Герцена следует прислушаться и признать развитие гражданского общества первоочередной политико-культурной задачей осуществляемых модернизационных преобразований.

Примечания

- ¹ Федотова В.Г. Теорема Томаса китайской модернизации // Вопр. философии. 2012. № 6. С. 17.
- ² Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2013. С. 56.

- ³ См.: Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2013; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., общ. ред. Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. М., 2013; Цивилизация и модернизация: Материалы российско-китайской конф. 29–31 мая 2012 г. (Москва). М., 2012; *Мотрошилова Н.В.* Цивилизационный подход в программах модернизированного рывка современного Китая // Вопр. философии. 2012. № 6; *Федотова В.Г.* Теорема Томаса китайской модернизации // Вопр. философии. 2012. № 6; Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2011–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2011.
- ⁴ Авторы монографии, опираясь на данные проведенного масштабного социологического исследования, поставили задачу «реалистично интерпретировать наблюдаемое торможение, во многом стагнацию социокультурной модернизации России и ее регионов, несбалансированность ее процессов, выявить факторы, способы повышения социокультурной ее эффективности». (Указ. соч. С. 6). Важно, что рассмотрение социокультурной составляющей модернизационных преобразований (за период 2000–2010 гг.), было сориентировано на выявление их влияния на динамику экономических, культурных и политических трансформаций российского общества.
- ⁵ Там же. С. 16.
- ⁶ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С. 170.
- ⁷ См.: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Российские ритмы социальной истории. Гл. IV, V. М., 2004.
- ⁸ *Ленин В.И.* Об оценке текущего момента // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1961. С. 275.
- ⁹ *Струве П.Б.* Преступление и наказание // *Петр Столыпин.* Российские судьбы. М., 1998. С. 232–233.
- ¹⁰ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума. Париж, 1942. С. 601.
- ¹¹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 192.
- ¹² *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. С. 264.
- ¹³ Среди предложенных моделей выделялась модель *П.Б. Струве*, обоснованная им в книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894), имевшая своей целью критику народнической модели экономического развития России. Ей предшествовали исследования *Н.И. Зибера* в виде серии статей под общим названием «Экономическая теория К. Маркса» (СПб., 1889), *А.И. Скворцова* «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (СПб., 1890), «Экономические этюды» (СПб., 1893), *Н.Ф. Даниельсона* «Очерки нашего пореформенного хозяйства» (СПб., 1893). Идеи Струве были созвучны экономическим исследованиям *М.И. Туган-Барановского* («Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь», СПб., 1894, «Русская фабрика в прошлом и настоящем», СПб., 1898), работам *Н.С. Булгакова* («О рынках при капиталистическом производстве», М., 1896, «Капитализм и земледелие», СПб., 1900, «Краткий очерк политической экономии», М., 1907). К этим идеям были

- близки воззрения *В.Г. Плеханова*, считавшего что «за капитализмом вся динамика нашей общественной жизни», что Россия еще «не смолола той муки», из которой можно испечь «пирог социализма». См. об этом: *Сиземская И.Н.* П.Б. Струве: первая модель капитализации России // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. С. 16–33.
- 14 *Булгаков Н.С.* Философия хозяйства. М., 1990. С. 3.
- 15 Там же. С. 4.
- 16 Там же. С. 257.
- 17 *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 415.
- 18 Там же. С. 345.
- 19 В основе этой посылки лежала идея Маркса: «В качестве конечного результата общественного производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. ... Здесь перед нами – их собственный постоянный процесс движения, в котором они обнаруживают самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» (*Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222).
- 20 *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 283.
- 21 *Неретина С., Огуцов А.* Концепты политической культуры. М., 2011. С. 274.
- 22 Сегодняшние дефиниции, а их немало, тоже исходят из фиксации экономической свободы, многообразия форм собственности, рыночных отношений, конкуренции, признания прав человека как гражданина, автономных от власти институтов, созданных гражданами для свободного волеизъявления и реализации своих частных интересов. Но во всех определениях на периферии остается, во-первых, *родовая* связь гражданского общества с правовым государством (нет правового государства – нет гражданского общества), а во-вторых, роль в его становлении национального фактора, подтверждающего, что у всякого гражданского общества обязательно есть свой национальный лик. И потому жизнь человека в гражданском обществе во многом связана с его культурной самоидентификацией.
- 23 Адекватным выражением «идеи права» Б.Н. Чичерин считал только право как систему формализованных норм и поведения, в рамках которого «человек представляется как свободное, самодостаточное лицо, которому присваивается известная область материальных отношений и которое состоит в определенных отношениях к другим таковым же лицам. По самой природе этих отношений в этой сфере господствует индивидуализм: здесь находится главный центр человеческой свободы» (*Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. Т. 1. М., 1882. С. 88–89.).
- 24 См.: *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988; *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. СПб., 2000; *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М., 2010; *Котляревский С.А.* Власть и право. М., 1915.

- ²⁵ См.: *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // *Кистяковский Б.А.* Избранное. М., 2010; *Гессен С.И.* Правовое государство и социализм // *Гессен С.И.* Избранное. М., 2010.
- ²⁶ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 516.
- ²⁷ *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // *Кистяковский Б.А.* Избранное. С. 142.
- ²⁸ *Аксаков К.С.* Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю императору Александру I // *Русская историософия. Антология / Сост. и авт. Вступ. очерка Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская.* М., 2006. С. 179.
- ²⁹ *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 403.
- ³⁰ *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1975. С. 471.

С.А. Королев

Псевдоморфо́за в истории России

В небольшой по объему главе нет возможности осветить сколько-нибудь детально все стороны и нюансы концепции псевдоморфного развития России и влияние фактора псевдоморфности на протекание фундаментальных исторических процессов, в частности, модернизации. Поэтому, вероятно, местами текст будет несколько конспективен, а там, где это возможно, вместо развернутой аргументации мы будем отсылать читателя к опубликованным ранее работам.

Псевдоморфо́за: современное понимание

Псевдоморфо́за – понятие, введенное в философию О. Шпенглером. «Историческими псевдоморфо́зами, – пишет он, – я называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, молодые чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи?! Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе»¹. Иными словами, исполь-

зую это понятие, Шпенглер описывал процесс, предполагающий навязывание макросоциуму определенной культурной оболочки, в которой обречено далее существовать и развиваться (или существовать и деградировать) некое автохтонное содержание, некие присущие данному социуму социокультурные матрицы, практики и системы жизнеустройства. Если говорить о России, то Шпенглер рассматривал прежде всего псевдоморфозу эпохи Петра I, давая ей крайне негативную оценку.

После Шпенглера понятие псевдоморфозы использовалось рядом известных исследователей, в частности, Г.В. Флоровским и, уже в наше время, В.Л. Цымбурским. Флоровский полагал, что в конце XVII в. на Руси произошла псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза религиозной мысли. Москва оказалась не в состоянии противостоять давлению наступающего из Киева латинофильства. «Это первая и открытая встреча с Западом. Можно было бы сказать, свободная встреча, – если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачей в плен»².

Что касается В.Л. Цымбурского, который высоко ценил философию истории О. Шпенглера, то он использовал понятие псевдоморфозы в чисто шпенглеровском духе: это собственное цивилизационное содержание в чужих формах. «В определенный момент, – констатирует Цымбурский, – Россия объявляет себя частью Европы. Одна цивилизация объявляет себя вдруг частью другой и начинает имитировать и воспроизводить европейские формы жизни и культуры»³. Очевидно, что и Шпенглер, и Флоровский, и Цымбурский использовали понятие псевдоморфозы для описания достаточно специфического, исторически значимого, с их точки зрения, но скорее уникального феномена или процесса, не рассматривая ее как некий универсальный, типологический механизм развития.

Шпенглер, как уже было отмечено, полагал, что псевдоморфоза – это подавление культуры «юной», еще не созревшей в полной мере, культурой более «старой» и сильной. Мы же придерживаемся той точки зрения, что псевдоморфозная конструкция – подавление некой привнесенной извне оболочкой автохтонного культурного и иного содержания – универсальна и может функционировать и в том случае, когда оболочку привносит молодая, но при этом более сильная и агрессивная культура.

Кстати, к этому выводу подводит и логика самого Шпенглера. Он замечает, что победы в знаменитой битве при Пуатье в 732 г. не франки под предводительством К. Мартелла, а арабы и сделай они «Франкистан» своим северо-восточным халифатом, «арабский язык, религия и общество сделались бы господствующими, на Луаре и Рейне возникли бы города-гиганты наподобие Гранады и Кайравана, готическое чувство было бы принуждено выражаться в давно заостенелых формах мечети и арабски, а вместо немецкого мистицизма у нас был бы некоего рода суфизм»⁴. И это притом, что арабская культура к исходу первой трети VIII в. по сравнению с европейской христианской культурой, конечно же, была более молодой. Добавим к этому, что нечто подобное описанным Шпенглером реалиям вскоре появилось в захваченной маврами Испании.

Мы полагаем, что, если говорить о России, псевдоморфоза – это не этап, не феномен и не форма, а *тип развития*⁵. Сами основы русской культуры и русской государственности были псевдоморфными.

В российской истории можно выделить пять глобальных, определяющих псевдоморфоз: 1) первую европоморфную (призвание варягов и затем христианизация); 2) азиатскую, кочевническую (ордынское иго); 3) еще одну европоморфную (церковные реформы Никона и преобразования Петра I); 4) антизападную (советскую), с 1917 г.; 5) возрождение европоморфной псевдоморфозы (конец горбачевской перестройки и развитие России после 1991 г.).

Как правило, в результате работы псевдоморфной машины аллохтонная, привнесенная извне оболочка сливается с автохтонным культурным слоем. Оболочка растворяется в нем. В то же время, автохтонное как бы впитывается в аллохтонную оболочку. Скажем, христианство, которое было частью и доминантой привнесенной извне культуры, с течением времени становится компонентом культуры автохтонной. И какая-то часть последней при определенных условиях может превратиться в «угнетаемую» компоненту псевдоморфной конструкции, как это случилось со «старой верой» после церковной реформы патриарха Никона. Равным образом и православная церковь превращается в автохтонный институт, в каркас автохтонной цивилизационной кон-

струкции. Каковым накануне имплантации христианства в ткань славянской культуры было язычество в духовно-религиозной сфере и вече в структурах власти.

В.М. Живов, много занимавшийся проблемой восприятия Киевской Русью византийской культуры, высказал одну очень глубокую мысль, значение которой выходит далеко за рамки анализа данного частного, конкретного случая. При рецепции одной культуры другой, полагал он, надо не только говорить о взаимном влиянии, но анализировать сложный процесс отбора и трансформации элементов заимствуемой культуры; надо пытаться реконструировать и понять ту новую систему, в которую преобразовывались элементы заимствуемой культуры, и то, каковы принципы функционирования этой системы⁶.

Иными словами, любое заимствование, заимствование псевдоморфного типа, в том числе, не тотально и не обеспечивает на новой почве полной тождественности заимствованного содержания тем образцам и стереотипам бытия, которые были наложены на макросоциум.

Процесс трансформации внешнего, аллохтонного в автохтонное – длительный, иногда занимающий десятилетия, иногда столетия, но логика его неизменна – синтез автохтонного и аллохтонного. Но, если речь идет о псевдоморфозе, то это трансформация не в условиях своего рода параллельного существования (наподобие сосуществования язычества и христианства до «крещения Руси» в 988 г.), а в уникальной ситуации существования одного «внутри» другого (как язычество в оболочке официального христианства после 988 г.)

История России – это история перманентного конфликта культурного ядра и подвижной, чувствительной оболочки. Но при этом российская история дала огромное количество примеров взаимной адаптации этих двух структурных компонентов культуры, примеров глобальных и частных, окрашенных идеологически и скромно растворенных в ткани повседневности. Адаптация осуществляется посредством мимикрии формы и морфоза как смыслового цивилизационного ядра, так и множества частных, исторически конкретных содержаний.

Вспомним, например, стремительную эрозию содержания, заданного европоморфной петровской «Табелью о рангах» (1722 г.): всего четыре десятилетия понадобилось для того, чтобы ликви-

ровать обязательную службу дворян, главный смысл петровской новации. Традиционное русское содержание, адаптировавшись к чисто формальным требованиям новой матрицы государственной службы, радикальным образом трансформировало смыслы, ради которых вводилась означенная форма.

Практически аналогичны модель и механизм эволюции Советов, считавшихся официально основой советской государственности. Генетически очевидна связь этой институциональной формы с национальной традицией непосредственной демократии, вечевой, соборной, общинной, традицией казачьего круга – и некими смыслами, которые несет эта традиция. Впоследствии эти смыслы утрачиваются, и форма становится средством легитимации диктатуры партии, политическим прикрытием тоталитарного режима. Сходным образом эволюционирует и современная российская демократия, которая, сохранив полный набор западных институтов, шаг за шагом нивелирует присущие им демократические смыслы, приобретая откровенно имитационный характер. Наконец, почти аналогичным образом «пророс» внутри либеральных рыночных форм госкапитализм начала XXI в. («государственные корпорации»). Всего одно десятилетие, и форма – «рыночная экономика» – несет уже существенно иное содержание.

Не все попытки направить Россию по пути псевдоморфного развития были успешны. Для псевдоморфозы должны существовать определенные предпосылки, некий глобальный, фундаментальный национальный интерес и адекватный исторический субъект. В противном случае псевдоморфная конструкция рухнет. Вспомним, например, что грубое наложение чуждых социокультурных форм и инородных структур во времена Лжедмитрия I, приведшего поляков в Кремль и интенсивно полонизировавшего московскую жизнь, завершилось самым печальным образом.

Начало русской истории. Норманизация и христианизация

Христианизация Руси вне всяких сомнений была псевдоморфозой, процессом, навязавшим макросоциуму определенную социокультурную оболочку. Что же касается предшествовавшего ей

«призвания варягов», норманизации Руси, то норманны, очевидно, не принесли с собой некой новой оболочки, в которую после их пришествия была бы заключена прежняя жизнь славянских и угро-финских племен и в которой она обречена была развиваться далее. Это становится ясным, в частности, при сравнении последствий норманизации и монгольского завоевания. Пришествие варяжских князей и дружин стало, скорее, *ферментом*, который стимулировал развитие будущей Руси в определенном направлении⁷. Ограниченная, но несомненная норманизация стала предпосылкой создания и оформления того типа власти, при которой только и могло быть востребовано христианство не как местный культ, а как государственная религия. Иными словами, без появления варягов, стимулирования определенного рода процессов во власти и формирования определенного рода государственных структур не могло быть осуществлено принятие Киевской Русью христианства уже в конце X в.

Формы, способы и масштабы заимствования, как и конкретное содержание заимствуемого культурного пласта, определяются во многом спецификой почвы, на которой происходит заимствование. В.М. Живов отмечал, что Киевская Русь заимствовала от Византии аскетическую, но не гуманитарную традицию⁸. Эта селективность заимствования – один из родовых признаков российских псевдоморфоз. Например, при Петре I заимствовали из Европы преимущественно внешнее, набор дисциплинарных практик и наиболее характерные черты образа жизни. Но не заимствовали, да и едва ли могли заимствовать, то, что сформировало европейца, тип мышления и мотивацию.

Многие исследователи характеризуют ситуацию, сложившуюся после принятия Владимиром Святославичем христианства в качестве официальной религии, как *двоеверие*. Это двоеверие, как представляется, – не столько параллельное существование природы приходящей и природы уходящей, сколько специфическая форма существования и выживания одного в другом. «Двоеверие являлось не просто результатом терпимости церкви к языческим суевериям, оно было показателем дальнейшей исторической жизни аристократического язычества, которое и после принятия христианства развивалось, совершенствовалось, вырабатывало новые тонкие методы соперничества с навязанной извне религией»⁹, – писал академик Б.А. Рыбаков.

Язычество оказывает воздействие не только на социокультурную сферу, но и на процессы социально-политические. Здесь следует упомянуть прежде всего спорадические выступления волхвов, которые становятся особенно опасными на фоне социальных конфликтов, связанных с неурожаем и голодом. Волхвы апеллируют к старым языческим богам и откровенно противостоят предавшей этих богов поруганию власти.

В середине XII в., на фоне так называемой «феодальной раздробленности» наблюдается определенная реактивация язычества; в связи с этим актуализируется вопрос о *мясоядении*. Мясо – традиционный сакральный продукт язычников, то, что приносится в жертву языческим богам. Княжеских дружинников не устраивают и, более того, раздражают христианские установления о посте в среду и пятницу и о святости воскресного дня. Примеров тому множество, здесь нет возможности их приводить. Так, в Ростове в 1157 г. был изгнан епископ Нестор, запретивший есть мясо в господские праздники, в среду и пятницу и в течение 50 дней после Пасхи.

Временами почвенное, удобное для простого народа и естественное язычество одолевало пронизанное строгостями и ограничениями христианство. Не случайно академик Б.А. Рыбаков говорит о «победе русской языческой традиции мясоядения в спорах и боях за епископские кафедры». В подтверждение Рыбаков ссылается на написанное примерно в начале XIII в. «Слово о посте к невежамь», констатируя, что в тексте этого произведения при замечательном подробном описании языческих обрядов и поверий нет и следа посягательства на мясоядение при всех праздничных пирах¹⁰.

Уже в христианские времена на Руси продолжали почитать всякого рода бесов (если использовать терминологию, присущую православной традиции): леших, водяных, упырей, подорожных, навий, берегинь, домовиков, кикимор, овишников и т. д. «Переход от мифологического к религиозному христианскому мировоззрению на Руси произошел в намного более резкой форме, чем у скандинавов, – замечает Н. Хамайко. – Между тем уничтожение пантеона высших богов и его замена на христианскую Троицу не повлияли кардинальным образом на мощный пласт древних анимистических представлений, борьба с которыми началась намного позже и в итоге завершилась фактическим поражением православной церкви»¹¹.

Да и новые христианские боги и святые были восприняты своеобразным образом – на них были как бы спроецированы черты привычных языческих божеств и им были приписаны возлагавшиеся ранее на членов языческого пантеона функции. Многие исследователи отмечают, в частности, что особое почитание Богородицы в Древней Руси не укладывалось в рамки византийского христианства и что в некоторых региональных культах Богородицы она сохраняет полуязыческие черты женского божества¹². Постоянно воспроизводятся несмотря на давление официальной религии элементы народной языческой культуры, «плясанье, бубны, сопели, гусли, пскове, игранья неподобные, русалья». Наконец, народ, несмотря на осуждение официальной церкви, продолжает лечиться у знахарей и травников. «Судя по косвенным данным, “коллективное подсознательное” Руси было все еще языческим и в XI, и в XII вв., если и не в узкоконфессиональном смысле, то в более широком – идеологическом и ценностном... – резюмируют В.В. Мильков и Н.Б. Пилюгина. – Поэтому закономерно, что литература Руси XI–XII вв. запечатлела это “христианское сознательное”, сквозь которое прорывалось “дохристианское подсознание”»¹³.

Очевидно, следует серьезно отнестись к размышлениям тех исследователей, которые полагают, что христианство пришло на Русь слишком рано, когда общество еще не было готово к этому, когда еще не выстроилась адекватная ему государственная структура, а язычество еще не исчерпало своих возможностей в качестве государственной религии. «С точки зрения поступательного развития Руси введение христианства в конце X столетия являлось в некотором роде опережением событий, – полагает, в частности, И.Я. Фроянов. – Не имея под собой твердой социальной почвы и ближайшей политической перспективы, оно скользило по поверхности древнерусского общества и значительно позднее (в XIV–XV вв., когда завершилось формирование классов) превратилось в орудие классового господства, а также в рычаг объединения русских земель вокруг Москвы»¹⁴.

И длительный период двоеверия (до известной степени продолжающийся и по сей день) был не в последнюю очередь обусловлен тем, что в момент, когда заработала псевдоморфная машина, прежний социокультурный слой еще не исчерпал себя и в значительной степени соответствовал реалиям существующего социума.

Монголоизация Руси

Вторая, монгольская, кочевническая псевдоморфоза, наложение на русское общество и русские институты ордынских матриц власти, оказала мощное, долговременное и в целом крайне негативное влияние на развитие Руси. В сущности, ордынский период предопределил тип власти, сложившийся на Руси: самодержавие, более того, деспотическое самодержавие¹⁵.

Развитие русской государственности и формирование российского пространства власти «во чреве» империи Чингисидов было одним из базовых, и притом псевдоморфных по своей сути процессов, определивших облик Руси/России, и одной из составляющих российской псевдоморфозы как *типа развития*. В течение длительного времени на Руси функционировала властная машина, в значительной степени встроенная в монгольскую мегамашину власти. Это была не вполне самостоятельная технотехника, скорее, субструктура империи Чингисидов. Хотя, несомненно, вполне возможно рассматривать возникновение и функционирование этой машины как этап становления российской мегамашинной власти.

Победа ориентированных политически на Орду и, соответственно, технологически готовых к ассимиляции монгольских моделей власти московских князей – и поражение более «европейской» Твери, а затем и Галича в значительной степени предопределили облик вышедшей из треснувшей монгольской скорлупы самостоятельной Руси.

Московская Русь в основном позаимствовала монгольскую модель власти: самодержавие (ханат), система наследования от отца к сыну, рекрутская система, податная система. Хотя заимствования эти происходили асинхронно. Самодержавие и наследование от отца к сыну были заимствованы сравнительно (в историческом смысле) быстро. Хотя вначале при монголах было даже больше хаоса и непредсказуемости в наследовании, чем в домонгольский период. Даже московская дипломатия готова была в борьбе за ярлык с соседями встать на точку зрения, что не летописи и грамоты, а милость хана является источником права на княжеский стол¹⁶. В то же время рекрутская система вытеснила старую систему поместного войска и наемные полки только в эпоху Петра I.

Наконец, Русь позаимствовала у монголов жесткие технологии власти, смертную казнь, пришедшую на смену кодифицированной в разного рода «русских правдах» правовой системе, опиравшейся прежде всего на наказание в виде системы штрафов, вир.

Рекрутский набор на Руси начинался как *дань людьми*, которую покоренные русские земли уплачивали монгольским завоевателям. Население обязано было отдавать монгольской администрации, позже – принявшему на себя ее функции княжескому аппарату десятую часть имущества, скота и каждого десятого человека. В случае начала войны в виде дополнительного набора забирали еще десятого человека. Это была стандартная монгольская практика, о чем пишут, например, Б.Г. Греков и А.Ю. Якубовский в своей фундаментальной работе: «Собирание воинов с покоренных народов – это обычный прием татарской власти»¹⁷.

В тех формах, в каких эта практика применялась Ордой на Руси, это было не только рекрутирование будущих солдат, решение конкретных военно-политических задач властями Орды, но и, с технологической точки зрения, один из ранних этапов функционирования технологий депортации в российском пространстве власти¹⁸.

Изымаемые из русских земель 10 % населения отправлялись в Золотую Орду и там распределялись довольно специфическим образом. Большая их часть пополняла монгольское войско, значительная часть попадала в разного рода вспомогательные службы и занималась, например, обслуживанием дорожной сети. В отличие от кочевников, для которых земледелие было табуированным видом деятельности, многие выведенные из русских земель крестьяне расселялись по границе империи Чингисидов и, помимо традиционных для кочевников скотоводства и коневодства, занимались земледелием, огородничеством, охотой, рыболовством, т. е., собственно, тем, что было их основными занятиями на родине. Монголы селили русских, как и представителей всех прочих завоеванных ими народов, изолированно друг от друга, и межплеменное общение было запрещено. Младшие командиры этих этнических воинских частей (урядники, сотники) были, как правило, русскими; тысячниками, темниками и баскаками являлись монголы. В сущности, это были своего рода военные поселения, только за пять сотен лет до «Новой Сербии» и за пять с половиной сотен лет до военных поселений Аракчеева.

Кстати, этот социальный компонент – потомков связанных когда-то с Золотой Ордой, а затем отделившихся от нее русских, расселившихся по периферии государства, на его границах, – мы потом еще не раз встретим в русской истории в облике казачества.

Несомненно, что связанное с технологией депортации вычерпывание, выдавливание людских ресурсов и присвоение генофонда русского народа завоевателями было одним из наиболее тяжелых последствий монгольского ига. И оно в немалой степени предопределяет наше негативное отношение к монгольской псевдомофозе.

Таким образом, формирование «большого» российского пространства власти имеет все признаки псевдоморфного процесса. Это более чем очевидно в период монгольского завоевания; но элементы псевдоморфности фиксируются и позднее, когда, примерно до конца XVII в. (через опричнину, отмену урочных лет, прогрессирующее закрепощение и совершенствование механизмов сыска беглых, через Соборное уложение 1649 г.), оно формируется уже как самостоятельное и весьма специфическое пространство. Что вполне естественно, ведь, заметим, псевдоморфоза петровской эпохи обошлась *без* голландского и шведского завоеваний. В постмонгольский период на Руси происходит автохтонизация монгольских черт и традиций, натурализация монголоморфных практик. Однако монгольское наследие по-прежнему довлеет и определяет.

Более того, многие монголоморфные начала и принципы организации государства и общества, не вполне развившиеся под спудом ордынского завоевания, в полной мере развиваются только после обретения Московской Русью самостоятельности. Еще знаменитый историк Г.В. Вернадский отметил этот парадоксальный, на первый взгляд, феномен нарастающей, уже после отступления монгольских завоевателей, монголоизации Руси: «Проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна. Мы сталкиваемся здесь скорее с комплексом важных проблем, чем только с одним вопросом. Влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект отложенного действия. Более того, в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось, после освобождения Руси»¹⁹.

Очевидно, что разгром Новгорода Иваном Грозным в 1570 г. – это применение ордынских технологий, калька монгольских методов подчинения русских земель. Опричнина – это также вос-

производство властных технологий Золотой Орды. Узкий круг избранных воинов, существующих на Руси Ивана Грозного, подобно монголам в тюркском окружении, в тюркоязычной, а затем и в русскоязычной среде. И практически ничем не ограниченный произвол завоевателей. Наконец, разгром Новгорода – это символический акт, означающий завершение некой монгольской исторической миссии: монголы не смогли или не захотели разорять Новгород, хотя несколько раз были близки к этому. И эту задачу решила московская власть.

И это несмотря на то, что Грозный позиционировал себя как православный царь, а не наследник Орды. Хотя точно исследователи находят свидетельства преемственности власти московских государей с Золотой Ордой. Парадокс заключается в том, что московские цари, заимствовав ордынские властные технологии, не заимствовали ее политическую идеологию, выступая, за отдельными исключениями, не как преемники Орды, а как полноправные члены христианского мира, враждебного к неверным, к мусульманам²⁰.

Примечательно, что и в развитии Золотой Орды также прослеживаются определенные компоненты псевдоморфности. Прежде всего, заимствование китайской системы управления, во всяком случае, если говорить об управлении завоеванными империей Чингисидов территориями. Далее, это прорастание, в рамках кочевнической социальной суперструктуры, элементов не-кочевнической и анти-кочевнической цивилизации. Речь идет о так называемом процессе *оседания кочевников*, значение которого подчеркивали отечественные историки еще в советское время. Определенная псевдоморфность была присуща монгольскому обществу и в культурно-духовной сфере. В частности принятие ислама при хане Берке по своим механизмам весьма сходно с христианизацией Руси и представляло собой, очевидно, псевдоморфный процесс.

Так или иначе, монгольская политическая культура в полной мере утвердилась на Руси только после ига. Ибо не могло быть ханата русского, пока есть хан Золотой Орды в Сарае и великий хан империи Чингисидов в Каракоруме. И это вполне объяснимо в контексте нашей концептуализации – псевдоморфоза неизбежно проходит стадию, когда осуществляется автохтонизация той самой

навязанной извне оболочки, когда прекращается противостояние между привнесенной формой и национальным, местным, автохтонным содержанием.

Классическая псевдоморфоза: реформы Никона и петровская модернизация

Структура третьей, никониано-петровской псевдоморфозы (именно той, анализируя которую Шпенглер и открыл псевдоморфозу как определенный социокультурный процесс) весьма напоминает структуру первой российской псевдоморфозы. Только здесь исправление богослужебных книг и религиозная универсализация стали предпосылкой масштабных светских, государственных и общественных реформ. Духовное, религиозное шло впереди светского, государственного, гражданского, дисциплина шла впереди модернизации. В первой же псевдоморфозе IX–X вв., наоборот, изменения в характере власти, создание основ государственности предшествовали социокультурной (религиозной, духовной) революции, каковой стало «крещение Руси».

Не случайно В.К. Кантор, рассматривая реформы Петра, говорит об «эпохе второго норманнского влияния»²¹, а академик Б.В. Раушенбах сравнивает принятие христианства с реформами Петра I²². Оснований для подобных параллелей более чем достаточно.

Заметим, что на фоне универсализации, порожденного ею церковного раскола и борьбы с приверженцами «старой веры» происходит ужесточение всех технологических структур власти. Она становится все более жесткой, в основном за счет совершенствования и ужесточения практик локализации индивидов. Не только отменяются урочные годы сыска беглых, и сыск становится бессрочным (это закреплено еще в Соборном уложении 1649 г.) – создается механизм государственно организованного и массового сыска с соответствующим аппаратом (Приказ сыскных дел и сыскные приказы в уездах), на места посылаются специальные сыщики, рекрутируемые из дворян. Последние, в свою очередь, для поимки беглых получают у воевод стрельцов и отставных, не состоящих на службе, дворян.

В нашей системе понятий, в контексте нашей концептуализации все это означает активное функционирование автохтонного содержания в рамках заимствованной оболочки и, в значительной степени, эрозию этой оболочки. Ибо жесткие технологии власти – это то, что выросло на национальной почве и/или может быть отнесено к отдаленным результатам монголоизации, приведшей, как уже было сказано выше, к ужесточению технологий власти.

Если Никон велел переписать богослужебные книги на иноземный, греческий, лад и заставил русскую церковную жизнь развиваться далее в раме универсальной, привнесенной извне догматики и богослужебных практик, то Петр I «переписал книги» светские, ввел новые законы и регламенты, следуя уже не греческим, а западноевропейским образцам. Практически Петр изменил и модернизировал все сферы и все институты российской жизни: армию, систему государственного управления, сословную иерархию, повседневную жизнь правящего класса и народа. Россия совершила резкий рывок вперед в технологическом и военном отношении и одновременно уничтожила те потенциалы развития свободы, эмансипации, проскочила те исторические развилки, которые наместились в допетровский период.

Весьма примечательно, что еще в 60-е годы прошлого века ряд ученых высказывался в том смысле, что в допетровскую эпоху Русь/Россия была гораздо ближе к тому, чтобы развиваться по сходному с Европой, капиталистическому в своей основе, пути. Так, историк А.С. Сумбатзаде отмечал своеобразную зигзагообразность экономического развития страны. «С этой точки зрения, если посмотреть на историю России, я думаю, что в XV–XVI вв., даже в начале XVII в., в России для развития элементов и отношений капитализма, может быть, были гораздо большие возможности, чем во второй половине XVII и первой половине XVIII в.»²³. М.Я. Волков также видел в истории России XVII в., в истории *допетровской* России, альтернативу социально-экономического развития по феодално-крепостническому или по буржуазному пути²⁴. И к этим, казалось бы, забытым идеям, историки возвращаются и сегодня – сошлюсь на цитированный выше очерк В.В. Пузанова.

Петровская модернизация проходила в уже расколотой стране, разделенной как по оси реформаторская власть – традиционалистское большинство, так и, если говорить о самом этом боль-

шинстве, между сторонниками официальной церковной доктрины и старообрядцами и в ситуации, когда, после реформ патриарха Никона, существовало сильное недоверие ко всему иностранному, идущему из-за границы.

Петр утверждал свои новации железной рукой, под страхом жесточайших кар. Ужесточение властных практик по всем направлениям было одним из основных параметров петровской модернизации – в каком-то смысле продолжением тренда к ужесточению, наметившегося во второй половине XVII в. Так, Воинский устав 1717 г. наряду с множеством формализованных практик, призванных регламентировать воинскую муштру, устанавливал значительное количество новых проступков и преступлений и вводил ряд новых наказаний (среди которых преобладали смертная казнь в различных формах и жестокие телесные наказания). При этом, однако, и регламентация проявлений повседневной жизни, от порядка посещения ассамблей до знаменитого запрещения ношения бород и русского платья (кроме крестьян и священников), осуществлялась с той же жесткостью, что и дисциплина в армии.

Позволю себе привести фундаментальный вывод видного историка академика Л.В. Милова, касающийся природы и сущности петровской модернизации. «Итак, форсированное строительство крупного производства путем заимствования “западных технологий” таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые “варварские” формы феодальной зависимости. Эпоха преобразований породила огромный контингент людей, являющихся принадлежностью фабрики и продающихся из поколения в поколение вместе с этой фабрикой»²⁵.

Л.В. Милов полагает, что такой разворот исторического развития России был закономерен и неизбежен, поскольку означал, что в конечном счете «производственные отношения» в каком-то смысле пришли в соответствие с «производительными силами». Историк подчеркивает, что производительные силы – это не машина или оборудование, а социум на определенном этапе развития. Милов, уделивший в своих работах огромное внимание роли климатического фактора в истории России, был убежден, что российский социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие

и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия. Именно поэтому этот социум неизбежно «усвоил» (подмял) и новые технологии, адаптировав их к господствующему укладу хозяйственных отношений. «К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия “реакционный”, “консервативный” и т. п., – полагал Милов, – так как они были проявлением *объективной необходимости, логикой развития данного общества*» (курсив наш. – С.К.)²⁶.

Признавая ценность логики и аргументации известного историка и его безусловную правоту в том, что касается результатов петровского правления (здесь наши выводы совпадают), мы полагаем все же, что речь следует вести не об объективной необходимости, а об исторических развилках, возможно, о точках бифуркации. Ибо исследования того же XVII в. показывают, что в лоне российского социума формировались предпосылки и для движения по существенно иной исторической траектории.

Так или иначе, применительно к эпохе Петра I нам приходится говорить о реванше автохтонного, казалось бы, подмятого привнесенным, аллохтонным, и о том, что выплески архаики, реванш автохтонного в разного рода псевдоморфных моделях – не казус, не эпизод, а вполне логичный и предсказуемый итог очередного витка псевдоморфного развития России.

Советизация как псевдоморфоза

Речь идет о советизации в самом широком смысле, советизации как внедрении норм, принципов и ценностей, матриц сознания и матриц развития, проистекающих из коммунистической идеологии в том виде, в том варианте, в каком она была взята на вооружение партией большевиков, захватившей власть в России в октябре 1917 г.

После этого на российское общество была наложена, даже нахлобучена некая модель развития, в отличие от всех привнесенных ранее извне аллохтонных оболочек, не имеющая исторических корней и являющаяся продуктом утопического сознания и идеологического доктринерства.

Если вернуться к мысли В.М. Живова о том, что в процессе рецепции происходит отбор и трансформация элементов заимствуемой культуры, то можно констатировать, что, как это ни парадоксально, подобный процесс имел место и при «запуске» механизма советской псевдоморфозы. И это притом, что заимствовало не некая реальная и гипотетически успешная модель организации социума, а накладывалась на общество некая совершенно абстрактная система представлений о том, каковым оно, это общество, должно стать. Понятно, что марксизм был заимствован в России в специфической большевистской, и прежде всего ленинской, интерпретации. Но и в этой версии марксизма (мы не говорим уже о марксизме Маркса), если речь идет о *пред*-революционном периоде, можно обнаружить по меньшей мере две традиции. Подобно тому, как в византийской культуре присутствовали традиции гуманистическая и аскетическая, и заимствована Киевской Русью была в основном последняя, в ленинской интерпретации марксизма и соответствующего ей общественного идеала была традиция романтическая, самоуправленческая, воплощенная прежде всего в работе «Государство и революция», и традиция репрессивная, якобинская, этатистская, максимально рельефно проявленная в известной статье «Можно ли запугать рабочий класс “якобинством”?», а после октября 1917-го – в «Ренегате Каутском». И возобладала наиболее жесткая версия священного марксистского символа веры. Не Новый, а Ветхий завет. При этом даже в специфически интерпретированной Лениным марксистской доктрине (в том виде, какой она приобрела к моменту захвата большевиками власти) не было теоретически обосновано ни существование ГУЛАГа, ни даже однопартийной системы. Но именно сделанный выбор и конфигурация заимствованного набора элементов в известной мере предопределили развитие системы именно в этом направлении.

Формой, оболочкой, в которой осуществлялась советская псевдоморфоза, стала тоталитарная система, тоталитарное государство. Поэтому почти все чуждое системе содержание было уничтожено. Мало что уцелело, даже в урезанном и деформированном виде. В частности, после Октябрьской революции религиозное сознание выживало в условиях и под давлением официального атеизма, подобно тому, как язычество после «крещения Руси»

развивалось и выживало в рамках христианства. И точно так же выживала Русская православная церковь, которая функционировала внутри государства с официальной атеистической идеологией и, во всяком случае, до Великой Отечественной войны, воинствующе атеистическими практиками.

Под спудом этой оболочки российский, затем советский социум стремительно эволюционировал в сторону тоталитарной модели, которая нетерпимо относится к наличию внутри себя каких-нибудь элементов предшествующей ей социальной и культурной организации. Поэтому мы констатируем наличие элементов псевдоморфности прежде всего в первое десятилетие после большевистской революции и в последние пять-семь лет существования СССР, в период жестокого кризиса и развала системы.

Несомненно, нэп, введенный после трех лет гражданской войны и «военного коммунизма» и предполагавший развитие некоторых элементов рыночной экономики в политической раме «диктатуры пролетариата», представлял собой конструкцию псевдоморфного типа. Но, в отличие, например, от петровского времени, когда жесткие автохтонные технологии власти подавили элементы дисциплинарного общества, импортированные из Европы, здесь, напротив, элементы рынка, хозрасчета, относительная интеллектуальная и творческая свобода были в конечном счете подавлены политической властью и созданной ею картельной машиной, растворены и аннигилированы насильственным путем. Оболочка целиком и полностью подавила возрожденное было автохтонное, дореволюционное содержание.

Другим сегментом, где в лоне нового строя существовали и воспроизводились элементы предыдущей системы, была российская деревня. В период после большевистской революции и гражданской войны и до коллективизации она развивалась инерционно, во многом по прежним матрицам. Сельская община несмотря на противостояние сначала с комбедами, а затем сельсоветами во многих местах просуществовала практически до коллективизации. И хотя религиозность идет на убыль, как шло на убыль язычество после принятия христианства в качестве государственной религии, церкви в первое постреволюционное десятилетие продолжают функционировать, и их все еще посещает значительная часть сельского населения.

Определенные характерные для псевдоморфозы процессы мы можем зафиксировать в годы Великой Отечественной войны. Восстановление имперской традиции, ревитализация имперского содержания и имперских смыслов, роспуск Коминтерна, александровский гимн Советского Союза вместо «Интернационала», возвращение погон и «царских» воинских званий, восстановление патриаршества, раздельное обучение в школах... И все это в советской оболочке, в формате «первого в мире государства рабочих и крестьян».

Далее, некоторые явления псевдоморфного характера фиксируются в так называемый «период застоя». Налицо определенная вестернизация, в частности, распространение потребительского сознания. Парадоксальным образом это сознание расплывается не просто в обществе, которое еще не стало и не могло стать потребительским, но в условиях товарного дефицита²⁷. Это очевидные симптомы ослабления и в определенной степени даже начала эрозии режима. Хотя если мы внимательно прочитаем воспоминания первых стилига, мы увидим, что процесс вестернизации в определенных рамках начался сразу после окончания второй мировой войны, еще при Сталине.

Иного рода, но тоже псевдоморфный по своей сути процесс начинается на исходе горбачевской перестройки, когда возвращаются реальные выборы в органы власти и снимаются многие цензурные ограничения. В рамках однопартийной политической системы и в лоне адекватной ей «социалистической культуры» начинают развиваться противостоящие им социокультурные и политические феномены. Феномены, которые вобрали в себя ценности дореволюционной, добольшевистской России, диссидентского движения и современной западной цивилизации.

Параллельно в контексте экономической модели, предполагающей отрицание частной собственности, частного предпринимательства и плановый подход к руководству хозяйственным развитием, возникают чуждые ей кооперативные, частнопредпринимательские по сути анклав, ставшие началом нового российского капитализма и инструментом первоначального накопления. И эти процессы, как мы полагаем, были в существенной степени подготовлены как раз той вестернизацией общественного сознания, пусть односторонней, связанной с потреблением, о которой было сказано выше.

Иными словами, некие духовные сдвиги – и затем изменение социально-политических и экономических реалий, по образцу и подобию модели псевдоморфозы последней трети XVII – первой трети XVIII вв. Именно таким был последний виток советской псевдоморфозы, ставший преддверием псевдоморфозы постсоветской.

Постсоветская псевдоморфоза и рванш советизма

Наконец, пятая по счету глобальная псевдоморфоза начинается на рубеже 80–90-х, после краха августовского путча 1991 г., ликвидации однопартийной системы, демонтажа СССР и перехода к рыночной экономике. В этот период в институциональной и, шире, социокультурной оболочке западного типа демократии и капиталистического рынка выживают, развиваются и в какой-то степени даже определяют развитие страны вполне советоморфные практики и компоненты сознания.

Псевдоморфоза – не линейный, а, скорее, дискретный процесс. «Старое» содержание не пребывает в одном и том же подавленном состоянии, оно развивается, консолидируется, и его значение к началу второго постсоветского десятилетия оказывается существенно выше, чем в первые постсоветские, «ельцинские», годы.

Основная проблема первого постсоветского десятилетия – выживание и трансформация советского и «коммунистического» в западной аллохтонной оболочке. Автохтонное содержание, разрозненные и разнопорядковые элементы предыдущей структуры в новой ситуации мимикрируют, приспосабливаются к требованиям формы, по сути своей в значительной степени оставаясь тем же, чем они были ранее.

Прежде всего, в оболочке западной либеральной демократии консолидируется и выживает кадровый ресурс уходящей власти, бывшая партийная номенклатура. Это облегчается тем, что президент России – бывший партийный работник, секретарь обкома и кандидат в члены политбюро. Однако это – субъективный фактор процесса. Объективная его составляющая связана с тем, что в стране, где десятилетиями отсутствовали политическая демократия и рыночные механизмы, капитализм не мог быть иным кроме как номенклатурным, и это касалось как кадров, источников пополне-

ния правящей элиты, так и типа экономических взаимоотношений. Это, собственно, то, о чем мы спорили еще в первой половине 90-х со сторонниками «народного капитализма», вдохновлявшимися, в частности, идеями Ивана Солоневича. Хорош «народный капитализм» или плох, но предпосылок для его утверждения в новой России, да и на постсоветском пространстве в целом не было никаких.

Выживает и трансформируется советское, в значительной степени традиционалистское, сознание. Хотя и у советскости, и у традиционализма есть свои параметры и своя специфика. Оголтелый антиамериканизм массового сознания в постсоветской России – это советское. Это то, что было впитано десятилетиями пропаганды и транслировалось из сознания отцов в сознание детей и внуков в процессе их социализации. Как и неизбывные идеи восстановления Советского Союза, великой империи, хоть в каких-то пределах, возврата хоть чего-то из потерянного Россией после 1991 г. Это тоже вполне советский компонент сознания, который сохранялся и мутировал на протяжении двух постсоветских десятилетий. А вот ненависть к богатым и успешным – это еще досоветское, крестьянское, это рудименты «русской аскезы»²⁸. Как и непреходящая приверженность к смертной казни как к инструменту поддержания законности и абсолютизация ценности «порядка» – советоморфное сознание ставит ее значительно выше, чем ценности свободы и человеческого достоинства.

Наряду и рядом с советским, имперским выживает, эволюционирует коммунистическое. Естественно, оболочка западной демократии давит на постсоветский, еще в значительной степени советский по своему духу социум, деформируя прежде всего существующие в его лоне идеологические, коммунистические компоненты. Многих граждан страны воспитывает сама жизнь, с ее жестокими и драматическими поворотами, вытравливая советское сознание ценой личных катастроф и потерь. И старое коммунистическое отчасти исчезает, отчасти трансформируется, синтезируясь с другими матрицами общественного сознания и политической культуры, прежде всего, патриотическими. Более того, это коммунистическое в полном соответствии с логикой функционирования псевдоморфной системы образует некий, недавно еще немислимый симбиоз с его традиционным антиподом, христианским. Уже в начале 90-х на улицах российских городов можно было видеть

растяжки типа: «С Рождеством Христовым, дорогие товарищи!» И, подобно тому, как после введения христианства новые боги и новые святые оказались своего рода преемниками старых языческих идолов, нововведенная демократия оказалась пропитана советскими смыслами.

Коммунисты перестают быть интернационалистами, сторонниками революции пролетариата против буржуазии и становятся патриотами, хранителями исконных, традиционных ценностей, приверженцами стабильности, противниками идущих с Запада культурных и политических новаций. Из революционной, прогрессистской, хотя бы номинально, силы они превращаются в силу консервативную.

Определяющий процесс второго постсоветского десятилетия в контексте нашей концептуализации – трансформация самой псевдоморфной оболочки, превращение ее в имитационную конструкцию. Институциональный обруч западной демократии оказывается в значительной мере фикцией. Выборы становятся контролируемым и управляемым процессом. Происходит превращение законодательной власти в чисто декоративную конструкцию и лишение парламентаризма всякого реального содержания. Деятельность российского парламента приобретает откровенно имитационный характер. Происходит деформация суда и подчинение его де-факто исполнительной власти. Осуществляется подчинение власти важнейших СМИ, прежде всего телевидения. Наконец (на что, к сожалению, обращается мало внимания), происходит эрозия президентской власти. Президент, по сути дела, перестает быть главой государства, призванным балансировать и гармонизировать разные интересы и ветви власти. Ибо эти «ветви» стали имитацией, условностью, де-факто перестали быть властью. В этих условиях президент реально становится главой исполнительной вертикали.

Иными словами, в оболочке несветского и порой даже анти-советского реанимируется старая советская конструкция – полное доминирование политбюро и генерального секретаря, при наличии вполне пристойной (за исключением ст. 6) Конституции и совершенно имитационных псевдодемократических институтов (Верховные Советы СССР и республик, как бы независимые суды, институт выборов, наконец). Эта политическая архаика подавляет воспринятые после 1991 г. формы адекватные западной

цивилизационной модели подобно тому, как при Петре I жесткие автохтонные технологии власти со временем подавили привнесенные из Европы дисциплинарные практики и технологии. Опорой власти становятся советоморфные слои, то, что нередко называют «условным Уралвагонзаводом». Как и во времена СССР, это патерналистски настроенные трудящиеся, всецело зависящие от государства и госбюджета.

В 1990-е гг. власть, в полной мере ощущая потенциал возвратного движения, пытается создать социальный и политический противовес носителям советской политической культуры и советского сознания, которые составляют, при любых социологических оценках, большую часть населения страны. Возникает слой так называемых олигархов. Но в течение первого десятилетия XXI в. роль новой олигархии как противовеса тренду ревитализации автохтонного, советского, коммунистического снижается, сама власть трансформируется и начинает опираться именно на те социальные слои, которые в 90-е расценивались ею как социальная база гипотетического коммунистического реванша. Госкапитализм как экономический уклад существенно теснит капитализм олигархический.

Такой характер протекания процессов типологически нам уже знакомых, когда промежуток между фазами псевдоморфозы сокращается, историческое время как бы сжимается, все происходит стремительнее и интенсивнее, чем ранее, связан с общим и вполне очевидным ускорением темпов общественного развития в конце XX – начале XXI в. Совсем немного времени проходит между стадией подавления автохтонного содержания и стадией реванша этого содержания, которое в значительной степени деформирует, растворяет привнесенную извне аллохтонную оболочку. Циклы работы псевдоморфной машины укорачиваются, а конечный результат все ближе к инверсии.

Таким образом, демократия в России все больше становится оболочкой псевдоморфного механизма, имеющей совсем не демократическое содержание. Однако смысл и историческая миссия этой становящейся псевдоморфозы в XXI столетии совсем не тот, что в веке XVIII-м. Ибо то, что триста лет назад, в эпоху Петра I, было набором цивилизационных и социальных смыслов, связанных с культурой европейского типа, и в перспективе могло стать

языком общения власти с гражданским обществом, в начале XXI в. превратилось в национально окрашенную архаику, инструмент ограничения гражданского общества и профилактирования не связанной с властью гражданской активности.

Этот шаткий псевдоморфный механизм, очевидно, долго существовать не сможет и уйдет из истории, либо уступив дорогу чисто авторитарным методам, либо самоликвидировавшись и предоставив свободно развиваться гражданскому обществу со всеми присущими ему атрибутами и практиками.

Модернизация в контексте концепции псевдоморфного развития России

Модернизация в свете предлагаемой нами концептуализации – это прежде всего экспансия аллохтонных систем и матриц общественных отношений. В России модернизация чаще всего не была естественным, органическим процессом. Нового типа структуры вырастали не в ходе естественного развития и трансформации старых, автохтонных структур, а привносились, импортировались или создавались в соответствии с некими аллохтонными матрицами. Так, петровская псевдоморфоза по сути была одновременно и широкомасштабной модернизацией. И наоборот, эта модернизация была в то же время и псевдоморфозой. Естественно, с учетом того, что псевдоморфоза охватывает гораздо более широкий спектр явлений, нежели модернизация. А вот модернизация Америки псевдоморфозой не была (если, конечно, абстрагироваться от проблемы выживания коренного индейского населения в рамках европейской капиталистической модели развития), являясь процессом в основном органическим.

Равным образом и глобализация – процесс, происходящий в псевдоморфном контексте. В отличие, скажем, от колонизации, которая представляет собой процесс автохтонный и в основном экстенсивный. Именно псевдоморфный контекст таких глобальных, определяющих развитие российского общества процессов, как модернизация и глобализация, предопределил их двойственный, противоречивый характер. В частности, то, что процесс модернизации в России, внедряя технологические инновации, одновре-

менно воспроизводил социальную архаику и даже провоцировал социальный регресс. Что связано не в последнюю очередь с пульсированием под псевдоморфной, аллохтонной, модернизационной оболочкой старого автохтонного, традиционалистского, консервативного содержания.

Принято различать модернизацию органическую и модернизацию неорганическую. Первая представляет собой процесс, развивающийся в силу внутренних причин, на основе внутренних источников, посредством трансформации автохтонных в своей основе матриц развития. Это своего рода саморазвитие.

Неорганическая модернизация, напротив, предполагает перенесение и внедрение технологий, институтов и социокультурных матриц, зародившихся, сформировавшихся и утвердившихся вне национальной/автохтонной почвы. Именно этот тип модернизации соотносится с понятием псевдоморфозы, а заимствованные матрицы модернизационного развития нередко представляют собой составляющую псевдоморфного процесса.

В российской истории, как уже было отмечено, очевидным образом преобладала неорганическая, псевдоморфная модернизация. Таковой, несомненно, была петровская модернизация и модернизация сталинская. И та, и другая чудовищным образом перепахали национальную почву, и та, и другая повлекли за собой огромные издержки как в смысле непомерной цены, заплаченной за них, так и в смысле социального регресса, которым сопровождалась технологические рывки.

Лишь две модернизации мы с определенными основаниями можем отнести к органическим. Это модернизационный процесс XIX в., как в дореформенный, так в пореформенный период, и модернизацию повседневности в первые два десятилетия существования постсоветской России. Иными словами, и в пространстве псевдоморфозы возможны некие органические процессы. И это очень важный вывод.

Даже беглый взгляд на исторические реалии свидетельствует о том, что органическая модернизация в тенденции ведет к эмансипации общества, разрушает сословные структуры, создает социальные лифты и условия для самореализации индивида. Если говорить конкретно о модернизации XIX в. в России, то некоторые историки описывают ее формулой: «Капитализм в России рос из

крестьянского корня»²⁹. Напомним в этой связи, что значительное количество российских текстильных фабрикантов были выходцами из крепостных (Прохоровы, Морозовы, Коноваловы и т. д.)³⁰. Модернизационный процесс XIX в., развивавшийся на собственной основе, и в частности, весьма динамичная модернизация текстильного производства (органическая в своей основе, хотя и зависевшая от привозного сырья, хлопка), естественным путем эволюционировавшего от кустарных мастерских в крестьянских «светелках», с раздачей пряжи для работы на дому, через мануфактуру к крупному машинному производству, фабрике, раскрепощал население (в прямом и переносном смыслах), давал ему определенный шанс вырваться из крепостной зависимости и бедности. В то время как, например, неорганическая, псевдоморфная модернизация Петра I породила крепостные мануфактуры, горные заводы с использованием принудительного труда, спровоцировав новый виток закрепощения крестьянства.

Несомненно, эмансипационным был и процесс модернизации повседневности в постсоветской России. В свое время мы подробно описали его³¹, так что не будем повторять здесь основные выводы и аргументы. Отметим лишь, что процесс этот в том виде, в каком он происходил, существенно переформатировал структуру общественных отношений. Ибо связанные с ним работники значительно менее зависимы от государства, чем занятые в других секторах российской экономики. Они более мобильны, более профессиональны и значительно меньше уповают на патерналистские модели взаимоотношений с любого рода властью.

Но повседневность – узкий сегмент, связанный прежде всего со сферой потребления и услуг. Что же касается глобальной модернизации, модернизации *страны*, провозглашенной в 2008–2009 гг. (символом которой было Сколково), то она оказалась имитацией; даже минимальные, редкие и непоследовательные знаки этого так по сути и не начавшегося процесса были уничтожены буквально через три-четыре года. К тому же модернизационные интенции 2008–2011 гг. были явлены на фоне усиливающейся клерикализации российского общества. Символом этого стали процесс Pussy Riot и создание кафедры теологии в МИФИ, знаменитом ядерном университете. Развитие событий в России 2010-х как будто подтверждает, что клерикализация и модернизация – две вещи несо-

вместные. Но не в том смысле, что экспансия церкви в светское пространство и эрозия конституционного принципа отделения церкви от государства делает невозможной модернизацию, хотя бы технологическую (в конце концов, модернизируется даже теократический Иран). Скорее, клерикализация является материальным обнаружением некоей ментальности власти, которая трудносовместима с модернизацией и инновационным развитием. Мы бы сказали, что она, эта ментальность, есть своего рода проявление *деволюционного мышления*.

В свое время мы, подробно изложив понимание модернизации известным американским социологом и политологом Сэмюэлем Хантингтоном, попытались обозначить некую антитезу данным им характеристикам этого фундаментального процесса³². Целесообразно здесь хотя бы вкратце повторить наши выводы. С одной только оговоркой – с тех пор, как Хантингтон выступал как один из наиболее последовательных адептов теории модернизации, взгляды его претерпели существенную коррекцию, в частности, в том, что касается социокультурной составляющей модернизационных процессов.

Прежде всего, мы далеки от исторического оптимизма американского ученого и вынуждены констатировать, что история содержит значительно больше парадоксов и двусмысленностей, чем это представляется сторонникам оптимистического эволюционизма. Не возьмемся говорить о мировой цивилизации в целом, но, во всяком случае, Россия не движется неуклонно и неумолимо по пути прогресса, а скорее развивается по синусоиде, которая иногда нехотя сворачивается в некое подобие спирали.

Вопрос о специфике России, о мере специфичности фундаментальных исторических процессов, происходящих в российском пространстве власти, в частности, процесса модернизации, может быть поставлен различным образом.

Можно предположить, что специфика – это то, что предполагает отклонение от нормы. При этом в качестве нормы может рассматриваться некий прецедентный процесс, исторически значимый или даже хронологически наиболее ранний в каком-то классе или виде процессов и потому ставший если не образцом, то объектом для сравнения и сопоставления. Назовем это *нормой исторической*.

Мы может также апеллировать к *норме логической*: модернизация должна заканчиваться достижением каких-то ориентиров, лежащих в плоскости будущего, а не архаизацией. И в этом смысле нормой является «правильный», успешно завершённый процесс.

Наконец, можно говорить о *норме аналитической*, экспертной, о некой сумме представлений о реальности, признанных нормой тем или иным сообществом на основе более или менее устоявшегося консенсуса. Такого рода норма в значительной степени конвенциональна. Принятие такой нормы во многом зависит от представлений о соотношении цели и издержек ее достижения. Сформулированная Хантингтоном максима: несмотря на все возможные издержки они в конечном счете оправданны, так как модернизированное общество неизмеримо благополучнее в материальном и культурном отношении – работает далеко не всегда. Ибо отнюдь не любая цена оправдывает даже успешный с утилитарной точки зрения проект.

Россия отклоняется от нормы во всех трех обозначенных измерениях: она отклоняется от нормативности, которая проступает из кумулятивного, обобщенного облика/образа аналогичных процессов в других странах и иных пространствах власти; она ломает аналитическую нормативность, которая появилась как квинтэссенция опыта иных стран и регионов; наконец, опыт России весьма двусмыслен, если говорить о фундаментальных трансформациях как о гипотетически логичных процессах, содержащих в себе некие элементы целеполагания.

Эта специфичность, этот выход за рамки «правильности» и нормативности развития во многом обусловлен псевдоморфным характером развития России. Возможно ли России перестроиться, вырваться из круга псевдоморфоз, ступить на путь органичного развития на собственной основе, или она обречена и далее заимствовать и адаптировать? И продвинет ли это развитие на собственной основе страну вперед или ставка на органику развития будет означать постепенное погружение в технологическую и социальную архаику и отставание от наиболее развитых и преуспевающих стран мира? Ответ на этот вопрос остается открытым. История не дает нам особых оснований для оптимизма. Настоящее – тоже.

В каком-то смысле помочь ответить на эти вопросы могло бы сопоставление российской псевдоморфозы с аналогичными феноменами, которые прослеживаются в истории других стран и народов. Ведь очевидно, что псевдоморфоза – явление, присущее не только России. Но это очень масштабная задача, требующая помимо всего прочего незаурядного знания (и понимания) европейской и, шире, мировой истории.

Тем не менее, в российской истории есть своеобразная логика, пусть это и логика инверсии, логика двусмысленности. В России сформировались некие матрицы развития, которые являются прецедентными для России и могут быть, с неким насилием над смыслом понятия, названы российской нормой (ибо что такое специфика, как не норма, лишенная универсальности?). И у нас есть возможность анализировать эти специфические процессы и фиксировать, в рамках некоего научного консенсуса или вне его, повторяющиеся явления, укладывающиеся в то, что раньше называли историческими закономерностями, а теперь именуют глобальными историческими трендами, пытаться понять их причины, следствия и отчасти даже перспективы. Интерпретация российского развития в терминах псевдоморфозы представляет собой одну из таких попыток.

Примечания

- ¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. Т. 2. С. 192.
- ² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1981. С. 56.
- ³ Цымбурский В. Новый возраст России // Русский журнал (интернет-издание), 04.10.2007. <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Novyj-vozrast-Rossii>. Дата обращения: 18.05.2014.
- ⁴ Шпенглер О. Указ. соч. С. 195–196.
- ⁵ Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.
- ⁶ Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 73.
- ⁷ Королев С.А. «Норманнский фермент» в контексте концепции псевдоморфного развития России // Философия и культура. 2014. № 3. С. 362–382.
- ⁸ Живов В.М. Указ. соч. С. 74–82.
- ⁹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 656.
- ¹⁰ Там же. С. 745.

- 11 *Хамайко Н.* Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // RUTHENICA. 2007. № 6. С. 111.
- 12 Введение христианства на Руси / Отв. ред. А.Д. Сухов. М., 1987. С. 270.
- 13 Там же. С. 266.
- 14 *Фроянов И.Я.* Загадка крещения Руси. М., 2007. С. 120.
- 15 *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
- 16 *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В.О.* Соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1957. С. 44.
- 17 *Греков Б.Г., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. Ч. II: Золотая Орда и Русь. М.–Л., 1950.
- 18 Подробнее о депортации как специфической технологии власти см.: *Королев С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997. С. 181–188.
- 19 *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М. 2001. С. 341–342.
- 20 *Гальперин Ч.* Вымышленное родство: Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина: Рос. ист. ил. журн. 2003. № 12. С. 68–71.
- 21 *Кантор В.К.* Санкт-Петербург. Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2009. С. 70.
- 22 *Раушенбах Б.В.* Сквозь глубь веков // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 189.
- 23 Цит по: *Пузанов В.В.* Феномен И.Я. Фроянова и отечественная историческая наука // *Фроянов И.Я.* Указ. соч. С. 12.
- 24 Там же.
- 25 *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 525.
- 26 Там же. С. 526.
- 27 См.: *Королев С.А.* От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // *Философия и культура.* 2010. № 1. С. 37–51.
- 28 См. написанную автором данного текста главу ««Русская аскеза». Генезис и эволюция феномена» в кн.: *Человек в экономике и других социальных средах* / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2008. С. 69–95.
- 29 См.: *Панкратова А.М.* Вступительная статья // *Рабочее движение в России в XIX веке.* Т. I: 1800–1860. Ч. I: 1800–1825. М., 1955. С. 17.
- 30 См.: там же. С. 18.
- 31 *Королев С.А.* Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // *НВ: Филос. исслед.* 2013. № 8. С. 356–422.
- 32 *Королев С.А.* Фундаментальные исторические процессы: российская специфика // *Философия и культура.* 2013. № 8. С. 1083–1101.

РАЗДЕЛ II

УРОКИ ИСТОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ОБЩЕСТВА

В данном разделе мы обратимся к анализу ряда конкретных процессов в разных сферах общества, происходящих в рамках модернизационного развития. Если в первом разделе модернизация выступает как достаточно целостный процесс, охватывающий общество в сфере, то здесь речь пойдет либо об отдельном обществе, либо о некоторых его чертах и процессах.

М.Г. Алиев

Проблемы региональной модернизации

Модернизация страны не может осуществиться без модернизации регионов. Региональные аспекты модернизационных процессов становятся все более значимыми. В России сегодня, как и всегда, почти все сконцентрировано в центре. По мнению Н.В. Зубаревич, одной из немногих исследователей региональной модернизации, в России «...власти, и не только они, плохо знают свою страну и побаиваются ее разнообразия буквально на генетическом уровне, постоянно стремясь к унификации всего и вся»¹. У российских регионов и у муниципалитетов нет ни поставленных перед ними задач, ни стимулов для активизации модернизационных процессов. Они, конечно, могут самостоятельно, по своей инициативе взяться за такую работу, подобно тому, как это пытались мы сделать в своем регионе (в Дагестане). Но в этом случае им часто придется наткнуться на нерешенность многих общих вопросов. В теоретическом же плане приходится сталкиваться с отсутствием необходимых теоретико-методологических установок.

Необходимость учета специфики регионов в модернизационных проектах

Решению вопросов о роли специфики регионов в ходе модернизации должны предшествовать теории, методологии, в которых модернизация рассматривается на региональном уровне. Чтобы быть эффективными, региональные модернизации должны идти одновременно с национальной модернизацией, подчиняясь ее основным принципам, закономерностям, но вместе с тем быть ориентированными на специфику и регионов, их роль в российском обществе. Модернизация регионов – пример тех задач, когда решение частных вопросов, требует понимания общих.

В административном отношении Российская Федерация состоит из 85 субъектов (регионов). Многие из них существенно отличаются друг от друга, имея как свои конкурентные преимущества, способствующие преобразованиям, так и факторы, сдерживающие модернизацию, ограничивающие ее возможности. Модернизация региона может быть более успешной при учете его специфики. Регионам нужна своя стратегия модернизации, причем стратегия комплексная, системная, ибо какие-то ее «точечные» варианты, как и сведение модернизации к техническим, технологическим показателям или к общим рассуждениям об инновациях, институтах, инфраструктуре и т. д., не обеспечат необходимой эффективности.

К сожалению, у нас в стране в органах власти риторика модернизации превалирует над реальными процессами. Тем не менее, в последние годы предпринимаются как административно-управленческие, так и теоретические усилия по дифференциации модернизационных задач согласно типологии и назревшим задачам регионов. Это особенно важно, когда речь идет о проблемных регионах.

Типологий было много. В Программе Правительства РФ «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах» выделялось *четыре типа проблемных регионов – отстающие, депрессивные, кризисные, а также регионы особого стратегического назначения. Дагестан в этой типологии был среди 28 депрессивных регионов страны – территорий, обладающих достаточным экономическим потенциалом, но переживающими структурный кризис, вследствие которого происходило устойчи-*

вое падение объемов производства, снижение доходов населения, росла безработица. В Программе подчеркивалась необходимость сокращения разрыва в уровнях социального и экономического развития регионов – субъектов Российской Федерации, а путями достижения этого считалась активная государственная поддержка отсталых и депрессивных территорий. В стране тогда проводились либеральные преобразования с исключительным вниманием к свободным рынкам, и это на деле увеличивало разрыв в уровнях развития регионов.

В постановлении Правительства РФ от 11 декабря 2001 г. о Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации на 2002–2010 и до 2015 года» была дана другая типологизация регионов. *Все субъекты РФ разделялись на пять групп: регионы с уровнем развития выше среднего, средним, ниже среднего, низким и крайне низким. Дагестан в этой типологии был среди регионов с крайне низким уровнем развития.* Здесь за основу бралось восемнадцать показателей (валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения; объем инвестиций в основной капитал на душу населения; финансовая обеспеченность региона с учетом паритета покупательной способности на душу населения; доля среднесписочной численности работников, занятых в малых предприятиях; уровень зарегистрированной безработицы; соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения; обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями; выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями; обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями; обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом и др.), которые сводились в один интегральный по определенной методике. Целью Программы было объявлено сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 г. в 1,5 раза, а к 2015 г. – в 2 раза. Заложённая в основу этой типологии регионов методика, предложенная Министерством экономического развития

РФ, подвергалась критике по поводу перечня основных показателей, в Программу неоднократно вносились изменения. Изменялся механизм ее реализации. Согласно этой методике, к примеру, в первую группу попадали четыре региона – Москва, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Санкт-Петербург, несопоставимые по уровню жизни населения Распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2006 г. программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2000–2010 гг. и до 2015 г.)» была завершена в 2006 г., хотя поставленные ею цели, задачи, конечные результаты не были достигнуты.

Обращает на себя внимание классификация регионов Министерства регионального развития РФ от 2007 г., разработанная на основе «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации». В этой типологии выделены четыре базовые группы регионов: локомотивы роста, опорные, депрессивные и спецтерритории. В основе концепции анализ 12 показателей, связанных со степенью включенности регионов в глобальные процессы развития – *глобализацию, неоиндустриализацию, урбанизацию* (объем ВРП, объем экспорта, инвестиции, развитие интернета, доля материального производства и услуг в ВРП, валовое накопление основного капитала, инновационные организации, уровень образования, доля городского населения, автомобилизация, преступность, благоустройство жилого фонда). *Дагестан здесь вновь фигурировал среди депрессивных территорий.* Министерство регионального развития РФ при разработке этой типологии исходило из того, что нельзя ставить одинаковые цели развития перед субъектами, отличающимися друг от друга по уровню и возможностям своего социально-экономического развития. Политика долговременного пространственного развития должна, как мы уже отметили выше, проводиться с учетом особенностей каждого региона.

Разрабатываются типологии регионов и отдельными авторами и институтами². У них разные цели. В одних случаях – выявление проблемных территорий в целях оказания им экономической, финансовой помощи, в других – оценка социально-экономического потенциала, определение конкурентоспособности регионов, их инновационной привлекательности. Есть типологии узкоспециализированные – такие, например, как «Предпринимательский климат регионов России», разработанный Экспертным институтом РСПП

и Лабораторией регионального анализа и политической географии МГУ, или рейтинги инвестиционной привлекательности регионов России, ежегодно публикуемые журналом «Эксперт». Есть комплексные типологии. О некоторых из них, которые использовались Правительством РФ для поддержки проблемных регионов, говорилось выше. В типологии регионов, подготовленной московским Независимым институтом социальной политики (Н.В. Зубаревич) базовыми дифференцирующими признаками, выделенными на основе экспертного и аналитического опыта, выбраны два – уровень экономического развития региона и освоенность территории. Выделены *четыре основных типа регионов Российской Федерации: лидеры, относительно развитые, «середина», аутсайдеры*. При этом упор делается в основном на различия между регионами в уровне жизни и социальном развитии.

Плодотворной представляется классификация регионов, предложенная авторским коллективом (Л.М. Григорьевым, Ю.В. Урожаевой, Д.С. Ивановым) и названная синтетической³. Эти авторы акцентируют внимание не только на выявлении различий в уровне социально-экономического развития регионов и их причинах, но и на возможностях дальнейшего развития, модернизации. В этих целях выделено *девять типов регионов, объединенных в четыре группы, скомпонованные по уровню развития – высокоразвитые, развитые, среднеразвитые, менее развитые*. Помимо количественных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития регионов, в основу данной классификации положены и качественные показатели институционального развития регионов, а также характер и удаленность рынков сбыта продукции их ведущих предприятий. Данная типология – одна из последних, разработанных в России после экономического кризиса 2008 г., когда бурный рост сменился рецессией, и еще более актуализировались проблемы модернизации страны и ее регионов. Авторы пытаются в своей классификации группы регионов ранжировать их по схеме Д. Белла: от аграрного общества через индустриальное к постиндустриальному. Эта типология, как и типология Н.В. Зубаревич, ориентирована не только на модернизацию и инновационное развитие, но и на поддержку развитых территорий по центрo-периферийной модели американского профессора Дж. Фридмана (инновации от центра их создания распространяются к периферии)⁴.

В последние годы в России активнее стали изучать зарубежный опыт типологии регионов с целью его возможного применения в проведении политики развития наших регионов. Практический интерес представляют китайские подходы к модернизации. Важными общими чертами России и Китая является то, что обе страны одновременно находятся на индустриальной и постиндустриальной стадиях развития, включают в свои проекты реиндустриализации⁵, существенно сохранили или реанимировали и архаические черты. Материальной основой модернизации по этой теории является переход общества к новому технологическому способу производства, наряду с сохранением индустриального производства. Одна из главных причин достижений Китая в модернизации страны состоит в том, что к модернизационному процессу активно подключены как регионы, так и, что очень важно, муниципалитеты.

Сознавая неравномерность развития и наличие развитых регионов, модернизация которых началась почти век назад (например, в индустриальном и торговом Шанхае), наряду с более отсталыми внутренними районами Китая, китайская политика модернизации, вырабатываемая правительством совместно с учеными, состоит в том, чтобы обеспечить максимальные возможности для развития как раз наиболее развитых регионов и превращения их в локомотивы развития других регионов и всей страны в целом. Сейчас в ИФ РАН осуществляется взаимодействие ряда ученых и подразделений (профессора В.Г. Бурова, Центра социокультурных изменений, сектора социальной философии, сектора философских исследований идеологических процессов) с Центром исследований модернизации Китайской Академии Наук во главе с профессором Хэ Чуаньци. Он стал известен в России не только как теоретик, но и как консультант правительства Китая по вопросам модернизации страны после опубликования книги о китайской модернизационной политике в этой сфере⁶.

Теоретический и практический интерес представляет типология регионов России, которая дается Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина с учетом опыта китайских коллег. Она построена на анализе и динамике социокультурных изменений в регионах страны⁷. Сектор социальной философии ИФ РАН провел несколько круглых столов по проблемам разнообразия российских регионов и их модернизации⁸.

Оценка модернизации регионов требует их классификации, разделения на однородные группы. Типологии нужны. Они помогают диагностировать социально-экономическое развитие, правильно строить региональную политику, определить приоритеты развития. Но любая типология субъективна. В теоретическом плане не существует универсальной, единственно правильной, годной на все времена типологии. Типологии регионов зависят от задач, которые исследователи ставят перед собой, целей, ради которых они разрабатываются. В нашей стране, как и во многих других странах, они, прежде всего, связываются с необходимостью принятия управленческих решений, практическими потребностями органов власти. Типологии 1990-х гг., когда решались вопросы выживаемости страны, отличаются от начала и особенно середины 2000-х гг., – времени бурного экономического роста, выдвинувшего на передний план проблемы регионального развития, усиления роли государства в развитии регионов через федеральные программы и другие механизмы. В конце 2000-х г. после экономического кризиса началась стагнация. В связи с новыми тенденциями остро встали вопросы повышения конкурентоспособности российских регионов. Начали разрабатываться новые типологии, о которых говорилось выше.

Об одном опыте учета специфики региона в ходе модернизации

Ни одна типология не в состоянии показать уникальность того или иного российского региона. Типологии содержат усредненный взгляд, мало что говорящий о территории. К примеру, Дагестан в типологии регионов Программы Правительства РФ «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах» и Министерства регионального развития РФ от 2007 г., как уже говорилось, находится в группе депрессивных регионов. По методике, лежащей в основе постановления Правительства РФ от 11 января 2001 г. «О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации на 2002–2010 и до 2015 года», – среди регионов с крайне низким уровнем развития. В типологии Н.В. Зу-

баревич он – в группе аутсайдеров. В синтетической классификации авторского коллектива (Л.М. Григорьев, Ю.В. Урожаева, Д.С. Иванов) – среди менее развитых аграрных территорий. Среди депрессивных территорий находится республика и в типологии, представленной авторским коллективом Б. Бутса, С. Дробышевского, О. Кочеткова.

Вопросы идентификации проблемных территорий, несмотря на многочисленные исследования, остаются открытыми. Важно объективно выявлять межрегиональные различия. Для этого нужен набор базовых показателей. При их отборе возникает много вопросов. Наибольшее распространение при разработке типологий получили экономические критерии: душевой ВРП и инвестиции, промышленное производство, уровень доходов населения, ситуация на рынке труда, характеристика отраслей структуры экономики, финансовые показатели. В последние годы все больше учитываются и социальные критерии, инфраструктурные показатели, а также показатели инновационного развития (количество выданных патентов на 10 тыс. занятых в экономике людей, объем производства инновационных товаров, численность студентов, число компьютеров на 100 работников и т. д.). Объективную картину ситуации в регионах могут дать, как уже было отмечено, лишь комплексные типологии, *в которых основаниями для выделения типов являются ключевые признаки их развития.* Такая типологизация все еще отсутствует. Открытыми, дискуссионными остаются как проблемы отношения к поддержке развитых регионов с элементами постиндустриальной экономики, так и проблемных регионов. И в том, и в другом случае крайности не допустимы. Даже сегодня имеет место резкая дифференциация в уровне социально-экономического развития регионов и в условиях жизни населения, воспринимаемые в обществе как нарушение социальной справедливости.

По состоянию на 2006 г., к примеру, отставание Дагестана от среднероссийских показателей по ВРП на душу населения составляло в 4,2 раза. А по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в 16,4 раза, по инвестициям в основной капитал в 2,2 раза, по среднемесячным доходам населения в 1,6 раза, по среднемесячной численной зарплате в 2,3 раза. Структура экономики была дефор-

мированная, характерная депрессивной экономике. Удельный вес сельского хозяйства в ВРП в 4 раза превышал показатели России, а промышленности были в 3,7 раза меньше.

Депрессивность экономики Дагестана – это следствие развала СССР, неудачных либеральных реформ, навязанных стране в 1990-е гг., а также вооруженных конфликтов в регионе. В советские годы Дагестан был одной из динамично развивавшихся республик в стране, хотя и тогда он не был среди развитых территорий по уровню социально-экономического развития и качеству жизни населения. Но именно в советские годы здесь была проведена огромная работа по индустриализации и урбанизации республики. Возникли десятки промышленных предприятий, новые города, сформировались свой рабочий класс, инженерно-техническая интеллигенция. Стали функционировать филиал Академии наук, государственные вузы, техникумы, профтехучилища. Проводилась целенаправленная работа по обеспечению занятости населения, строились филиалы промышленных предприятий даже в сельской местности. Был построен крупнейший на Северном Кавказе каскад гидроэлектростанций. В эти же годы стал функционировать транспортный узел, куда входят махачкалинское отделение северокавказской железной дороги, единственный незамерзающий и зимой на Каспии международный морской порт, аэропорт, предприятие «Дагнефтепродукт», нефтепроводы, автомобильные дороги федерального значения. Хорошо развивалось сельское хозяйство. Дагестан занимал ведущие позиции в Российской Федерации по выпуску плодоовощных консервов, здесь производилось до 40 % российского винограда. На машиностроительных заводах республики изготавливалась продукция оборонного назначения. В Советском Союзе реально, на деле последовательно проводился в жизнь один из принципов территориальной политики – выравнивание уровня социально-экономического развития регионов и республик (он формулировался и по другому: ликвидация фактического социально-экономического неравенства народов СССР).

После развала СССР в Дагестане из-за разрыва строившихся десятилетиями хозяйственных, культурных, политических связей с другими республиками, регионами страны произошла деиндустриализация. Многократно снизились объемы выпускаемой продукции, перевозок грузов народнохозяйственного значения,

ухудшился жизненный уровень населения, выросла безработица. Промышленность республики, к примеру, в 1990-е гг., выпускала продукцию на уровне лишь 17 % последних лет советского периода. Объемы производства сельского хозяйства снизились на 36 %. Безработица выросла до 23 % экономически активного населения. Более 57 % населения оказалось за чертой бедности. События в Чеченской республике привели к разрушению коммуникаций, перекрытию автомобильных и железнодорожных трасс, фактически к экономической блокаде Дагестана.

Под влиянием этих факторов стала ухудшаться общественно-политическая ситуация, нарастать социальная, религиозная, межконфессиональная нетерпимость. Активизировались национальные движения. Участились митинги оппозиционных сил, требующих отставки Верховного Совета и Правительства республики. Некоторые из них навязывали программы федерализации, автономного обустройства крупных народов республики. Были и те, кто требовал преобразования Дагестана в исламскую республику. Неоднократно приходилось вводить временное чрезвычайное положение в отдельных городах и районах. Это был период, когда проверке на прочность проверялось единство и территориальная целостность Дагестана, дружба дагестанских народов. Он занял примерно четыре года (1991–1994 гг.).

Значительная работа органов государственной власти, политических партий, национальных движений, научной и творческой интеллигенции позволила подготовить и провести в 1992 г. Съезд народов Дагестана. 26 июля 1994 г. была принята новая Конституция республики. Главный их итог заключался в том, что руководство республики сумело убедить общественность в бесперспективности раздробления республики на узконациональные политические образования, в необходимости сохранения единства Дагестана, обеспечения гражданского и национального мира. В политической структуре государственной власти в республике появился новый орган, избранный на Конституционном Собрании, – Государственный Совет Республики Дагестан, в состав которого вошли по одному представителю от каждого из 14 народов республики. Это был орган власти, «коллективный президент», не имевший аналога в законотворческой практике субъектов Российской Федерации. *Национально-представительный принцип формирования высших го-*

сударственных органов власти был распространен и на выборы депутатов Народного Собрания. Выборы проводились по общетерриториальным, национально-территориальным, профессиональным избирательным округам. В эти же годы была принята и первая Комплексная программа решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан.

Затем начался другой, драматический период новейшей истории Дагестана – период защиты исторического выбора дагестанцев находиться с Россией, в составе России в качестве ее субъекта. Непосредственный толчок этому процессу дали события в Чеченской республике, курс на сепаратизм, взятый Д. Дудаевым. Это был курс и на втягивание Дагестана в эту войну. На нашей границе постоянно совершались вооруженные провокации, дудаевские боевики напали на дагестанский Кизляр, захватили заложников в роддоме, всем известна трагедия села Первомайского. Внутри республики набирал силы религиозно-политический экстремизм, ставший движущей силой антироссийских настроений. Незаконные вооруженные группировки псевдоисламского толка совершали теракты, похищения людей, взрывали жилые дома. В мае 1998 г. была совершена попытка государственного переворота, вооруженными людьми было захвачено здание Государственного Совета, Народного Собрания и Правительства республики, водружено над зданием зеленое знамя ислама. В августе 1998 г. в селах Кармахи и Чабанмахи Буйнакского района ваххабиты объявили о создании независимой исламской территории, не подчиняющейся законам государства. В августе 1999 г. на Дагестан было совершено нападение международных бандформирований с территории Чеченской республики. Дагестанцы с помощью российской армии разгромили своих врагов, отстаивали территориальную целостность России, свой исторический выбор – быть в составе Российской Федерации.

Казалось, победа в войне с международными бандформированиями открывает новую страницу в развитии республики, дает, наконец, шанс приступить к модернизации всех сфер ее жизни. Но это не произошло. После небольшого перерыва вновь возобновились теракты, похищения людей, продолжился отток населения из республики. За четыре послевоенных года (2000–2004 гг.) из республики уехало более 20 тыс. русских. После войны, в 2004–2005 гг. было совершено самое большое количество преступлений терро-

ристической направленности, убито и ранено работников правоохранительных органов и гражданского населения больше, чем во время войны 1999 г. На эти же годы пришлось и наибольшее число похищений людей. Странные процессы шли и в экономике. Согласно данным Росстата экономика республики развивалась высокими темпами, но не происходило адекватных изменений в росте налогов в консолидированный бюджет, улучшения занятости населения и т. д. Финансовое состояние большинства предприятий оставалось неудовлетворительным. Многие объяснялось крайне высоким уровнем неформальной экономики. В 2005 г. 51 % населения было занято в неформальном секторе. Около 50 % оборота товаров и услуг в республике приходилось на теневой сектор экономики. Это существенно выше аналогичных показателей по Южному федеральному округу (26 %) и Российской Федерации (17 %). В 2005 г. в консолидированный бюджет республики собиралось немногим более 250 млн руб. в месяц, в бюджеты всех уровней – около 400 млн руб. в месяц, с учетом единого социального налога поступления не превышали 750 млн руб. в месяц, тогда как только доходы населения составляли более 8,5 млрд руб. в месяц.

Риторика, литературно-публицистическое восприятие событий 1999 г. в республике превалировало и продолжает превалировать над объективным осмыслением происшедшего. Дело в том, что на протяжении всех 90-х гг. и первые послевоенные годы наряду с позитивными процессами, о которых говорилось выше (отстаивание единства и территориальной целостности республики, ее исторического выбора быть с Россией), шли и негативные процессы. Формировалась коррупционная среда, подпитывавшая религиозно-политический экстремизм, воспроизводившая его, открывавшая дорогу кланово-корпоративным и криминальным группам в политическую и экономическую власть, закупоривавшая социальные лифты для талантливых людей. Наряду с бедностью значительной части населения, безработицей, социальным расслоением людей эта среда стала спусковым механизмом почти всех негативных процессов в Дагестане. Тот, кто хочет узнать, как шел этот процесс, кто ему потворствовал, кто пытался препятствовать, может ознакомиться с нашей книгой «В поисках согласия»⁹. Москва на эти процессы практически не реагировала или реагировала тогда, когда события переходили в опасную фазу, как это было в

конце 2005 г. В справке «Об обстановке в Республике Дагестан и мерах по ее стабилизации», подготовленной аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе в июле 2005 г., был сделан вывод: «Накопление нерешенных социально-экономических и политических проблем в настоящее время приближается к критическому уровню. Дальнейшее их игнорирование (так же, как и попытка “загнать вглубь” силовыми методами) уже в краткосрочной перспективе способно привести к резкому росту акций протеста и гражданского неповиновения, к неуправляемому развитию событий, логическим завершением которого станут открытые социально-групповые, межэтнические и конфессиональные конфликты».

Разорвать этот порочный круг, мне как Президенту республики (полномочиями Президента Республики Дагестан я был наделен 20 февраля 2006 г.) казалось возможным лишь на путях реальной модернизации республики. Модернизация была избрана нами в годы президентской работы (2006–2010 гг.) как инструмент кардинального изменения ситуации в республике. «Коридор возможностей» для модернизации был не велик. Препятствий, ограничений, тормозов было много. В первую очередь – это клановость, семейственность в политике и бизнесе, религиозно-политический экстремизм, коррупция, недоверие к властям, слабость институтов гражданского общества, социальная несправедливость, менталитет значительной части общества, привыкшей полагаться в решении всех вопросов в основном на государство и многое другое. Не хватало дееспособных управленческих кадров, необходимых финансовых средств, ресурсов, инвестиций. Велико было засилье неформальных практик, блокирующих позитивные перемены.

При всех этих трудностях, препятствиях я считал, что в республике сложились соответствующие идеологические, политические, экономические предпосылки для модернизации. Сохранилась определенная промышленная и научно-техническая инфраструктура, остались и трудовые ресурсы, заинтересованные в модернизационных процессах. Набирал силу средний класс. Происходили институциональные изменения, возникла многоукладная экономика. Республика располагала неплохим научным, образовательным, экономическим, культурным потенциалом. По крайней мере,

наш модернизационный потенциал был одним из самых высоких среди северокавказских республик. Прежде всего, это достаточно высокий уровень высшего образования и науки, инновационный потенциал, используемые в производстве передовые технологии, выдаваемые за изобретения патенты. Тысячи человек, десятки организаций были заняты исследованиями и разработками.

Надо было максимально учитывать своеобразие, специфику республики. Прежде всего, сложную конфигурацию ее межнациональных, межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений, демографические особенности, связанные со значительным ежегодным ростом населения и неоднородной, отличной от других регионов страны социальной структурой (по особенностям расселения – доля сельского населения выше городского, этническому составу, проблемам народов – репрессированные, депортированные, разделенные народы и др.). Доля молодежи в структуре населения Дагестана была в два раза выше, чем в целом по стране. В сравнении с другими субъектами страны, в Дагестане имелось самое большое количество муниципальных образований, существенно отличающихся друг от друга, прежде всего по уровню социально-экономического положения и по некоторым другим признакам (по площади территории, численности и национальному составу населения, обычаям и традициям и т. д.). Особо надо подчеркнуть, что регион после развала Советского Союза стал приграничным, проблемным, сильно зависимым от дотаций федерального бюджета, велика была и безработица. Остро встали вопросы борьбы с религиозно-политическим экстремизмом.

Самым главным препятствием модернизации были кланово-корпоративные группы, которые фактически занимали ведущие позиции в политической и экономической жизни республики. Поэтому надо было начать с политической модернизации. О том, как велась эта работа, как демонтировалась старая система государственного устройства, жестко привязанная к нашему этническому своеобразию, как проводилась административная реформа рассказано в моей статье «Проблемы модернизации депрессивного региона», опубликованной в коллективной монографии Сектора социальной философии ИФ РАН¹⁰. Политическая модернизация была призвана создать условия для экономической и социальной модернизации, приблизить органы власти к обществу, способство-

вать формированию основ гражданского общества и правового государства, демократизировать систему управления. Менялись подходы к кадровой политике, к формированию у людей новой системы ценностей, основанной на социально ориентированной рыночной экономике и реальной демократизации жизни. Была введена конкурсная практика замещения должностей государственной и государственной гражданской службы.

Содержанием экономической модернизации было изменение структуры экономики республики, возрождение промышленности на новой технологической основе, обеспечение нормального функционирования институтов рынка, создание современных рабочих мест. Была сформирована целостная и последовательная инвестиционная политика. Созданы Совет по инвестициям при Президенте Республики Дагестан, Агентство по инвестициям, позже преобразованное в министерство. Принят ряд новых нормативно-правовых актов, предусматривавших такие механизмы привлечения инвестиций, как освобождение инвесторов от налогов в бюджет республики, возмещение процентных ставок по кредитам, полученным предприятиями на реализацию инвестиционных проектов, и др. Созданы первые в республике бизнес-инкубаторы и первый технопарк. В республику пришли первые крупные частные инвестиции, за счет которых были построены кирпичный завод в Каспийске, консервный завод в Хасавюрте, реконструирован Шамхальский завод по производству муки и комбикормов. Продолжилось за счет частных инвестиций также строительство горнолыжной базы «Чиндер-черо» и двух стекольных заводов.

Под контролем органов власти постоянно находились вопросы развития и обновления инфраструктуры, энергетики, телекоммуникаций, дорожного строительства, газификации, особенно в сельских районах. Не менее, чем инфраструктурой, приходилось заниматься институциональными проблемами. Мы исходили из того, что формирование институциональной среды, более-менее адекватной современным требованиям, ограничивающей коррупцию, засилье кланов, неформальных практик, повышающей прозрачность политики органов власти республики, доверие общества к ним, – главное, ключевое направление нашей деятельности. Эта работа должна была способствовать оздоровлению общества, улучшению его духовного, морально-нравственного состояния.

Наша практика показывает, что модернизационным преобразованиям не препятствует и культурная специфика республики, ценности, традиции, регулирующие поведение людей (семейные ценности, тяга к коллективизму, социальной справедливости, доверительные отношения друг к другу и др.). Общественные нормы, коллективные убеждения, то, что внедрено в ценности людей, нередко действовало сильнее, чем законы.

Приведу один пример. В ходе подготовки и проведения выборов в Народное Собрание республики по новому закону главная для нас трудность заключалась в обеспечении национального представительства в парламенте. Дело в том, что федеральный закон о выборах не оставил для регионов возможности для какого-либо маневрирования с учетом специфики территорий, исторических особенностей, в нашем случае – национального многообразия. Но в реальной жизни без обеспечения представительства всех дагестанских народов не будет легитимной законодательной власти. Поэтому приходилось косвенными путями через региональные избирательные группы регулировать возникающие вопросы. Это не всегда получалось, несмотря на то, что региональные отделения партий, как правило, шли навстречу по вопросам регулирования представительства этносов. Дело доходило до того, что после подсчета голосов через многочисленные рычаги традиционного согласования этнических и территориальных интересов ряд избранных депутатов уступали мандаты своим коллегам, чтобы обеспечить представительство народов в парламенте. Разумеется, все это делалось с полным соблюдением законодательства о выборах.

Вопреки распространенному мнению, препятствием модернизации не является и ислам как религия. Опасен не ислам, а религиозный экстремизм. Чтобы переломить ситуацию с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом, надо не увлекаться силовыми способами борьбы, а решать в приоритетном порядке те самые экономические, политические, социальные и другие вопросы, о которых выше было сказано, изменять институциональную среду. Результаты нашего противостояния терроризму и экстремизму в решающей мере будут зависеть от того, насколько общество будет поддерживать власть, верить ей, а не сочувствовать террористам. Для этого власть и в первую очередь региональная власть не должна быть коррумпированной, клановой, строящей на

местах «капитализм для себя и своих родственников», а работающей в общее благо. Само российское государство должно быть на деле социальным, как это подчеркнута в Конституции. Надо также прекратить исламофобию и кавказофобию в России, которые разжигают вражду и скрывают ее причины, приписывая их кавказским этносам.

Особо надо выделить вопросы социальной модернизации, изменения социальной среды, общественных отношений, роста социальной мобильности. Мы стремились изменить подходы к инвестициям в человеческий капитал, который в современных условиях становится главной ценностью общества. Инвестиции в образование, культуру, здравоохранение, науку за эти годы (2006–2009) были самыми высокими в постсоветское время. Из средств республиканского бюджета выделялись деньги на повышение зарплаты работникам культуры. К примеру, была увеличена надбавка к зарплате работников республиканских театров и библиотек на 70 % от оклада. Введено горячее питание для учащихся в школах республики. На 30 % были увеличены детские пособия. Обеспечены жильем все семьи работников правоохранительных органов, погибших в борьбе с террористическим подпольем, начиная с 2000 г., а также участники Великой Отечественной войны, стоявшие в очереди на получение жилья до 1 января 2005 г. На 25 % выросли пенсии гражданам, находившимся в прошлом на партийной и советской работе и другим людям, имеющим особые заслуги перед республикой – заслуженным деятелям искусства, образования, здравоохранения. Почти вдвое были увеличены средства, выделяемые на питание в республиканских учреждениях образования, здравоохранения и социального обеспечения. Регулярно повышалась зарплата работникам бюджетных учреждений. Впервые в республике были введены гранты Президента для поощрения авторов наиболее актуальных социально-значимых проектов в сфере науки, культуры, образования, молодежной политики, молодежных организаций, деятельности общественных объединений (94 гранта общей суммой в 10 млн руб.).

Внутренние ресурсы республики были недостаточны для качественного улучшения социально-экономического положения. Она нуждалась и нуждается в поддержке федеральных органов власти. Половина школ функционирует в ветхих и аварийных

зданиях, только чуть более десяти процентов медицинских учреждений имеют типовые помещения, более двух третей детей дошкольного возраста не охвачены детскими садами. По валовому региональному продукту на душу населения республика отставала от средних показателей по стране более, чем в четыре раза, среднемесячная зарплата работающих в два с лишним раза была ниже среднероссийской. Государство должно в таких условиях играть решающую роль в сокращении больших различий в развитии регионов, быть основным субъектом модернизации, вкладывать и основную долю инвестиций в такие регионы, как Дагестан, для поддержки социальной сферы, а также развития производства. Частный бизнес, особенно крупный, заинтересованный в получении прибылей, доходов, предпочтет другие регионы, где спокойнее, тише. Государство и вкладывает значительные средства в развитие региона. Но эти средства недостаточны, хотя многим, кто не владеет ситуацией, кажется, что все северокавказские республики завалены федеральными деньгами. Должен быть, конечно, и эффективный контроль за их целевым использованием. Важным инструментом федеральной поддержки развития республики в годы моей работы в должности Президента республики была Федеральная целевая программа «Юг России (2008–2013 годы)».

Главным для себя мы считали не упование на федеральные средства, а максимально эффективное использование своих внутренних ресурсов, существующего интеллектуально-творческого, социально-экономического, инвестиционного потенциала, о котором говорилось выше. Для этого надо было стремиться создать соответствующие условия. Поэтому приоритетным для себя мы считали не столько даже какие-то крупные инвестиционные проекты, сколько создание инфраструктурных предпосылок развития, формирование инновационной среды, подготовки общества к этому, понимая, что привлечение больших инвестиций, особенно внешних, в сверхбюрократизированную и коррумпированную республику – по сути безнадежная затея. Без создания социальных и политических институтов, без достижения поворота в сознании людей, без преодоления их безразличия к общественным процессам, индифферентности модернизация – это пустая трата времени и средств. Модернизация не может происходить без поддержки

сверху, со стороны властей, но обречена на провал и без поддержки снизу, со стороны большинства народа, без улучшения качества человеческого потенциала.

В связи с этим принципиальное значение имело отношение к малому и среднему бизнесу, где была сосредоточена значительная часть экономики и трудовых ресурсов республики. Реальная поддержка малого и среднего бизнеса, его раскрепощение, освобождение от гнета многочисленных чиновников могла бы изменить морально-психологическую ситуацию в республике, открыть дорогу и крупному бизнесу. С этим видом бизнеса связаны и формирование самой социальной базы реформ, стабильность и самочувствие людей, их материальный достаток, прирост новых рабочих мест. Расходы на малый и средний бизнес были защищены специальной статьей бюджета. Были установлены предельно низкие ставки налогов и другая система государственных льгот, утверждена Республиканская программа развития предпринимательства. Регулярно проводились выставки, ярмарки, были открыты информационные сайты для начинающих предпринимателей, построены первые бизнес-инкубаторы. Были учреждены гранты Президента по поддержке малого бизнеса. Задача была помочь каждому, кто хотел начать свое небольшое дело. Мы называли это политикой «малых дел». В результате из года в год росло число занятых в данной сфере, многие легализовали свои доходы, значительно улучшилось поступление налогов. Этому способствовало и активное применение в малом предпринимательстве патентной системы, работы в режиме уплаты единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (ЕНДВ) – так называемой «упрощенки». Развернулись личные подсобные хозяйства граждан, крестьянские фермерские хозяйства. Тем не менее, добиться перелома в этой работе не удалось. Ему противодействовали те же неформальные, теневые практики, которые достаточно крепко укоренились в постсоветские годы в республике.

Проблемы модернизации, в первую очередь экономической, в республике решались, опираясь на программно-целевые методы управления. Исходя из программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу и программы развития Юга России, в республике была утверждена комплексная программа экономического и социального развития

на период до 2010 г., а также программы развития районов и городов. Разрабатывалась Стратегия развития республики до 2020 г. Новым механизмом, позволявшим концентрировать административные и бюджетные ресурсы на развитии образования, здравоохранения, агропромышленного комплекса, строительстве жилья стали приоритетные национальные проекты. Их реализация позволила существенно улучшить социально-экономическое положение республики, сократить отставание Дагестана от средних показателей Южного Федерального округа по важнейшим социально-экономическим показателям. В развитии региона можно было достичь больших результатов, если бы эффективно на всех уровнях власти внутри республики реализовывался намеченный курс. Многие кадры не были готовы к работе в новых условиях, часть чиновников, связанная с кланами, негласно сопротивлялась этому курсу. Отрицательно повлиял на обстановку в республике разразившийся в стране в 2008–2009 гг. экономический и финансовый кризис, обострил общественно-политическую ситуацию и вооруженный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г.

В дополнение к этому и на федеральном уровне было немало проблем. Уже говорилось об отсутствии национальной стратегии модернизации, в полном объеме ее задач, затрагивающих человека, общество, экономику, культуру. Нет и эффективного управления, региональной политики, оптимально сочетающей федеральную поддержку депрессивных регионов со стимулированием работы самих субъектов Федерации.

Актуальным остается вопрос разграничения предметов ведения и ответственности, создания отлаженного механизма взаимодействия органов власти всех уровней. Много пишут и говорят о недостатках региональных элит, их лоббизме, группе интересов. Но не меньшей бедой для общества является и то, что в федеральных органах власти нередко интересы олигархов выдают за государственные интересы и отстаивают их. Не хватает диалогового режима во взаимоотношениях органов власти. Без этого не может быть эффективного управления такой огромной и многообразной страной с большим количеством регионов, значительно отличающихся друг от друга по уровню социально-экономического развития, природным условиям, экономической специфике, конкурентным преимуществам, историческим традициям. Без этого не будет

реальной демократии, гражданского общества, правового государства, рациональной системы вертикальной мобильности, следовательно, и эффективной модернизации.

Совокупность всех этих обстоятельств дает основание российским исследователям говорить о спонтанном характере нашей модернизации, ее заторможенности, разбалансированности. Н.И. Лапин пишет: «...модернизация происходит в России во многом не так, как в большинстве развитых стран, или как многие россияне хотели бы ее видеть, без углубления демократизации политических институтов и интенсивного преодоления бедности, нищеты, преступности, отстраненности от управления. Она ползет медленно и спонтанно, сама по себе, буднично, без одобряемого населением вектора, вопреки официально провозглашаемым лозунгам»¹¹. Г. Явлинский считает, что в стране идет демодернизация¹². Немало написано на тему о невозможности модернизации России. Есть и такая точка зрения, что «следует принять как данность тот факт, что нынешняя политическая система не может обеспечить переход к инновационному развитию. Но ее форсированное реформирование снизу включает в себя еще больше социальных и политических рисков, чем авторитарная модернизация сверху. В настоящее время ни государство, ни общество не готовы к радикальным изменениям, как в социально-психологическом, так и в политическом смысле»¹³. С.М. Елисеев считает, что «революционное нетерпение» усугубит ситуацию, нужно сохранить хладнокровие, чтобы в очередной раз не «влипнуть» в историю, не попасть в ловушку.

Мы придерживаемся позиции тех, кто считает, что «надо спешить», используя стратегию прорыва, что, решая задачи собственного адекватного развития и назревшие проблемы, модернизация у нас должна начаться «сверху», чтобы не назрела очередная революция «снизу», которой воспользуются внешние силы¹⁴. И такой шанс у России сегодня есть. «Надо спешить» не означает, что надо безрассудно, как в 1990-х гг., броситься на мало возможное копирование Запада. Нужно ставить реальные цели, определиться с национальной моделью модернизации, учитывающей собственную культуру в достижении поставленных модернизационных задач.

Примечания

- ¹ *Зубаревич Н.В.* Территориальный ракурс модернизации // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Отв. ред. Л.М. Григорьев, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаев. М., 2011. С. 57.
- ² *Бутс Б., Дробышевский С., Кочеткова О.* Типология российских регионов. М., 2002; *Ляшевская М.Н.* Проблемы выделения депрессивных регионов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1994. № 2. С. 18–21; *Полынев А.О.* Конкурентные возможности регионов. Методология исследования и пути повышения. М., 2010.
- ³ *Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С.* Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Отв. ред. Л.М. Григорьев, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаев. М., 2011. С. 33–56.
- ⁴ Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Отв. ред. Л.М. Григорьев, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаев. М., 2011. С. 58–59.
- ⁵ См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А.* Экономика и демократия в проектах модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 323–332.
- ⁶ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2000–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци / Отв. ред. рус. изд. Н.И. Лапин. М., 2011.
- ⁷ Проблемы социокультурной модернизации России / Под общей редакцией Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2013.
- ⁸ Такие разные России. Часть I. Круглый стол журнала «Полис» и сектора социальной философии ИФ РАН // Полис. Ч. 1. 2013. № 2. С. 79–94; Ч. II. № 3. С. 87–112.
- ⁹ *Алиев М.* В поисках согласия: В 2 кн. Махачкала, 2011.
- ¹⁰ *Алиев М.Г.* Проблемы модернизации депрессивного региона // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2013. С. 178–195.
- ¹¹ Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Под ред. Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. М., 2013. С. 342.
- ¹² http://www.yavlinsky.ru/theme_of_day/index.phtml?id=589.
- ¹³ *Елисеев С.М.* Новая ловушка истории // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. М., 2013. С. 209.
- ¹⁴ *Деягин М., Глазьев С., Фурсов А.* Стратегия «большого рывка». М., 2013. С. 30.

И.А. Крылова

Неолиберальные реформы и демодернизационные процессы в современной России

Статья посвящена исследованию демодернизационных процессов в современной России, связанных с неолиберальными реформами в различных областях жизнедеятельности российского общества – в сфере экономики, промышленности, образования, науки, сельском хозяйстве, военном строительстве. Показана необходимость инновационного, социально-экономического и научно-технического развития, основой которого должен стать отказ от неолиберальных догм.

Разрушительный курс неолиберальных реформ

В конце XX в. Россией, находящейся в острейшем кризисе, был взят курс на модернизацию, включающую интеграцию в мировое хозяйство, активное развитие экономических связей со всеми государствами мира. Предполагалось, что провозглашенная ориентация России на мировой рынок товаров, услуг, технологий и т. д. даст мощный импульс ее экономическому и научно-техническому развитию. Однако российская действительность начала 1990-х гг. оказалось иной. Уже первые шаги по пути отечественной модернизации показали, что при этом возникают серьезные издержки, способные не только обострить все проблемы как национального, так и общецивилизационного характера, но и перекрыть предполагаемые выгоды вхождения страны в мировое сообщество. В силу

исторической генетики российского общества субъектом модернизации в России, как правило, выступает власть, которая генерирует модернизационные импульсы. Это относится и к модернизации российского социума 1990-х гг. Как писал А.С. Панарин, поскольку проект модернизации России «прямо не вытекает из “стихий народной жизни”», а привносится в нее извне... в виде передового рыночно-капиталистического учения, ...практически ни у кого уже не осталось сомнений в том, что речь вновь идет об очередном великом проекте (“учении”), заимствованном извне и навязываемом просвещенной демократической элитой “косному” народу, как и прежде сопротивляющемуся насильственному осчастливлению»¹. Неудивительно, что из-за влияния в стране традиционной культуры, господства радикальной версии модернизации, осуществляющейся властью в форме вестернизации, игнорирующей культурно-исторический фактор, процесс модернизации в России зашел в тупик. В России 1990-х вместо ожидаемых либерально-демократических преобразований сложился анархический социальный порядок, при котором модернизация уступает место анти-, контр- и демодернизационным тенденциям². Поскольку модернизация одних компонентов социальной структуры осуществлялась за счет архаизации других, модернизационное продвижение по одним направлениям обуславливало откат, демодернизацию, по другим направлениям, что продолжается и поныне.

Несмотря на то, что п. 2 статьи 13 нашей Конституции запрещает наличие государственной идеологии в России, существует как плюрализм идеологий, так и государственная идеология. По существу, это западный неолиберализм, который стал господствующей идеологией реформ в нашей стране, начиная с 1990 г. по настоящее время. Как известно, нашими «младореформаторами» в основу проводимой экономической политики был положен так называемый «Вашингтонский консенсус» – документ, разработанный Министерством финансов США и Международным валютным фондом (МВФ), соблюдение основных пунктов которого – приватизации, либерализации цен, внутренней и внешней торговли, жесткой монетарной политики – гарантировало получение международных кредитов. В результате начавшихся реформ не только обесценились многомиллиардные накопления наших граждан, но появился клан российских олигархов, которые по богатству

не уступали американским магнатам. В то же самое время экономике, промышленности, образованию, науке, сельскому хозяйству, вооруженным силам РФ был нанесен колоссальный ущерб.

Отечественные экономисты РАН предпринимали попытки предупредить властные структуры о возможных негативных последствиях курса «шоковой терапии». Академики Л.И. Абалкин, Д.С. Львов, А.Д. Некипелов, В.Л. Макаров, Н.Я. Петраков, С.С. Шагалин, Ю.В. Яременко и др., которые считали «рыночный шок» ошибкой, в своих докладах в правительство (в 1996 г. – Б.Н. Ельцину и 2000 г. – В.В. Путину) предлагали скорректировать курс реформ. Другое дело, что критика проводимых на протяжении почти 25 лет реформ велась российской, в том числе академической, наукой, «без постановки вопроса о легитимности самого капиталистического общественного строя. Никогда не доказывался и даже не озвучивался тезис, – справедливо пишет доктор экономических наук Р.С. Дзарасов – согласно которому реформы способствовали превращению России в страну периферийного мирового капитализма, объективно обусловив тем самым технологическую деградацию, разрушение обрабатывающей промышленности и сделав ненужными добротное образование и науку высокого уровня»³.

Большая часть населения России также считает проводимые неолиберальные реформы ошибочными и видит в модернизации западный, а потому чуждый проект. Социологические опросы показывают, что 30 % россиян не принимают западные неолиберальные ценности. И еще одна треть требует их адаптации к российским условиям⁴. Неудивительно, что, несмотря на попытки властных структур наметить основные стратегические направления экономической модернизации и инновационного развития страны, ясного представления о дальнейшем будущем России не было и нет до сих пор. Анализ демодернизационных процессов в различных сферах жизнедеятельности российского общества, позволяет придти к выводу о том, что Россия оказалась в стратегическом тупике.

Сырьевая ориентация экономики

В 1990-е гг. экономическая политика России была направлена преимущественно на использование сырьевого потенциала страны. Дело в том, что капитализм в России имеет свои особенности, когда крупная частная собственность сосредоточена преимущественно в сырьевых и энергетических отраслях, приносящих наибольшую прибыль. Поскольку первыми образовались нефтедобывающие, металлургические, химические и другие подобного рода сырьевые корпорации, это «обусловило накопление олигархического капитала, захватившего командные высоты в экономике. Результатом стала выраженная сырьевая направленность российского производства»⁵. Россия 2000-х гг., по существу, репродуцировала систему 1990-х гг., продолжая логику постсоветской деградации. Причем углубление примитивизации экономики и ее структуры продолжается⁶.

Ныне в качестве стратегического направления развития страны Президент РФ обозначил переход России на инновационный путь развития. Однако, выдвигаемая «задача модернизации экономики остается на уровне документов, – констатирует академик, советник РАН А.А. Саркисов, – потому что не подкрепляется соответствующими программами перспективного развития страны и адекватными финансовыми вложениями в экономику, науку и образование»⁷. Поэтому почти 40 % ВВП РФ продолжает создаваться за счет экспорта сырья. «Нам потребуется, – отмечал член-корреспондент РАН, директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов, – по крайней мере несколько лет, чтобы по объему ВВП выйти на уровень РСФСР в 1990 г. При этом еще более усилится тенденция к превращению России в *сырьевой придаток других стран*»⁸. Если, начиная реформы с целью модернизации экономики, новая Россия экспортировала 50 % сырья и минералов, а через 18 лет – более 85 %, то по данным 2009 г. почти 90 % валютной выручки нашей стране дают восемь природных ресурсов⁹. В результате, по многим экономическим показателям Россия оказалась отброшенной на десятки лет назад. Спустя почти двадцать пять лет у нас сохраняется экономическая модель, созданная в 1990-х гг. и направленная преимущественно на извлечение и распределение сырьевой ренты.

Современную иерархию стран мира в рамках нового экономического порядка можно условно разделить на четыре категории:

– «золотой миллиард» – постиндустриальные страны, формирующие технологический уклад и использующие внешние ресурсы для своего развития;

– «индустриальные доноры» – страны, которые обеспечивают мировой рынок технологиями на основе разработок стран «золотого миллиарда»;

– «продуктивно-ресурсные доноры» – страны, имеющие значительные природные ресурсы (прежде всего, энергоносители), которые обеспечивают свое развитие за счет их продажи на мировом рынке, а также за счет реализации собственной продукции, выпускаемой по «отверточной технологии»;

– страны низшего индустриального уровня, которые неспособны самостоятельно выйти на траекторию современного развития.

Россия, называемая «энергетической сверхдержавой», относится к третьей категории – «ресурсных доноров»¹⁰. То есть, наша страна превращается в мировой сырьевой придаток.

Причем членство России в ВТО делает практически невозможным модернизацию, инновационное и технологическое развитие (так как к нам повезут товары, а не технологии), то есть будет закреплена сырьевая модель экономики. По расчетам Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН вместо экономического роста (о котором так много говорят отечественные политики), Россия ежегодно будет терять 1 % ВВП или 7,2 млрд долл.¹¹.

Между тем, по оценке специалистов РАН, во всем мире топливно-энергетические корпорации, включая российские, «не входят в список фирм, определяющих основные отрасли экономики третьего и последующих десятилетий XXI в. Таким образом, прогноз о росте доли нефтегазового сектора в бюджете Российской Федерации справедлив только в краткосрочной перспективе. Если же смотреть “за горизонт”... то пополняемость бюджета можно будет обеспечить в основном за счет отраслей, в которых в настоящее время зафиксировано наибольшее число эффективных научно-технических разработок»¹². В настоящее время – это три перспективных отечественных технологических кластера: биотехнология, машиностроение и металлургия, на базе которых возможна модернизация и построение экономики, основанной на знании¹³.

Надо сказать, что ситуация вокруг Украины показала, как все взаимосвязано в современном мире. Закономерно возникают вопросы, не прекратят ли страны ЕС покупать российские энергоносители и могут ли санкции против России нанести ущерб нашей экономической безопасности. Думается, что любые санкции, принимаемые сегодня западными державами против России, прежде всего, ударят «бумерангом» по самим странам Евросоюза, которые находятся в глубочайшем кризисе, и будут, скорее всего, благом для России. Может быть, именно это послужит сегодня «толчком» для модернизации российской экономики и технологического «рывка» (о которых так давно говорят наши политики), для национализации российской элиты и бизнеса, которые начнут, наконец, «вкладывать» деньги в собственную страну, а не вывозить их за рубеж. Приходится констатировать, однако, что крупный бизнес в России, характерной чертой которого является его офшоризация, предпочитает размещать свои капиталы за рубежом, прежде всего, в США. По данным Центрального банка России, чистый вывоз капитала из страны частным сектором составил в 1994–2012 гг. 522,3 млрд долл. Только в первом-третьем кварталах 2013 г. вывоз капитала той же категории достиг 62,7 млрд долл.¹⁴

Дело в том, что проводимая в нашей стране экономическая политика выгодна значительной части российской элиты, представленной крупным бизнесом и властью, а также аппаратом госчиновников, которых стало в два раза больше по сравнению с советским периодом¹⁵. Причем, практика определяется интересами именно этой влиятельной социальной группы. Поэтому, несмотря на то, что сегодня модернизация объявлена по существу официальной идеологией, отечественный бизнес и чиновники (за малым исключением) не заинтересованы в модернизации и инновационном развитии России, предпочитая получать доходы от еще работающих предприятий советской эпохи и распродажи национальных природных богатств. По мнению доктора экономических наук, директора Института социально-экономического развития РАН В.А. Ильина, сложившиеся механизмы «преимущественного удовлетворения частных интересов... – лишь ветвь выросшего в России дерева, которое паразитирует на ресурсах страны, ограничивает возможности наращивания инвестиций, роста благосостояния большинства российских граждан. – Чтобы это дерево-паразит “увяло”, необходимо резко повы-

сильную степень государственного регулирования деятельности частных корпораций»¹⁶. Однако за годы нелиберальных реформ (когда требовали ухода государства из экономики) основным рычагом социальных преобразований – государственный механизм управления – оказался существенно разрушенным и пораженным всеобъемлющей коррупцией, с которой власти якобы «ведут» борьбу. Частный бизнес в условиях отсутствия государственного контроля проявил алчность, социальную безответственность, безнравственность, правовой беспредел и игнорирование национальных интересов, в силу чего не может стать движущей силой модернизации России. Это во многом объясняет криминализацию нашей экономики. Если в бывшем СССР процент воровства достигал 12–14 %, то в 2013 г. от 50 до 70 %. Показательным является и то, что из Уголовного кодекса РФ исключена статья о конфискации имущества осужденных за крупное воровство и махинации¹⁷. Поэтому все вопиющие аферы, такие например, как «дело Оборонсервиса», у нас, как правило, не наказуемы. Это свидетельствует о том, что рынок без сильного государства ведет к замене безответственной государственной власти частным обогащением и как следствие – к экономическому и социальному упадку. Ныне в центре кардинального переосмысления идеологии нелиберализма стоит вопрос о роли государства в развитии экономики и модернизации российского общества. Практика показала, что в условиях кризиса частная инициатива оказывается парализованной, в результате чего объективно усиливается экономическая активность государства. «Нельзя идеологически придерживаться позиции, демонизирующей роль государства, – подчеркивает Р.С. Гринберг, – и одновременно говорить о необходимости модернизации – одно противоречит другому. Нужно ясно сознавать, что модернизация невозможна вне государственной структурной политики и выстраивания ее приоритетов»¹⁸.

В нашей стране переход к эффективной инновационной несырьевой экономике невозможен без усиления роли государства, модернизации государственного стратегического управления экономикой и социальной сферой на уровне федеральных и региональных высших органов законодательной, исполнительной, судебной власти, управленческой деятельности правительства, министерств и ведомств. Речь идет о необходимости корректировки экономической политики и системы государственного регулирования, чтобы

инновационное социально-экономическое развитие России осуществлялось в соответствии с общенациональными, а не частными интересами олигархических кланов и международного капитала.

Деиндустриализация

За прошедшие десятилетия неолиберальные реформы привели российское общество в состояние глубокой деиндустриализации, способствовали не прогрессу, а регрессу, исчезновению целых отраслей промышленности и науки, без которых ни о какой модернизации говорить нельзя. Приступая к экономическим реформам, Россия «должна была решить центральную проблему – модернизации промышленности. Собственно, для этого и начинались экономические реформы, – пишет Р. Симонян. – В результате реформ производство свернули, а основным направлением экономики стала примитивная продажа природных богатств»¹⁹. Ликвидация общественной собственности на средства производства и государственных форм ведения хозяйства, произошедшая в 1990-е и последующие годы, не сделали более эффективной российскую экономику. Напротив, приватизация собственности привела к разрушению, уничтожению и хищнической эксплуатации промышленного и технологического потенциала, созданного в советские времена. Причем за прошедшие десятилетия продолжала углубляться деиндустриализация. В 2000-е гг. наблюдалась некоторая активизация, прежде всего, тех отраслей российской промышленности, которые были связаны с решением экспортно-сырьевых задач. Однако подъем отечественной промышленности не носил системного характера²⁰. Это не мешало, однако, властным структурам декларировать необходимость модернизаций, новой экономики, основанной на производстве уникальных знаний, создания новых инновационных технологий. Так, в «Основных направлениях социально-экономического развития РФ до 2010 г.» инновационный рост был назван основным условием поддержания конкурентоспособности отечественной экономики.

В ходе реформ в России оказались разрушенными, в первую очередь, высокие технологии, определяющие НТП, технологическую независимость и инновационное развитие страны. Если же

говорить о выпуске массовой гражданской продукции, то наша страна все более зависит от иностранных технологий, оборудования и товаров потребительского рынка. У нас утрачены многие технологии, в том числе чрезвычайно важные для инновационного развития. Практически не создаются образцы техники новых поколений. Возрастает неспособность внедрения в массовое производство без помощи иностранных специалистов даже имеющихся отдельных передовых опытно-конструкторских разработок. В ряде сфер мы пришли к такому положению, «когда отечественные инженеры теряют возможность и способность осваивать и повторять технологии стран-лидеров. Возникает “технологический барьер”»²¹. Отсюда невосприимчивость к инновациям. В частности, после распада СССР Россия по производству металлообрабатывающего оборудования опустилась с 3-го на 22-е место. Причем зависимость страны от импорта в этой сфере составляет более 90 %. Внутреннее производство металлообрабатывающих станков меньше импорта в десятки раз. Ситуация осложняется тем, что на большинстве российских предприятий находятся миллионы единиц морально устаревшего и физически изношенного оборудования²².

И чем больше времени проходит с начала реформ 1990-х гг., тем более заметным становится отставание России не только от развитых стран Запада, но и Востока в сферах высоких технологий, сохраняющей лидирующие позиции лишь в производстве некоторых видов космической и военной техники. По словам С.М. Рогова, «у нас практически исчезла конкурентоспособная наукоемкая промышленность. Машиностроение, электроника и другие высокотехнологичные отрасли формируют 7–8 % отечественного ВВП. Экспорт высокотехнологичной продукции составляет всего 2,3 % промышленного экспорта России... Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3 %. Причем на долю отечественного производства приходится не более 1 % всех станков, закупаемых российским бизнесом»²³. Уже в 2009 г. в России степень износа основных фондов достигла 46 %, а по машинам и оборудованию превысила 50 %²⁴. Поскольку крупным бизнесом практически не осуществляются никакие производственные инвестиции²⁵, становится невозможной не только модернизация, но даже поддержание промышленной инфраструктуры²⁶. Если ситуация в сфере промышленности кардинально не

изменится, то к 2018 г. может полностью прекратиться отечественное производство по 35 входящим в ежегодный перечень Росстата видам товарной продукции²⁷, которая, вероятнее всего, будет заменена иностранным аналогом. Однако в этом случае отечественный товаропроизводитель просто перестанет существовать. Естественно, возрастет зависимость населения России от зарубежного производства и поставок из других стран. И «чем глубже наша экономика погружается в кризис, – пишет Р.Симонян, – тем настойчивее будут призывы к созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью, а слова “инновация”, “модернизация”, “наукоемкие производства”, “технологический прорыв” будут все более часто и более звонко произноситься представителями нынешней номенклатуры»²⁸.

Разумеется, у нас еще сохранились наукограды, созданы новые территориальные кластеры и даже технико-внедренческие зоны. Осознание обществом последней черты, за которой Россия превратится в отсталую страну периферийного капитализма, мировой энергетический и сырьевой придаток, заставило российскую политическую элиту искать какие-то формы исправления сложившейся ситуации. Этим в значительной мере объясняется создание властными структурами Сколково как начала модернизации и инновационного развития российской экономики (в действительности одной из «параллельных структур» в противовес РАН). Однако реального инновационного прорыва нет. Неудивительно, что Россия занимала всего лишь 120 место из числа 139 стран по позициям «внедрение высоких технологий» и «технологичность производства» в рейтинге стран по индексу глобальной конкурентоспособности за 2010–2011 гг.²⁹ Преодоление этого отставания возможно на основе программы восстановления и развития промышленности – реиндустриализации.

Очевидно, что инновации невозможны без соответствующего развития системы образования и науки, которые, несмотря на декларативные призывы к модернизации, под видом «реформ» значительно продолжают разрушаться³⁰. Реформы 1990-х и 2000 гг., по существу, обесценили высшее образование³¹. Ныне происходит дальнейшее понижение уровня образования в России и его стандартизация: переход к системе «бакалавр-магистр»; к единому государственному экзамену ЕГЭ; к принципу «деньги следуют за

учениками» (что направлено на окончательный уход государства из сферы образования и управления им); к реализации Болонских соглашений (на деле означающих снижение уровня отечественного образования и поощрение эмиграции студентов)³².

Еще больший урон нанесен отечественной науке. Последние десятилетия наша страна жила фактически за счет научно-технического задела, созданного в Советском Союзе. Прикладная наука была приватизирована еще в 1990-е гг. и бесследно исчезла. Нынешний разгром фундаментальной науки и волонтаристское реформирование Российской академии наук, означает, по существу, продолжение разрушительного курса и выбор в пользу ресурсной экономики³³. «Сложившаяся ситуация – это результат применения *неолиберальных экономических концепций*, согласно которым любое государственное вмешательство в экономику ведет к негативным последствиям, – считает С.М. Рогов. – Вера в “невидимую руку рынка” затронула и государственную политику в научной области. Наука вообще не рассматривалась как фактор социально-экономического развития страны. Произошло разгосударствление отечественной науки, фактически научной политики в России нет. Если не удастся переломить сложившуюся тенденцию, неизбежна деградация научно-технического потенциала страны»³⁴.

Ведущие страны мира, однако, не заинтересованы в технологической модернизации и в усилении нашего научно-технического потенциала, так как невыгодно создавать себе в условиях глобализации конкурентов в лице России на мировом рынке по выпуску наукоемкой продукции. «В соответствии с документами и оценками экспертов ВТО, – пишет Г.Г. Малинецкий, – сфера высоких технологий развивающихся стран (включая Россию. – *И.К.*) должна быть демонтирована, а научный потенциал – стать “сырьем” для американской и европейской науки»³⁵. Поэтому Россия становится просто «сборочным» цехом» западной техники, в то время как собственные предприятия «банкротятся» и закрываются. Причем как член ВТО, Россия теряет часть своего суверенитета. И если США, ЕС и «азиатские тигры» защищали свою промышленность, то ныне, по правилам ВТО, страны «периферии» (к которым относится и Россия) не имеют на это право. В результате произойдет вытеснение национальных производителей международными корпорациями, уничтожение, либо резкое сокращение производ-

ства в большинстве отраслей промышленности: легкой и пищевой, производстве лекарств, медицинского оборудования, электроники, автопроме, гражданском авиастроении, производстве косметики, шин и многих других. По расчетам аналитиков «ВТО-ИНФОРМ», в целом ущерб для экономики России по всем отраслям составит 1,5 трлн руб.³⁶ Это свидетельствует о том, что «современный капитализм приводит к техническому регрессу, особенно наглядно проявляющемуся в странах периферии (в частности, в России. – *И.К.*), и накладывает жесткие ограничения на развитие науки и образования. Последние достигают лишь того уровня, который необходим для создания обслуживающих центр производств, но не того, который требуется для самостоятельного развития»³⁷. Для России же инновационный путь развития экономики является ныне единственно возможным или наша страна окажется на обочине мировой цивилизации.

Таким образом, модернизация требует развития, прежде всего, высокотехнологичных производств (как гражданского, так и военного назначения), определяющих НТП и технологическую независимость страны; выработки и проведения государством инновационной научно-технической политики; создания таких экономических и правовых условий, которые стимулировали бы инновационную деятельность в сфере научно-технического прогресса, а также формирования промышленной политики, цель которой – достижение лидерства России в нескольких ключевых высокотехнологичных секторах мирового рынка.

Деградация сельского хозяйства

Уникальность ситуации в России заключается в том, что на фоне произошедшей за годы неолиберальных реформ деиндустриализации, она в то же время перестает быть аграрной страной. Это объясняется тем, что еще в 1990-е гг. был широко распространён тезис о том, что собственное сельское хозяйство нам не нужно, так как Россию «накормят» другие страны, например, Израиль или Голландия (где, кстати, сохранилась государственная собственность на землю). Ставка делалась на модернизацию сельского хозяйства путем организации фермерских хозяйств, которая

(несмотря на государственную поддержку) обернулась деградацией сельского хозяйства, разрушением отечественного агропромышленного комплекса, падением производственного потенциала сельскохозяйственного сектора, снижением объемов наиболее ценных продуктов питания. То есть, в результате реформы сельского хозяйства удалось разрушить колхозно-совхозную систему, однако массовым фермерское производство в нашей стране так и не стало.

В 2000 г. в официальных заявлениях говорилось о создании предпосылок для возрождения сельскохозяйственного комплекса России. Был даже номинирован соответствующий национальный проект. Однако вместо модернизации сельского хозяйства России, согласно данным Российского статистического ежегодника за 2009 г., из сельскохозяйственного оборота было выведено более полумиллиона гектаров³⁸; техническая обеспеченность тракторами и комбайнами сельскохозяйственных работ последовательно понижалась³⁹; в животноводстве шло устойчивое сокращение поголовья крупного рогатого скота⁴⁰; развитие многих инфраструктурных направлений было фактически свернуто, в частности система почтовой связи, в результате чего российские села, не обеспеченные телефонным сообщением, по существу, оказались «отрезаны от большой земли»⁴¹. И тенденция деградации российского села продолжается, несмотря на то, что Правительство РФ приняло Доктрину Продовольственной безопасности. Объем сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1990 г. сократился на 40 % (учитывая сокращение численности населения со 147,6 до 143,3 млн человек по итогам 2012 г.)⁴². Причем 17 % населения страны хронически недоедает, а около 3 % испытывают настоящий голод, так как уровень их доходов не позволяет им нормально питаться. Почти 19 млн человек (13,5 % населения) живут на «границе физиологического выживания», поскольку в России отсутствует ключевой критерий продовольственной безопасности, а именно – экономическая доступность продовольствия должного объема и качества для всех социальных групп населения, препятствием чему служит система распределения национального дохода⁴³. Экономическое разорение деревни приводит к разрушению созданной в советский период социальной инфраструктуры: закрываются школы, фельдшерско-акушерские пункты, прекращаются автобусные сообщения. Падает квалификация кадров массовых профес-

сий и дипломированных специалистов. Сельская молодежь не находит поддержки государства, оказываясь неконкурентоспособной на отечественном рынке труда.

Реальной угрозой модернизации российского сельскохозяйственного сектора стало членство России в ВТО. По данным Российской академии сельскохозяйственных наук отечественный Агропром будет терять 4 млрд долл. ежегодно⁴⁴. Причем зависимость России от импорта продовольствия еще более возрастет (как, в частности, на Украине), так как без повышения импортных пошлин вытеснить импорт с отечественного рынка будет практически невозможно. Следует учитывать, что у нас государственные субсидии сельскому хозяйству составляют 1 млрд долл. в год, в то время как на Западе 1 млрд долл. в день. «Только благодаря такому внеэкономическому, внерыночному вмешательству, – подчеркивает академик Н.П. Шмелев, – мог подняться западноевропейский и американский рынок»⁴⁵. Поэтому США и страны Евросоюза продолжают субсидировать сельское хозяйство в своих странах, что ведет к перенасыщению рынков периферии субсидированными продуктами, к падению цен на них и банкротству местных производителей. Членство России в ВТО ведет к снижению ее доли в мировом экспорте продуктов питания и значительному увеличению импорта продовольствия. Наглядным примером может служить Украина, которая вступила в ВТО в 2007 г., где импорт овощей вырос в 4 раза. Наша страна, как член ВТО, вынуждена покупать значительно больше, чем продавать на 7,3 млрд долларов⁴⁶. Причем в Россию «хлынет» поток экологически опасных и генномодифицированных продуктов, так как правила ВТО не позволяют запретить их ввоз. Даже Евросоюз из-за судебного процесса перед Судом ВТО и угрозы штрафов был вынужден разрешить ввоз ГМО. В настоящее время США оказывают большое давление на нашу страну принять ГМО-продукты американских корпораций⁴⁷.

Угрозу модернизации сельского хозяйства представляет и скупка российских сельскохозяйственных земель и предприятий Агропрома крупными иностранными компаниями, которые имеют доступ к дешевым кредитным ресурсам международных финансовых институтов. Противостоять их экспансии отечественные производители самостоятельно не смогут. Уже сегодня около 40–45 % отечественного зернового рынка находится под контролем ТНК⁴⁸.

Вместо модернизации, членство России в ВТО значительно ухудшило существующие положение, как в самом аграрном секторе, так и в смежных с ним отраслях экономики: в производстве удобрений, гербицидов и пестицидов, сельскохозяйственной техники, в пищевой промышленности и т. д. Не говоря уже о выравнивании цен и тарифов со среднемировыми показателями и критическом сокращении государственной поддержки отечественного сельскохозяйственного производства (включая налоговые льготы). И все это на фоне отставания российской науки не только в биотехнологии, но и традиционных отраслях знания – агрономии, животноводстве, мелиорации, растениеводстве, микробиологии и т. д. Все это создает угрозу продовольственной безопасности России.

Между тем, из международной практики известно, что при ввозе до 20 % продуктов питания страна попадает в продовольственную зависимость и может утратить суверенитет. Ныне (как и в 1990-е гг.) более 40 % завозимого к нам продовольствия – это импорт. В Москве он составляет почти 80 %. Подготовленный Изборским клубом доклад по продовольственной безопасности суммирует: «Россия в XXI веке ввезла продовольствия на 209 млрд долл. больше, чем вывезла. Причем размер этого разрыва в целом не уменьшается, последние пять лет стабильно превышая 20 млрд долл., а в 2011 году перевалив за 30 млрд долл.»⁴⁹. Таким образом, потерявшая за прошедшие десятилетия практически все свое сельское хозяйство, Россия оказывается в постоянной ситуации «угрозы» своему выживанию. Такой характер обеспечения продовольственной безопасности можно обозначить как «нефть в обмен на продовольствие». Постоянная продовольственная зависимость в любой момент может оказаться катастрофой для страны. Например, если из-за ситуации вокруг Украины, наши западные «партнеры» перекроют к нам поставки продовольствия или «заморозят» валютные активы – Россия со своим двухмесячным импортным продуктовым запасом в одночасье может стать очередным Египтом. Думается неслучайно, Президент РФ после обострения отношений с США и странами ЕС и введения санкций против России из-за событий вокруг Крыма и Севастополя затронул проблему российского села. Поэтому, на наш взгляд, в национальных интересах необходимо сохранить право России выхода из ВТО⁵⁰.

Между тем потенциал российского АПК огромен. «На территории России можно производить столько зерна, мяса, молока и других продуктов, чтобы прокормить 500 млн человек. В денежном выражении экспортный потенциал российского сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки оценивается в \$ 156 млрд и вполне может быть сопоставим со стоимостью экспорта углеводородов»⁵¹. Поэтому для модернизации российского села необходима выработка национально ориентированной аграрной политики с прямым участием государства и государственных финансовых институтов. Речь идет о переходе к инновационной модели развития сельского хозяйства, восстановлении объемов сельскохозяйственного производства, продовольственного потенциала и стратегических запасов страны с целью обеспечения продовольственной безопасности.

Демодернизация Вооруженных сил РФ

Начиная с 1990-х гг. проводимые «модернизационные» реформы в сфере военного строительства на практике привели к подрыву оборонного потенциала страны и снижению боеспособности вооруженных сил РФ. Общий спад отечественной промышленности ведет к ослаблению ВПК. Причем процесс реформирования и модернизации вооруженных сил России фактически приобрел непрерывный характер. «Каждый новый министр обороны и начальник Генерального штаба, приступая к исполнению своих обязанностей объявляет очередную перестройку ведомства на свой лад. Однако начатая в 2008 году военная реформа (А. Сердюкова. – *И.К.*) в нашей стране превосходит по степени сокружительности все предыдущие, включая ельцинский погром вооруженных сил»⁵².

В значительной степени это объясняется тем, что последние два десятилетия в отечественной военно-политической мысли господствуют неолиберальные концепции (которые продолжают навязываться политическому руководству страны): о необходимости ускоренного военно-политического сближения России и стран НАТО и об отсутствии с их стороны прямых военных угроз для России. При этом ссылаясь на то, что в XXI в. **основную** военно-стратегическую угрозу для России представляет Китай, ло-

кальные военные конфликты и международный терроризм. Между тем, события, особенно последних лет, свидетельствуют о том, что Россия стала объектом «мягкой» агрессии, как по периферии ее границ, так и в плане слома существующего стратегического паритета, а также объектом внешней вооруженной агрессии так называемого «панмусульманского проекта», который поддерживает ваххабитское движение на всей российской территории. Очевидны и предпринимаемые усилия США добиться значительного превосходства над Россией в военно-технической сфере не только путем развертывания наиболее перспективных военно-технических программ, но и путем дипломатии, навязывая России выгодные для себя договоренности в сфере ограничения обычных вооружений и стратегических ядерных сил.

Можно выделить два ошибочных подхода к проведению «модернизационных» реформ российских вооруженных сил РФ. Во-первых, это «концепция уклонения» от прямых вызовов России. Ее сторонники считают, что односторонние политические уступки и сдержанное поведение РФ должны убедить страны НАТО в миролюбии России, что поможет принять ее в качестве равного им партнера. Отсюда делается вывод, что вооруженные силы РФ необходимо строить, ориентируясь только на отражение локальных угроз и на борьбу с терроризмом, сохраняя ядерную компоненту лишь как средство глобального сдерживания. На практике реализация такой политики уже привела к непрерывному давлению на Россию по всему периметру наших границ, постоянному вмешательству извне во внутренние дела и ущемлению национальных интересов. В нарушение всех договоренностей блок НАТО не только вошел в зону СНГ (которая рассматривалась как зона интересов России), но началось развертывание системы американских ПРО практически у наших границ.

Второй подход основан на монетаризме. Он заключается в том, что военную реформу следует «вписывать в военный бюджет», который не должен выходить за рамки «научно обоснованного процента от ВВП». В реальности, данная концепция служит оправданием многолетнего недофинансирования Вооруженных сил РФ, которое привело их к острейшему системному кризису и демодернизации. Наибольший ущерб армии и обороноспособности российского государства нанесла последняя военная реформа,

обернувшаяся при реализации грандиозными расхищениями. По мнению военных экспертов, последствия данной реформы до конца еще не осознаны. «Очевидно, что на устранение чудовищных последствий реформы “Сердюкова” потребуются многие годы и огромные материальные затраты. Только на восстановление военной медицины может уйти 5–7 лет. А сколько времени и сил потребуются на приведение состояния мобилизационной базы развертывания, систем управления и тылового обеспечения, организаторско-штабной структуры вооруженных сил, определить трудно»⁵³.

Для дальнейшего развития и модернизации вооруженных сил необходима выработка новой Военной доктрины РФ и Концепции строительства вооруженных сил. Причем вооруженные силы России нужно строить на основе новой Концепции национальной безопасности, в том числе ее военной составляющей. Сегодня в военном балансе главный акцент делается на обычных, в первую очередь, высокоточных вооружениях. В последние десятилетия странами НАТО особое внимание уделялось разработке и оснащению войск именно высокоточным оружием. Российские же силы общего назначения оказались фактически разрушены. «В XXI в. становится очевидным, что формы противоборства государств на международной арене будут меняться, как будут меняться и способы нападения, и методы защиты. На рынке оружия самые передовые технологии становятся важнейшим инструментом борьбы. Все это требует от российских военных производителей создания и внедрения новых образцов военной техники и вооружений...»⁵⁴. То есть, речь идет, прежде всего, о модернизации обычных вооружений. Однако деградация научно-технического комплекса привела к тому, что «производство вооружений, несмотря на рост оборонного госзаказа, упало до минимального уровня. А производство нового поколения вооружений никак не удается наладить. ВПК не может стать оазисом технологического прогресса на фоне *растущей примитивизации российской экономики в целом*»⁵⁵.

Наряду с этим в целях укрепления обороноспособности и военной безопасности необходима ускоренная модернизация стратегических ядерных сил (которые в значительной степени компенсируют наше техническое отставание в более дорогих обычных вооружениях от стран НАТО). Ядерное оружие все более утверждается в качестве сдерживания крупномасштабных военных угроз.

«Однако сегодня едва ли правомерно сводить проблему стратегических взаимоотношений ядерных держав только к ядерному паритету, а силовой баланс выстраивать только с учетом ядерного оружия, – считает советник начальника Генерального Штаба ВС РФ А.В. Радчук. – Необходим комплексный учет всех параметров военной мощи: ядерных и обычных, в том числе высокоточных, вооружений, оборонительных систем и инфраструктуры. Важны также и параметры “мягкой силы”, которой государство может компенсировать недостаток силы военной»⁵⁶. Поэтому военная политика должна опираться на новейшие научно-технические достижения и научное прогнозирование, объективный анализ возможных военных и невоенных угроз и путей их отражения.

Как известно, Россия не входит ни в один военный блок, в то время как НАТО продолжает продвигаться на Восток. Учитывая события в Косово, Афганистане, Ираке, Ливии, проникновение США в Центральную Азию, нескрываемую материальную и идеологическую поддержку всех «цветных» революций на наших границах, «все это не оставляет сомнений, – писал А.И. Солженицын – что готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета»⁵⁷. Поэтому в целях обеспечения национальной безопасности Вооруженные силы РФ должны стать неотъемлемым силовым элементом российской политики, наличие и модернизация которых вынудит любого вероятного противника считаться с позицией России, особенно сейчас в условиях нарастающего противостояния с США и странами НАТО из-за присоединения Крыма и Севастополя и конфликта с Украиной. Таким образом, проводимые с 1990-х гг. по настоящее время нелиберальные реформы в России привели к примитивизации экономики и ее структуры, деиндустриализации, кризису образования и науки, подрыву продовольственной безопасности, деградации вооруженных сил РФ и многим другим демодернизационным процессам в различных сферах жизнедеятельности российского общества. Это объясняется тем, что нынешний отечественный правящий и имущий класс «глубоко зависим – финансово, политически и идеологически – от западной, прежде всего американской, элиты. Приняв на себя роль простого посредника в эксплуатации дешевого труда и природных ресурсов нашей страны в интересах Запада, он не стремится отстаивать интересы России»⁵⁸. Миновали «лихие 1990-е», «нулевые-

нулевые», ныне – 2014 г. Современная Россия уже не относится к развитым странам, каковым был Советский Союз. (Недаром Президент США недавно назвал ее «региональной державой»). Россию нельзя назвать и развивающейся страной. Теперь это – страна периферийного капитализма. Положение не может измениться само собой. «Если реформы вели к катастрофе, то почему их продолжение в том же духе повернет ситуацию к лучшему? – справедливо пишет А.А. Горелов. – Разговоры про модернизацию и инновационное развитие свидетельствуют о том, каким должен быть эволюционный путь, но они остаются бесплодными при следовании гибельному курсу реформ. Они напоминают разговоры про ускорение накануне разрушения СССР, которые на деле сопровождались свертыванием программы модернизации экономики... Нужна переориентация всего хозяйства»⁵⁹. Неудовлетворенность общества существующим положением дел в стране задает власти сигнал о необходимости кардинальных изменений. Очевидно, что Россия нуждается в иной стратегии развития, основой которой должен стать «отказ от неолиберальных догм, укрепление суверенитета и роли государства как инструментов решения глобальных проблем»⁶⁰. Закономерно возникает вопрос – способна ли властно-олигархическая элита изменить вектор развития России и создать несырьевую модель экономики, основанную на внутренних факторах роста, в соответствии с общенациональными, а не частными интересами олигархических кланов и международного капитала? Если нет, то, по-видимому, Россия обречена на дальнейшую демодернизацию, возможно, «социальный взрыв» и даже территориальный распад государства.

Примечания

- 1 *Панарин А.С.* Соблазн западничества и аскеза евразийства // Россия после августа 1991: цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993. С. 50.
- 2 *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 222–226.
- 3 *Дзарасов Р.С.* Экономика «насаждения отсталости». *К действительным причинам реформы РАН* // Вестн. РАН. 2014. № 4. С. 300.
- 4 См.: *Андреев А.Л., Гешева Е.Г.* Великое обещание или великая иллюзия? // Вестн. РАН. 2013. № 7. С. 654.

- 5 *Ильин В.А.* Частный капитал и национальные интересы. На примере собственников металлургических корпораций // *Вестн. РАН.* 2013. № 7. С. 579–586.
- 6 *Гринберг Р.С.* Общественный интерес и экономическая политика. Общая теория и российская практика // *Вестн. РАН.* 2010. № 7. С. 605.
- 7 *Саркисов А.А.* Российская Академия наук: какой ей быть? // *Вестн. РАН.* 2012. № 12. С. 1109.
- 8 *Рогов С.М.* Россия должна стать научной сверхдержавой // *Вестн. РАН.* 2010. № 7. С. 580.
- 9 Россия, глобальная экономика / Интервью с Гринбергом Р. // *Мир и политика.* 2009. № 10. С. 11.
- 10 См.: *Михайлов О.В.* Ключевые проблемы и решения модернизации России // *Вестн. РАН.* 2013. № 7. С. 649.
- 11 См.: *Крылова И.А.* Присоединение России к ВТО: риски и угрозы // *Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Тр. 8-й междунардн. научно-практ. конф. 31 мая – 1 июня 2012 г. Ч. 2. М., 2012. С. 288.*
- 12 *Грачев И.Д., Некрасов С.А.* Управление инновационным развитием экономики России: новый подход // *Вестн. РАН.* 2011. № 5. С. 429.
- 13 Там же. С. 427.
- 14 *Дзарасов Р.С.* Указ. соч. С. 298.
- 15 Общественное и индивидуальное: возможна ли гармония? Обсуждение научного сообщения // *Вестн. РАН.* 2010. № 7. С. 608.
- 16 *Ильин В.А.* Указ. соч. С. 584–585.
- 17 Институциональная экономика отвергает рыночный фундаментализм. Обсуждение научного сообщения // *Вестн. РАН.* 2013. № 8. С. 681.
- 18 *Гринберг Р.С.* Указ. соч. С. 603–604.
- 19 *Симоная Р.* О некоторых социокультурных итогах российских экономических реформ 90-х годов // *Мир перемен.* 2010. № 3. С. 108.
- 20 *Багдасарян В.Э.* О неизбежности современной российской социально-экономической модели // *Футурологический конгресс: будущее России и мира. Материалы Всерос. научн. конф. (г. Москва, 4 июня 2010 г. ИНИОН РАН) М., 2010. С. 74.*
- 21 *Малинецкий Г.Г.* Будущее: вызовы и проекты. Междисциплинарный контекст // *Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / Под. ред. Г.Г.Малинецкого. М., 2013. С. 14.*
- 22 *Инновационная политика: Россия и мир. 2002–2010. М., 2011. С. 127.*
- 23 *Рогов С.М.* Указ. соч. С. 580.
- 24 *Российский статистический ежегодник. М., 2009. С. 331, 332.*
- 25 См.: *Кувалдин Д.Б., Моисеев А.К.* Российские предприятия весной 2012 г.: отсутствие значимых положительных сдвигов // *Проблемы прогнозирования.* 2012. № 6. С. 103.
- 26 См.: *Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А., Глазьев С.Ю.* Куда идет Россия. М., 2010. С. 290.
- 27 *Российский статистический ежегодник. С. 380–381.*

- 28 *Симомян Р.* Указ. соч. С. 109–110.
- 29 Инновационная политика: Россия и мир. 2002–2010. М., 2011. С. 122.
- 30 См.: *Крылова И.А.* Кризис образования и науки в России // Социология образования. 2009. № 6. С. 51–62.
- 31 *Иноземцев В.* О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности: Сб. ст. М., 2008. С. 159.
- 32 *Малинецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 14.
- 33 См.: *Крылова И.А.* Роль науки в модернизации экономики России // Филос. науки. 2011. № 10. С. 21–33; *она же:* Невостребованность науки и проблема модернизации в России // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт. М., 2013. С. 109–123.
- 34 *Рогов С.М.* Указ. соч. С. 581.
- 35 *Малинецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 14.
- 36 См.: *Крылова И.А.* Присоединение России к ВТО: риски и угрозы // Указ. соч. С. 288.
- 37 *Дзарасов Р.С.* Указ. соч. С. 296.
- 38 Российский статистический ежегодник. С. 66.
- 39 Там же. С. 414.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 205.
- 42 *Глазьев Сергей.* О продовольственной безопасности России (доклад) // Изборский клуб (Русские стратегии). 2013. № 7. С. 43.
- 43 Там же. С. 49.
- 44 См.: *Крылова И.А.* Присоединение России к ВТО: риски и угрозы // Указ. соч. С. 289.
- 45 Общественное и индивидуальное: возможна ли гармония? С. 606–607.
- 46 См.: *Крылова И.А.* Присоединение России к ВТО: риски и угрозы // Указ. соч. С. 289.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 На земле Белогорья. Поездка Изборского клуба в Белгородскую область // Изборский клуб (Русские стратегии). С. 34.
- 50 Все страны-члены ВТО безоговорочно принимают обязательства по выполнению основных соглашений и юридических документов. При этом право ВТО стоит над законодательствами национальных государств. Согласно Меморандуму ВТО от 19.03.2001 г. национальные законы и регулирование стран можно пересмотреть и отменить, если ВТО посчитает их более обременительными, чем необходимо. Государство, ставшее членом ВТО, не может более, как суверенное государство, просто отказаться от обязанностей перед ВТО. Изменить условия можно только через три года после вступления в силу этих законов, и то лишь после выплаты компенсаций торговым партнерам, которые понесли убытки. См.: *Крылова И.А.* Присоединение к ВТО: риски и угрозы // Указ. соч. С. 286.
- 51 *Савченко Евгений.* Дело огромного масштаба // Изборский клуб (Русские стратегии). С. 8.

- 52 Чудовищные последствия «реформы Сердюкова» до конца не осознаны // Военное обозрение. 2013. URL: <http://topwar.ru/23326-chudovischnye-posledstviya-reformy-serdyukova-do-konca-ne-osoznany.html> (дата обращения: 22.01.2013).
- 53 Мельников Ю.А. Последствия реформы «по-сердюковски» // Аргументы времени: военно-патриотическое издание. 2013. URL: <http://svgbdv.ru/bezopasnost/posledstviya-reformy-po-serdyukovski> (дата обращения: 15.05.2013).
- 54 Кислов А.К., Фролов А.В. Россия и международный рынок оружия. Идеология и практика. М., 2008. С. 532.
- 55 Rogov С.М. Указ. соч. С. 588.
- 56 Калядин А.Н. Дорожная карта ядерного разоружения // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1. С. 135.
- 57 Солженицин А.И. Измельчание свободы // Роман-газета. 2006. № 16. С. 124.
- 58 Дзарасов Р.С. Указ. соч. С. 301.
- 59 Горелов А.А. Глобальный неокOLONиализм: государство и инволюция // Глобальные тенденции развития мира. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 14 июня 2012 г., ИНИОН РАН). М., 2013. С. 82.
- 60 Гранин Ю.Д. Глобализация и национальные формы глобальных стратегий // Вестн. РАН. 2014. № 3. С. 248.

Роль этнокультурного фактора в истории модернизации (на примере России)

Многообразие исторических вариантов модернизации свидетельствует о том, что переход к современности как некий масштабный социальный проект, всегда носит *конкретно-исторический характер*¹. И как показывает историческая практика, дело не только в том, в какой период своей истории то или иное общество стало на путь модернизации и насколько благоприятствующими этому были экономические и социально-политические условия, но также в том, насколько модернизационным преобразованиям способствовал господствующий тип культуры общества. В настоящей главе мы ставим задачу проанализировать роль этнокультурного фактора в истории модернизации, преимущественно на примере России.

К пониманию значения этнокультурного фактора

При всем многообразии определений культуры, в них подчеркивается тот момент, что культура есть нечто *специфически человеческое*, созданное усилиями человеческих рук и интеллекта, выделяющее человека и созданное им общество из природы. Так, например, в известном определении В.С. Степина культура понимается как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни»².

Несмотря на такое, уже достаточно устоявшееся в социально-гуманитарном знании понимание культуры как порождения человеческого духа, отличающего ее от природы, невозможно говорить о ее *полном отрыве* от природных начал. Мы имеем ввиду *природные особенности характеров людей*, которые, хотя и в снятом виде, содержатся в любых образцах человеческой культуры. Достаточно наглядно это проявляется в том, что свою особенную характерологическую структуру имеют такие феномены духовной культуры, как основные мировые религии, элементы этнических и национальных культур, ключевые цивилизационные различия целых народов, – в том числе древних³.

Признание роли культурного фактора в процессах социально-го развития сегодня уже никем не оспаривается. В рамках общего интереса к культуре возникает интерес к *этнокультурному фактору*, т. е. к тому, как сказываются особенности этнической культуры (и психологии) в процессах развития. Насколько высока эта роль в модернизационных процессах сегодня, указывает следующее суждение о судьбах и исторических «изломах» российской модернизации: «русским присуща чрезвычайно активная рефлексия, бросающая их от самовозвеличения к самоуничтожению и обратно. Это – творческая черта, которая однако противостоит рационализации. Культура народа оказалась фундаментально значимой в процессах модернизации XXI в., взявших за основу своего развития в 1990-е гг. догоняющую Запад модель модернизации и переход к капитализму»⁴.

Однако, сложность в том, что тезис о значимости культуры в модернизации⁵ может приобретать различные трактовки в зависимости от того, каких научных (философских) и политических взглядов придерживается тот или иной исследователь. Так, в одном случае, культура может трактоваться как выражение специфического «духа народа», его национального характера; в других случаях, наоборот, культура рассматривается как нечто, возникшее под влиянием разнообразных исторических (социальных, экономических, политических) обстоятельств, и, следовательно, представляющее собой нечто случайное и исторически изменчивое. Из этих во многом противоположных пониманий культуры проистекают и довольно существенные различия в отношении того, как следует «обходиться» с культурой в контексте социальных

преобразований. Так, представители первого подхода (обычно это мыслители разных направлений консервативного спектра) придают национальной культуре *основополагающее значение*, считают ее фундаментом социальных преобразований⁶. Напротив, те ученые, которые мыслят в духе того или иного варианта социального конструктивизма, полагают, что отношение к культуре как фактору развития должно быть скорее прагматическим. Этот, второй подход, достаточно ярко представлен у целого ряда авторов ключевой для современной культурной парадигмы в социально-гуманитарных науках книги «Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу»⁷. В ряде случаев выводам социальных конструктивистов, как ни парадоксально, оказываются близки взгляды представителей *цивилизационного подхода*, но стоящих на либеральных, «западнических» позициях.

Переходя от этих общих методологических замечаний к собственно осмыслению российского исторического опыта, прежде всего, отметим, что и отечественная социально-гуманитарная мысль не свободна сегодня от указанных противоречий: в ней в полной мере присутствуют как *социально-консервативные, так и социально-конструктивистские позиции*, которые в значительной мере влияют на оценку истории и дальнейших путей российского реформирования.

Роль этнокультурного фактора: Россия – Восток – Запад

Для иллюстрации данного утверждения мы обратимся к анализу двух достаточно ярких работ последних лет, в одной из которых представлен *цивилизационный*, а в другой – *конструктивистский* подход к пониманию роли этнокультурного фактора в истории российских модернизаций. Это работы историка, востоковеда Л.С. Васильева «Россия и Китай: итоги посткоммунизма»⁸ и философа, социолога, психолога Н.С. Розова «Императив изменения национального менталитета»⁹. Обе работы, несмотря на различие методологий, сближает *общее неприятие исторического и социокультурного опыта России*, который, на взгляд этих авторов, является главным препятствием модернизации.

Но прежде сделаем еще несколько замечаний о нашем собственном методологическом подходе, который обозначается нами как «*характерологическая креатология в социальных науках*»¹⁰. Суть его состоит в исследовании явлений и закономерностей социальной жизни, исходя не из той или иной теоретической концепции (как это обычно происходит в социальных исследованиях), но опираясь на *естественнонаучное знание о характерах людей* и выводимых из них национально-психологических особенностей. Данный подход близок естественнонаучному методу Аристотеля, как он характеризуется, в частности, А.Ф. Лосевым¹¹.

С этой точки зрения, ключевые культурные и цивилизационные различия между Западом, Востоком и Россией в значительной мере обусловлены типичными характерологическими различиями. Так, в самом общем виде можно говорить о *замкнуто-углубленном характерологическом типе*¹² как выразительной особенности народов Северо-Западной Европы (немцы, англичане, шведы, норвежцы, датчане). Замкнуто-углубленный тип (но иной его вариант) отчетливо обнаруживает себя в истории и культуре народов Восточной Азии (Китай, Япония, Корея), что обуславливает *определенное сходство* между ментальными особенностями Запада и конфуцианско-буддийского Востока¹³. Россия находится между двумя этими макрорегионами и отличается иной преобладающей структурой характера – чаще *реалистическими (материалистическими) характерологическими особенностями*¹⁴, с выраженной *дефензивностью* (мягким переживанием своей неполноценности). Это не значит, что все россияне реалисты (материалисты) в плане своего природного мироощущения и отличаются дефензивностью, но все же указанные характерологические свойства являются достаточно *типичными* для значительной массы россиян (не только этнических русских)¹⁵.

Данные особенности (распространенность замкнуто-углубленного типа характера на Западе и в Восточной Азии и материалистически-дефензивных особенностей в России) обуславливают, с точки зрения естественнонаучной характерологии такой феномен как *прагматизм (практичность, основанная на концепции* (М.Е. Бурно)) как характерную черту народов Запада и Восточной Азии (например, китайцев) и природную слабость такового в России. С данного рода практичностью, связаны, в частности, *умеренность в*

политике и способность к достижению «серединой культуры»¹⁶. Прагматизмом (или его отсутствием) обусловлены многие неудачи российских модернизаций, как и впечатляющие цивилизационные успехи Запада, и, в частности, современного Китая.

Названная выше работа Л.С. Васильева интересна убедительным доказательством *близкого сходства культурных основ западной цивилизации и цивилизации конфуцианского региона*, ядром которого на протяжении тысячелетий выступает Китай. Как показывает Васильев, именно этот фактор стал главной причиной того, что Запад и сегодняшний Китай (а также целый ряд стран, близких к конфуцианской традиции) оказались настолько успешными в плане социального развития. Сходство обоих регионов видится в том, что и Запад (учитывая период Античности) и конфуцианский Восток на протяжении тысячелетий сумели выработать свои оригинальные этические системы, основанные на принципах умеренности и гуманизма (ключевая для конфуцианства категория *жэнь* – гуманности), которые легли в основу практик социализации населения. Именно этика в сочетании с жесткой системой воспитания и социальной иерархии (на Востоке) явились главной причиной соответствующей *моральной дисциплины* и ключевой предпосылкой модернизации¹⁷. Сходство состоит так же в том, что обе эти концептуальные системы (протестантская этика и учение Конфуция. – Г.К.) интеллектуально близки и делают главный акцент на достижении *практически-прагматической цели*¹⁸.

С точки зрения анализа этнокультурного фактора, еще один важный момент заключается в том, что подчеркивается роль не только культуры, но и несущего ее *этнического компонента* (в азиатском варианте – китайцев-хуацяо), присутствие общин которых в разных странах этого региона (даже не конфуцианских, как например, Малайзия, Таиланд, Индонезия или Филиппины) в значительной мере, по мнению автора статьи, способствовало успешной модернизации этих стран¹⁹.

Выводы Л.С. Васильева согласуются с тем, на что мы сами обращали внимание, подчеркивая факт характерологического созвучия между обоими регионами – европейско-американским Западом и конфуцианско-буддийским Востоком. Повторим лишь, что для нас данный факт объясняется в первую очередь тем, что протестантский Запад и конфуцианский Восток несут в себе при-

родную особенность – *замкнуто-углубленный тип характера со свойственным ему прагматизмом* – «работа» которого определяет в конечном счете ту внутреннюю психологическую и социальную дисциплину, которая становится основой впечатляющих цивилизационных достижений Востока и Запада.

В то же время позиция Васильева в отношении России, российской культуры и ее роли в модернизации вызывает определенное несогласие. Российская история на всем протяжении существования государства, с его точки зрения, представляет ряд не вполне удачных, но необходимых попыток модернизации (начиная с Петра I), **которым противодействовала общинная матрица, т. е. совокупность традиционных для России крестьянских общин-миров, отличавшихся не только отсутствием характерного для Запада и Восточной Азии разумно-прагматического отношения к жизни, но и крайним консерватизмом в отношении всего нового и неизвестного – прежде всего того, что шло в Россию с Запада.** Эта ситуация усугублялась, по мнению Васильева, принятием Россией православия, с его неприятием *западных форм христианства* – католичества, а затем и протестантизма. В итоге возникало серьезное противоречие: с одной стороны, Россия как развивающаяся держава не могла обойтись без заимствований с Запада, а с другой, не могла полностью модернизироваться, поскольку традиция в форме общины и православия постоянно довлела над ней.

Вывод Васильева в отношении перспектив России и российского капитализма состоит в следующем: *российская культурная традиция весьма слабо совместима с капитализмом, его мировоззренческими и ценностными основами*, в то время как «... комплекс передового Запада, как и отличный от него конфуцианский, оказываются наиболее подходящими для успешного развития»²⁰.

Данный вывод нуждается в уточнении: за культурными комплексами указанных регионов и стран, с нашей точки зрения, стоит различие *природных характерологических особенностей* жителей России, с одной стороны, Запада и конфуцианского Востока, с другой, что является одной из причин успешной или, наоборот, неуспешной капиталистической динамики.

В то же время, возникает вопрос: так ли пессимистична *на самом деле* историческая картина, обрисованная Л.С. Васильевым? Можно ли согласиться с тем, что в российской истории и культуре,

в том числе, в истории российских модернизаций, нет успехов и достижений, *проистекающих из собственной российской самобытности, обусловленной своеобразием национального характера?* Прежде, чем попытаться ответить на этот вопрос, обратимся к работе другого автора, в которой аналогичным образом рассматривается вопрос совместимости российской социокультурной специфики с «цивилизованными» (преимущественно западными в его понимании) формами общественной жизни. Это книга²¹, а также упоминавшаяся выше статья философа и социолога Н.С. Розова, в которых ставится проблема необходимости и возможности *изменения национального российского менталитета.*

Как отмечается в одной из рецензий на книгу, «"колея" (Розов использует метафоры колеи и перевала. – Г.К.) – это метафора... цикличности российской истории как в геополитическом (за мировыми и европейскими триумфами следуют поражения, коллапсы и государственные распады), так и в социально-политическом измерении (волны либерализации, порой самой необузданной, неизменно сменяются сдвигами в направлении авторитаризма, нередко доходящего до самых крайних своих выражений). "Перевал" же означает преодоление такой цикличности, в идеале – широкую демократизацию без авторитарного отката и геополитический успех без последующего коллапса»²². Изучению условий возможности и необходимости последнего и посвящена концепция Розова.

Он широко опирается на идеи и подходы современного психологического знания. В частности, речь идет о *концепции ментальной динамики*²³, суть которой состоит в формировании специфических навыков *поведения и мышления* на основе гражданской активности и взаимодействия людей в рамках новых общественно-политических практик²⁴.

Автор предлагает во-первых, в политическом отношении стремиться к «мирной полиархии». Полиархия – термин известного американского политолога Р. Даля, означающий политический режим с несколькими «центрами силы» и механизмом принятия решений, основанных не на подавлении и угнетении меньшинства большинством, а за счет широкой практики *политических компромиссов.* Именно такой режим, по убеждению Розова, способен вывести Россию из серии исторических тупиков. Однако интересен путь, которым, по мнению Розова, должны сле-

довать государство и общество для достижения указанной цели. Путь этот пролегает через *изменение основных особенностей российского менталитета* посредством использования *психологических технологий*, предлагаемых концепцией ментальной динамики. В частности, это технология *рефрейминга* – т. е. изменения основных базовых фреймов (от англ. frame – каркас, рамка). Сказанное касается таких фреймов, как «свое/чужое», «идеалы/польза», «ближний круг/государство», «Россия/Запад», каждый из которых, в его российской, «авторитарной», версии должен быть заменен на свою «демократическую» противоположность²⁵. Но главным инструментом, посредством которого, согласно Розову, должны осуществляться ментальные изменения, является *гражданская активность населения* – начиная с «малых групп» и заканчивая широкими общественными ассоциациями, включающими представителей как «простых людей», так и интеллектуалов²⁶. «Итак, – подытоживает Розов, – наиболее эффективная стратегия трансформации менталитета – это стратегия интеграции представителей разных групп и слоев вокруг деятельного решения реальных социальных проблем»²⁷.

Насколько действенной является эта концепция и отвечает ли она собственно, социальной и исторической реальности? Думается, Н.С. Розов, будучи психологом по своему базовому образованию²⁸, и здесь рассуждает как истинный психолог, т. е. мыслит психологическую реальность идеально (феноменологически), *в отрыве от ее природных, материальных основ и от основ социальных*. С точки зрения же характерологического подхода, ментальность, как и иные – психо-эмоциональные – проявления душевной жизни обусловлены биологически (конституционально) в случае *стойких характеров* (акцентуаций или психопатий) или социально – в случае т. н. *конформного* типа характера. Ни в том, ни в другом случае, с нашей точки зрения, стратегия, предлагаемая Розовым, не имеет шанса на успешную реализацию, поскольку типы характеров, представленные в России (как и во многих других постсоветских странах, например, в Украине), мало соответствуют ей.

Этот вывод подтверждается и другими авторитетными исследованиями, в которых отмечается, что «не уступая, к примеру, американцам в склонности к самоанализу, личностной автономии и мотивациям на достижения, русские заметно отстают по таким

параметрам, как *собранность, склонность к порядку, навыкам мысленного проектирования жизненных стратегий*. Эти черты, безусловно, сказываются на эффективности совместных действий, особенно основанных на принципе добровольческой инициативы (к числу их принадлежит и политическая самоорганизация)» (курсив наш. – Г.К.)²⁹.

Можно рассчитывать на то, что в будущем русские станут более успешными в плане самоорганизации и отстаивания своих гражданских и политических прав, но вряд ли данные изменения могут быть результатом реализации *планомерной социально-психологической стратегии* (с соответствующими ей психологическими *техниками*).

Русский (российский) этнокультурный тип: традиция и модернизация

Какой вариант «использования» этнокультурного фактора в политике развития представляется наиболее приемлемым? Думается, не стратегия изменения национального менталитета, а скорее попытка *опереться на него* в решении задачи модернизации. Предпосылки именно такого подхода к проблеме соотношения традиции и модернизации сложились не только в зарубежной, но и в отечественной научной литературе. В теоретическом плане эта проблема подробно осмыслена, прежде всего, В.Г. Федотовой в ряде ее работ³⁰, а также рядом других ученых³¹.

Представляет интерес исследование В.С. Степина, посвященное анализу основных констант российского менталитета в контексте проблемы экономических реформ в России. Основная посылка проста и разделяется сегодня многими: попытка простого перенесения западного опыта – будь то экономического или политического – на отечественную почву, без учета культуры, основных ментальных стереотипов и «архетипов» массового сознания – изначально была обречена на неудачу. И, соответственно, многие проблемы, с которыми столкнулась новейшая российская модернизация, связаны именно с данным обстоятельством. Это, повторим, не новый тезис, он звучал уже в работах отечественных исследователей второй пол. 1990-х гг.³²

Тем не менее работа Степина интересна тем, что ее автор пытается достаточно конкретно показать, как «архетипы» традиционной российской ментальности, например, идеал соборности, могли бы «встроиться» в контекст социально-экономических реалий современной России. Однако этот идеал трактуется Степиным не метафизически, а *социологически*. Так, он пишет, что с разрушением традиционной для России крестьянской общины в начале XX в. некоторые важные ее черты не ушли из жизни, а наоборот, сохранились и воплотились в реалиях новой *социалистической* общественно-экономической формации: «Они (соборные черты общинной жизни. – Г.К.) были воссозданы в жизни производственных коллективов советской эпохи. Эти коллективы были не только профессиональными объединениями людей, но и особыми формами общения и повседневной человеческой коммуникации»³³. Многие, что составляет сегодня сферу частной жизни (праздники, дни рождения, семейный отдых, традиции взаимопомощи) еще в относительно недавнем прошлом было тесно связано с коллективистскими началами, реализовывавшимися в первую очередь на производстве.

Кроме того, как отмечает В.С. Степин, элементы производственной общинной традиции в советское время выполняли еще одну важную социальную функцию – *защищали личность от произвола власти, давали ей некоторую (пускай и весьма ограниченную) свободу*³⁴.

Ссылаясь на известный опыт обществ Востока и Запада (западный, точнее европейский, солидаризм), В.С. Степин полагает, что и российская коллективистская традиция могла бы составить одну из социальных и духовных основ современной отечественной экономики. «...идеалы коллективизма и соборности, свойственные российскому духу и выступающие противоположностью индивидуализму, не должны восприниматься как некое препятствие на пути рыночных реформ. Напротив, на них вполне можно было опереться»³⁵.

Разделяя в целом пафос подхода Степина, отметим, что данный вывод представляется эвристически ценным все же скорее в исторической перспективе и ретроспективе, нежели в отношении *современных реалий*. Как свидетельствуют результаты исследований, если некоторые другие традиционные российские ценности

(например, *приверженность идее сильного государства* или *эта-тизм*, а также высокая ценность в российском сознании *идеи справедливости*) сохраняют и сегодня свое доминирующее значение, то в отношении традиционного российского солидаризма ситуация сегодня иная. Как отмечают, например, исследователи Института социологии РАН, «...за последние 20 лет одной из наиболее характерных особенностей процесса трансформации нормативно-ценностных систем россиян выступает *движение от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам*, хотя ценности индивидуализма, самоутверждения и успеха в противовес ориентации на интересы группы, сотрудничества и взаимопомощь пока не стали для россиян доминирующими» (курсив наш. – Г.К.)³⁶. Отмечая, что современные россияне во все большей мере проявляют восприимчивость к классическим ценностям западного модерна (индивидуальная автономия, ответственность, положительное отношение к конкуренции и справедливому неравенству и т. д.), тем не менее, оценки исследователей в отношении перспектив социального и культурного развития выглядят достаточно осторожными³⁷. И все-таки большинством исследователей фиксируется предельно четко то, что *установки на солидарность в России сегодня более слабы, чем когда-либо в отечественной истории*³⁸.

Не вдаваясь в анализ причин этого явления (они исследованы достаточно обстоятельно³⁹), отметим один, как представляется, важный момент. Если для более позитивистски ориентированного исследователя (социолога, политолога, экономиста) будет достаточно следовать за эмпирическими констатациями, и связывать с ними свои прогнозы относительно развития общества, то для социально-философского анализа особенно важна не столько эмпирическая, сколько *ценностная* составляющая социальных процессов. Поэтому, учитывая в полной мере характер нынешних тенденций (предельная индивидуализация, даже атомизация российского социума), мы хотели бы сказать о другом: о необходимости именно в этой ситуации обратить внимание на некие *исконно российские ценности и формы жизни*, которые, даже не будучи востребованными сегодня, могут, при определенных условиях, играть роль своего рода *регулятивной идеи, ценностного ориентира*⁴⁰. Думается, что именно таким образом могла бы восприниматься сегодня

традиционная идея и практика российского солидаризма, которые, как полагают исследователи, достаточно прочно укоренены в *природе национального характера*.

Так, историк А.В. Павловская пишет об этом следующее: «Не случайно общинные принципы построения отношений были характерны и в других областях русской жизни (не только в крестьянской. – Г.К.): ремесленники создавали артели, объединялись вместе рыболовы, охотники, сборщики кедровых шишек в Сибири, общежительный устав был самым типичным для русской монастырской жизни, существовали старообрядческие общины, даже купцы создавали некое подобие объединений на общинных началах. Удивительно, что и интеллигенция, далекая от народных традиций, в поисках путей преобразования общества объединялась в так называемые интеллигентские общины. В советский период и в школе, и на заводе, и в конструкторском бюро во главу угла ставилась задача создания коллектива. Получился коллектив – будет работа, нет коллектива – толку ждать нечего. *Свойство образовывать мини-общины имманентно присуще русскому человеку*» (курсив наш. – Г.К.)⁴¹. В современной действительности, как показывает Павловская, можно найти немало примеров тому, что социально-психологические установки, сформированные веками общинной жизни, в значительной мере продолжают воздействовать на особенности сознания и поведения россиян⁴².

При этом существенно, что традиционный российский коллективизм отнюдь *не отменяет в России индивидуализма*: наряду с традиционной общинной «уравниловкой» (уравнительным распределением пахотных земель), существовал и другой принцип справедливости: *каждый получает по заслугам, по труду*. В этом отношении, отмечает Павловская, «крестьяне были страшные индивидуалисты». Именно поэтому «народников и участников знаменитого “хождения в народ” больше всего поразил именно крестьянский индивидуализм. Зная об общинном устройстве, они надеялись найти в деревне утопические коммуны, а столкнулись с жестким личным прагматизмом»⁴³.

В то же время, российский коллективизм характерным образом уже тогда (в XIX в.) отличался от, например, американского: если для американской общины (коммуны) обычно *требовался лидер*, а отношения в ней строились на своего рода *социальном «ми-*

ни-контракте», где четко прописывалось то, ради чего создается и существует данное объединение, то в исторической России такой подход трудно себе представить⁴⁴.

Эти особенности отчетливо говорят о том, что российская общинная жизнь строилась на *принципиально иных социально-культурных и психологических основаниях*, – а точнее, несла в себе *иной тип, иное свойство характера* – присущую многим, а в особенности, восточным славянским народам *синтонность* (реалистическую естественность-жизнелюбие, с природной тягой к общению, совместности)⁴⁵, в противоположность отмеченному нами природному идеалистическому мироощущению (не путать с идеализмом) многих людей Северо-Запада Европы и Северной Америки. Не случайно поэтому российская солидарность, «совместность» строится, как правило, на *душевной открытости, искренности* (хотя и не без некоторой подозрительности и скрытности по отношению к товарищу, что довольно типично для коллективистских обществ⁴⁶), а не на *чисто инструментальных, прагматических* началах.

Особенности российской модернизации и своеобразие национального характера и культуры

Отметим следующее важное обстоятельство: модернизация России, начиная с XVII столетия и до конца XX в. **фактически осуществлялась в имперских формах** – сначала Московским царством (XVI–XVII вв.), затем (с XVIII в.) империей Петра Великого и его наследников, и после 1917 г. – советской «империей».

Как справедливо отмечает в связи с этим С.А. Никольский, «может быть наиважнейшей мыслью, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней есть *мысль об империи и о том, что они – имперский народ*. Мы всегда знали, что живем в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была самой ценной в нашем идейном багаже и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищались или ужасали остальной мир. В равной мере это справедливо для

Российской империи и СССР... Жизнь в империи не прошла для нас даром. *За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру»* (курсив наш. – Г.К.)⁴⁷.

Итак, имперская форма, «имперский народ» – то, что характерно для России на протяжении пяти столетий (фактически с XVI в.), и что, как считают исследователи, наложило печать на особенности ее культуры, и, добавим, на специфику ее модернизаций. Однако немаловажен вопрос, что за *качественный тип империи* был создан русскими, в чем состояла ее специфика в сравнении с империями других народов (например, тех же англичан или других европейцев)? Почти общепризнанным стало мнение, что специфической чертой российской империи явилось то, что она, в отличие от ряда европейских или азиатских империй, никогда не становилась «гюрьмой народов», но напротив, принимала народы на вполне уважительных и равноправных началах. Во многом причины этого видятся в *особенностях национального характера русских*⁴⁸.

Более того, «имперский народ», что важно, не просто присоединял к себе все новые территории, но и в значительной мере осуществлял по отношению к ним особую, *цивилизующую*, миссию, становясь в подлинном смысле «мостом между Востоком и Западом»: «В диалоге культур Запада и Востока, особенно начиная с петровских преобразований, Россия играет роль посредника между ними. Российская культура постоянно знакомится с прогрессивными идеями ушедшего вперед Запада, получая их главным образом через прорубленное окно в Европу... Западные идеи весьма активно обсуждаются в русской культуре, усваиваются каким-то образом, одним словом, адаптируются к российским условиям и транслируются по различным каналам – через книги и газеты, образовательные институты и личные встречи – в российскую глубинку, на Кавказ, в Среднюю Азию, в Сибирь и дальше в сопредельные страны»⁴⁹.

Однако при чем здесь *этнокультурный фактор*? Как отмечает В.Н. Шевченко, «мне кажется, что русский народ и русский ум приобрели те свои качества, о которых мы говорим как об уникальных, именно в ходе переосмысления и адаптации к условиям России как восточного, так и западного культурно-исторического опыта. Именно в ходе сложнейшего взаимодействия культур на российской почве могло появиться такое качество, как всечеловеч-

ность, т. е. способность русского ума глубоко проникать в ценностно-смысловые пласты отдельных культур, переводить их на язык своей культуры, делать понятными для многоэтнического российского общества, других обществ»⁵⁰.

Эта же черта – некая особенная *нравственность* «русского духа», отмечаемая многими исследователями⁵¹ – проявилась и в другом выдающемся цивилизационном достижении, получившем название «космического подвига» советского народа, в котором, по словам В.Н. Шевченко, в полной мере воплотилось то, что было заложено в *русской идее*: «...соборность как общее дело, труд как общественное служение и, прежде всего, доверие как основанное на любви признание других людей и как отношение к ним...»⁵².

Не видится ли и в этом (культурная специфика Российской империи и «космический подвиг») некая характерологическая особенность, отмеченная нами ранее, в связи с обсуждением феномена русской общины (русская, славянская синтонность, с природной естественной доброжелательностью и тягой к общению, совместности)⁵³? Только в случае России и русских важно указать еще на одну черту, также отмеченную нами ранее: это *характерологическая дефензивность*, составляющая природную основу сложных нравственных переживаний с компенсаторным стремлением помочь тому, кому еще хуже (М.Е. Бурно).

Представляется, что эта же особенность – синтонность, психологически усложненная дефензивностью как *основа национального характера* – легла в основание и другого важнейшего феномена, возникшего на национальной почве – русского, а позже советского варианта *социального государства*, которое, как отмечает Р.С. Гринберг, еще в XIX столетии **формировалось под глубочайшим влиянием**, которое оказывали на жизнь российского общества Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и другие великие писатели и мыслители-гуманисты⁵⁴.

Выводы

Во-первых, российская культурная «почва» довольно существенным образом отличается от аналогичной «почвы» Запада или буддийско-конфуцианского региона (и здесь мы согласны с

цитированным ранее Л.С. Васильевым), но отличается не просто в силу господства некоей абстрактной «цивилизационной матрицы», а в силу *специфических особенностей характера россиян*, делающих их в чем-то «слабее», но в чем-то и «сильнее» западных и восточных (восточно- и южноазиатских) народов. *Во-вторых*, очевидно, что те качества, о которых нередко говорят как о составляющих «слабое место» национального характера в значительной мере повлияли на *исторические особенности национальных модернизаций* (как их успехи, так и неудачи), и отчетливо просматриваются в них. И, наконец, *в-третьих*, исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что наиболее предпочтительным для России вариантом на современном этапе была бы не реализация «императива изменения национального менталитета» (хотя, согласимся с Н.С. Розовым, кое-что стоило бы попытаться изменить), а опора на «*сильные*» *стороны национального характера*, которые, несомненно есть у русских, как и всякого другого народа, и которые, в свою очередь, неразрывно, диалектически, связаны со «*слабыми*» сторонами.

В целом же остается надеяться, что радикальные социальные трансформации последних десятилетий все же не привели к окончательному разрушению российского «социокультурного кода», и важные для развития общества особенности характера и культуры еще найдут свое достойное место в национальных проектах развития.

Примечания

- ¹ См.: Федотова В.Г. Введение. Оказался ли «проект модерна» незавершенным? // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2013. С. 3–15.
- ² Степин В.С. Культура // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2009. С. 320.
- ³ См.: Бурно М.Е. Тема «Религиозные чувства и характеры» в Терапии творческим самовыражением // Бурно М.Е. О характерах людей. М., 2008. С. 349–352; Бурно М.Е. Экология, Дзен и Терапия творческим самовыражением (ТТС) // Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. М., 2012. С. 304–307; Спиридонова В.И. Концепция «общего блага» в современной западной науке // Духовное измерение современной политики / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2003. С. 12–13.

- 4 Федотова В.Г. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2013. С. 43–44.
- 5 См., напр.: Федотова В.Г. Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 139–147.
- 6 См., напр.: Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Российское государство: опыт философского прочтения. М., 2012.
- 7 См., напр.: Харрисон Л. Введение. В чем значение культуры? // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. С. 15–36.
- 8 Васильев Л. Россия и Китай: итоги посткоммунизма // Независ. газ. 04.04.2013. (http://www.ng.ru/ideas/2013-04-03/5_rus_china.html).
- 9 Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // Полис. 2010. № 4. С. 7–22.
- 10 Подробно см.: Канарш Г.Ю. Об одном из вариантов естественно-научного подхода в социальном знании // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 70–77; № 4. С. 15–20.
- 11 См.: Канарш Г.Ю. Национально-психологические предпосылки модернизации // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2013. С. 81.
- 12 Соответствует шизоидной акцентуации в классической естественно-научной типологии характеров.
- 13 См.: Канарш Г.Ю. Национально-психологические предпосылки модернизации // Указ. соч. С. 90.
- 14 Замкнуто-углубленному характерологическому типу свойственно *идеалистическое* мироощущение (с чувством первичности Духа по отношению к материи); иные характеры (синтонный, тревожно-сомневающийся, авторитарный и др.) формируются на базе *материалистического* (с природным чувством первичности материального, телесного) мироощущения. Противоположность этих двух типов мироощущения отчетливо видится при сравнении, например, живописи Боттичелли, Матисса, Кандинского (идеалистическое мироощущение) с живописью Рембрандта, Ренуара, Моне, Тропинина, Саврасова, Левитана (материалистическое мироощущение). (См.: Бурно М.Е. О характерах людей. С. 10; Волков П.В. Психологический лечебник: Разнообразие человеческих миров. М., 2013. С. 280–296.)
- 15 См.: Бурно М.Е. О характерах людей. С. 353–355; Канарш Г.Ю. Прошлое и будущее национальной идеи в России // Вестн. Рос. акад. наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 441–447.
- 16 Интересные примеры прагматического отношения к жизни китайцев (в том числе, в вопросах внутренней и внешней политики государства): Федотова В.Г. Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций // Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2010. С. 142.
- 17 Васильев Л. Указ. соч. (Указ. электр. ресурс.)
- 18 Там же.

- 19 *Васильев Л.* Указ. соч. (Указ. электр. ресурс.)
20 Там же.
- 21 *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. М., 2011.
- 22 *Ващук А.С., Савченко А.Е.* Преодолеть историю? Макросоциологический подход к пониманию прошлого и проектированию будущего России // *Полития*. 2011. № 3 (62). С. 186.
- 23 См. подробнее: *Розов Н.С.* Концепция ментальной динамики и социальные основы разнообразия российских габитусов (http://www.polisportal.ru/files/File/publication/New_electr/Rozov_Mentalnaya_dinamika_i_gabitusi.pdf).
- 24 *Розов Н.С.* Императив изменения национального менталитета // *Полис*. 2010. № 4. С. 8.
- 25 К числу последних относятся, напр., такие принципы, как «допущение разносторонности» (т. е. возможности сочетания в одном человеке разных социально-политических установок), «согласиться о несогласии», «гражданское присвоение» населением государства и т. д.
- 26 Интересны описания возможных площадок для сбора таких активистов у Розова, которые весьма напоминают аналогичные практики в США (см., напр.: *Розов Н.С.* Императив изменения национального менталитета // *Указ. соч.* С. 18).
- 27 Там же. С. 19.
- 28 Что отмечают и авторы цитированной рецензии (см.: *Ващук А.С., Савченко А.Е.* *Указ. соч.* С. 185).
- 29 *Андреев А.Л.* Политическая психология. М., 2002. С. 177.
- 30 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации: анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008; *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005; *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
- 31 См., напр.: *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Российское государство: опыт философского прочтения. М., 2012; *Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Государство в современном мире. М., 2003.
- 32 См., напр.: *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
- 33 *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 322.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 327.
- 36 *Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Культурная динамика в постсоветских странах: проблемы модернизации и сохранения цивилизационной специфики (на примере России) // «Цивилизация и модернизация», Российско-китайская конф. (2012, Москва). Российско-китайская конф. «Цивилизация и модернизация», 29–31 мая 2012 г.; Редкол.: Н.И. Лапин, Чуаньци Хэ и др. М., 2013. С. 34.
- 37 Там же. С. 34–35.
- 38 См.: *Бызов Л.Г.* Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы. М., 2013.
- 39 См., напр.: *Социальные знания и социальные изменения* / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2001; «Хорошее общество»: социальное конструирование приемлемого для жизни общества / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2003, а также в индивидуальных монографиях и статьях В.Г. Федотовой.

- 40 Во многом именно рост индивидуализации, размывание коллективных форм жизни в США во второй пол. XX в. стал одной из причин появления коммунистического – одного из главных на сегодняшний день направлений в современной политической философии и социальной теории.
- 41 *Павловская А.В.* Русский мир: характер, быт и нравы: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 261.
- 42 Так, в частности, приводится пример путешествия любителя-велосипедиста, американца, в России с группой таких же российских любителей-велосипедистов, которое в полной мере продемонстрировало удивленному иностранцу коллективистские особенности принятия решений в России, а также некоторые другие, типично российские, способы организации и проведения такого рода совместных мероприятий (там же. С. 273–274).
- 43 Там же. С. 270.
- 44 Там же. С. 262–263.
- 45 См.: *Бурно М.Е.* Целебные крохи воспоминаний. М., 2013. С. 308–310.
- 46 См.: *Павловская А.В.* Указ. соч. С. 295.
- 47 *Никольский С.Н.* Русские как имперский народ (http://iph.ras.ru/uplfile/philec/sem/26_09_2013.pdf).
- 48 См., напр.: *Андреев А.Л.* Политическая психология. С. 169–170.
- 49 *Шевченко В.Н.* О роли России в разрешении цивилизационного конфликта «Запад – остальной мир» // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Т. V. Вып. 3–4 (17–18). С. 77.
- 50 Там же.
- 51 См., напр.: *Межуев В.М.* «Русская идея» как цивилизационный выбор России // *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб., 2011. С. 385–397. И в нашей работе: *Канарш Г.Ю.* Прошлое и будущее национальной идеи в России // *Вестн. Рос. акад. наук.* 2014. Т. 84. № 5. С. 441–447.
- 52 *Шевченко В.Н.* Указ. соч. С. 86. Как здесь же отмечает Шевченко, «космический национальный проект вызвал к жизни мощнейший взрыв трудового энтузиазма» (там же).
- 53 Верно и то, что пишут исследователи о «полярном» характере русских (сочетание дефензивности с агрессивностью, жестокостью в определенные периоды российской истории), но агрессивность все же не есть *типично* российское.
- 54 *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 220.

Угрозы обществу в условиях нового научно-технологического цикла

Объект социальной философии – социальная форма движения материи во всей полноте ее проявлений. Различные стороны и закономерности бытия общества – земного типа социальной формы движения материи – изучают конкретные социальные науки, такие как социальная антропология, социология, этнология, политическая экономия, политология, культурология и т. п., которые являются теоретической базой социальной философии, интегрирующей их в обобщающую систему законов бытия общества и мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе.

Социальная философия – продукт теоретической деятельности людей, живущих в конкретном, исторически изменяющемся обществе. Философы, как и все другие люди, не могут быть независимы от общества, в котором живут. В силу различных условий жизни, собственного опыта, знаний, интересов, целей и других причин они создают различные философские теории бытия общества. Несмотря на свои парадигмальные различия, эти теории отражают и некоторые объективные законы функционирования объекта своего исследования. Знание этих законов помогает понять социум, в котором люди живут, выявить тенденции его исторической эволюции, дать рекомендации для практического достижения целей развития того или иного конкретного социального организма или человечества в целом. Данная функция социальной философии обуславливает правомерность и необходимость ее существования

в системе социального знания и структуре научных учреждений. Практическая значимость социальной философии возрастает в периоды назревания и осуществления коренных преобразований общества, когда возникает потребность в осмыслении перспектив его эволюции и особенно востребован прогностический потенциал философии.

В настоящее время человечество находится на распутье своего исторического бытия. Сейчас не только в интеллектуальном обществе остро осознается актуальность проблемы выживания человечества и определения возможного тренда дальнейшей эволюции. Масса обычных людей переживает чувство нестабильности, назревающей неотвратимости судьбоносных перемен в жизнедеятельности человечества. Такая ситуация обусловливается, в конечном счете, качественными изменениями используемых человеком средств преобразования окружающей действительности, возникших во многом из-за фундаментальных открытий естественных наук в начале–середине XX в. Речь идет об открытиях, приведших к коренному изменению места и роли человека в природе и обществе, к превращению отдельного человека в субъект эволюции планетарного социоприродного Универсума¹.

Впервые коренные изменения в развитии материальных производительных сил индустриального общества стали предметом философского осмысления в начале второй половины XX столетия. Тогда же для обозначения этого феномена возник термин «научно-техническая революция» (НТР). Бум исследований НТР пришелся на конец 1970-х – середину 1980-х гг. прошлого века. Социальные последствия и перспективы развертывания НТР, сулившие коренное преобразование бытия индустриального общества, явились предметом пристального внимания социальных философов во всем мире. Не стали исключением и отечественные философы.

В отделе исторического материализма Института философии АН СССР, преобразованном позднее в сектор социальной философии ИФ РАН, различные аспекты модернизации общества, связанные с развертыванием НТР, стали предметом специальных исследований. В 1980-е гг. учеными Института философии АН, сотрудниками других научных учреждений СССР и иностранными специалистами из ряда зарубежных стран (ГДР, Болгарии, Польши, Чехословакии, Монголии, Китая, Кубы, Вьетнама и др.)

были подготовлены и изданы коллективные труды², индивидуальные монографии и множество статей, в которых был достаточно полно осуществлен обзор вышедших к тому времени публикаций, представленных в них направлений и методологии исследования феномена НТР.

Непреходящая ценность проделанной работы заключалась в теоретическом обосновании и развитии методологии социально-философского понимания научно-технической революции на основе марксизма, где НТР интерпретировалась как социальный процесс, обуславливающий коренную модернизацию общества, аналогичную по своей исторической значимости промышленной революции. Последняя ознаменовала в свое время переход аграрного (традиционного) общества в стадию индустриального развития (современное общество) со всеми присущими ему проявлениями социального бытия.

Основанием для рассмотрения НТР как фактора модернизации индустриального общества стало представление о том, что наука, техника, технологии и сам человек в качестве главной производительной силы общества, представляют в своей совокупности атрибутивные компоненты бытия социума, а их развитие является внутренним источником движения земного типа социальной формы движения материи. В такой интерпретации НТР предстала в образе некоего рычага, с помощью которого осуществляется переворот во всей социальной жизнедеятельности общества. Научные и технологические революции с тех пор прочно обрели статус двигателей прогресса.

С началом перестройки, приведшей к демонтажу СССР и реставрации капитализма в России, исследования сущности социальных последствий развертывания НТР были свернуты по идеологическим соображениям, поскольку социальные следствия ее несовместимы с капиталистическим способом производства. Трактовка, содержание и историческая роль НТР в большинстве последовавших за этим публикаций свелись исключительно к технико-технологической модернизации производительных сил материального производства и иллюстрации особенностей превращения конкретных социальных организмов традиционного общества (в основном стран бывшего третьего и второго мира) в современное общество.

Завершающие десятилетия ушедшего века и начало нынешнего оказались насыщенными глубокими трансформациями социальной жизнедеятельности, которые нашли отражение в публикациях сектора социальной философии ИФ РАН³. Теория и практика всех сторон модернизации индустриального общества дают богатый материал для верификации – проверки чувственно данными «непосредственного опыта» – эвристической состоятельности социально-философской концепции НТР и выявления перспективы дальнейшей эволюции социальной действительности.

В последние годы была предпринята попытка, опираясь на социально-философское понимание НТР, рассмотреть процессы революционной трансформации производительных сил и их влияние на изменение предметного мира природы и общества, состояние планетарной экосистемы, перспективы естественной и социальной эволюции человека, определить вектор развития современного общества и др. Во избежание повторения обозначим пунктиром некоторые основные выводы проделанной работы с тем, чтобы полнее осветить другие социальные следствия развёртывания НТР.

На первых этапах становления НТР сущность этого феномена виделась в его проявлениях: химизации, автоматизации, кибернетизации, онаучивании процессов производства и т. п. В.Г. Федотова характеризовала НТР как технологическое применение фундаментальных наук, состоявшее в том, что паровая машина могла быть построена без термодинамики, равно как аэропланы без авиационной физики, а атомные электростанции не могли быть построены без ядерной физики, применение генетики в медицине и сельском хозяйстве не могло появиться без теоретической генетики, компьютеры обязаны своему происхождению булевой алгебре и другим разделам в математике, полеты в космос – найденной скоростью преодоления земной гравитации и развитием теорий этого рода⁴. Затем было предложено более адекватное понимание современной революции в производительных силах: этот переворот связывался с использованием в качестве орудий труда иницируемых человеком природных процессов микромира⁵, а так же применением фундаментальных наук в конкретных технологиях. Теперь, когда манипулирование с материальными объектами размером от 1 до 100 нанометров (1 нанометр равен 10^{-9} метра), т. е. применение нанотехнологий в материальном производстве стало обыденным

явлением, определение сущности НТР можно уточнить: НТР – коренной переворот (революция) в средствах воздействия человека на окружающую действительность, связанный с использованием в качестве орудий материальных частиц и процессов наноровня.

Широко применявшиеся в индустриальном производстве механические машины, орудиями которых являлись преобразованные по форме предметы природы, были способны изменять лишь форму предметов труда. Материальное производство было формообразующим. Готовые предметы потребления и отходы производства по существу оставались естественными объектами. Коренная систематическая трансформация структурных основ материального мира планеты началась с использованием нанотехнологий. С их помощью человек стал способен не только изменять форму вещества природы, но и качественно преобразовывать естественную природную среду, создавать несуществующие в природе вещества и процессы, по сути изменять саму структуру материи и тем самым фактически творить новую материальную среду своего существования.

Практическое овладение нанотехнологиями ведет не только к изменению мира неживой природы, но и живого вещества планеты. Нанотехнологии обусловили качественный скачок в геномной инженерии. Человек, манипулируя с генами живых организмов, при всех достижениях столкнулся с большими угрозами, начав быстрыми темпами в большом объеме продуцировать геномодифицированные организмы – подлинные химеры, несвойственные для естественных экосистем. Это ведет к качественному изменению биоты и биогенной среды обитания живых организмов и в целом к обострению экологической ситуации на Земле⁶.

Проблемы выживания человечества и биоты на планете обрели чрезвычайную актуальность в связи с другой глобальной угрозой их существованию. Не секрет, что нанотехнологии находят широкое применение в создании новых видов оружия массового и избирательного поражения: ядерного и термоядерного омницида, изменения климата, инициирования глобальных природных катаклизмов (цунами, землетрясений, извержений вулканов, создания озоновых дыр, различных излучений и т. п.), химических отравляющих веществ, патогенных организмов и других биологических средств воздействия на генетическом уровне для уничтожения раз-

личных живых организмов и даже для уничтожения людей определенной этнической или социальной принадлежности. Активно разрабатываются всевозможные психотропные технологии манипуляции людьми⁷.

Особая опасность использования нанотехнологий в современном обществе видится в том, что достижения нового технологического цикла, воплощаясь в технике и технологиях, становятся орудиями производства и шире – средствами воздействия на окружающую действительность и человечество, немалое число членов которого являются людьми психически, интеллектуально, нравственно и в целом социально незрелыми – инфантильными⁸.

Сейчас подавляющее большинство людей живет в отсталых и развивающихся странах с весьма низким уровнем жизни. В силу социально-экономических условий существования они не имеют необходимых условий для своего развития, адекватного сложности создаваемых в ходе научно-технологических изменений средств воздействия на окружающий мир. С годами по состоянию социальной зрелости они остаются «взрослыми детьми». Однако на своих рабочих местах, в быту, в роли военнослужащих они оперируют миром техники, вещей и процессов, созданных научно-технической революцией, неадекватное использование которых в любой момент времени может инициировать антропогенные процессы, способные привести к необратимым глобальным изменениям на планете (ядерная зима, техногенные и антропогенные катастрофы, эпидемии, геноцид и др.)⁹. Для применения таких средств существует множество предлогов в современном противоречивом, богатом острыми политическими, экономическими, национальными, этическими, классовыми, религиозными, идеологическими и другими конфликтами мире.

Уже сейчас отдельно взятый конкретный человек может привести в действие какое-либо из множества имеющихся в наличии средств, способных уничтожить человеческую цивилизацию и культуру и в целом жизнь на Земле, да и саму планету как космический объект. И нет никаких оснований уповать на страх перед самоуничтожением и различные технические средства как гарантии безопасности. Опыт двух последних мировых войн, послевоенное противостояние и практика наших дней дают право утверждать: реальное бытие современного общества разрушило три «великие

иллюзии, основанные на том, что гуманизм – естественное состояние человечества и человека... , что наука это абсолютное благо для овладевшего ею человека» и что научная рациональность способна предотвратить сценарий слепого самоуничтожения¹⁰. За то, что человечество пока еще существует, нужно, скорее, благодарить счастливый случай, везение, а не добрую волю людей.

Словом, научно-техническая революция, рожденная конкурентной борьбой за увеличение прибыли и соперничеством различных социальных систем, разделявших в XX в. человечество, дала в руки человека колоссальные материальные средства, в принципе способные как обеспечить безграничное существование человечества в пространстве и времени, так и стать катализатором обострения традиционных и качественно новых судьбоносных для бытия общества проблем.

На пике индустриального развития в Докладах Римскому Клубу главной темой стали глобальные проблемы развития человечества. В первоначальном виде глобальные проблемы отражали реалии и тенденции развития индустриального общества. Тогда, экстраполируя в будущее характерные для индустриального общества модели воспроизводства народонаселения, пришли к выводу о его неудержимом экспоненциальном росте и неспособности сельского хозяйства, базировавшегося на механической машинной технике и технологиях, практически исчерпавших потенции роста производительности труда, обеспечить растущее население планеты необходимым продовольствием. Более того, увеличение традиционных мощностей индустриального производства провоцировало так же и стремительный рост массы бытовых и промышленных отходов, катастрофическое загрязнение окружающей среды, ухудшение экологической ситуации и нарастание проявлений глобального антропогенного экологического кризиса. Все это рассматривалось как реальная угроза бытию общества.

Глобальные проблемы не утратили своей остроты и в настоящее время, когда действие нового научно-технологического цикла начало зримо проявляться в разных аспектах социальной жизни, и общество стало на путь постиндустриального развития. Однако в последние годы существенно изменилась социальная специфика этих проблем.

Освоение нанотехнологий, способных качественно преобразовывать глубинные основы материального мира, а именно, изменять структуру предмета труда – вещества природы – создает реальную возможность производить все из всего. Благодаря этому уже сейчас заметно снизилась острота проблемы истощения традиционных невозобновимых ресурсов (полезных ископаемых) и появилась возможность целенаправленного техногенного производства и воспроизводства в планетарном масштабе биогенных ресурсов: продовольствия, воды, химического состава атмосферного воздуха, поддержание мощности озонового экрана, обеспечение хиральной чистоты живого вещества планеты и вообще воспроизводство биогенных характеристик различных экосистем, включая планетарную экосистему – биосферу¹¹.

Это видно на примере производства продовольствия. В США еще в 2006 году 1 % трудоспособного населения, занятого в сельском хозяйстве, в полной мере обеспечивал продовольствием всех граждан этой 300 миллионной страны и производил большое количество продовольственных продуктов на экспорт. Почти полутора миллиардный Китай, активно заимствующий современные нанотехнологии, имея всего 7 % мировой пашни, существенно увеличил объемы производства сельскохозяйственной продукции, улучшил структуру питания и в полной мере обеспечил свое население продовольствием, реализуя при этом значительную их часть на внешнем рынке¹². Конечно, в современном мире глобальная продовольственная проблема далека от своего окончательного решения. Миллионы людей страдают от несбалансированного питания, недоедания и голода. Но, в принципе, глобальная продовольственная проблема перестала быть проблемой технико-технологической, следствием несовершенства агротехники, а стала проблемой социальной, демонстрирующей неспособность традиционных и индустриальных обществ обеспечивать их народонаселение продовольствием.

В разряд социальных переходят и проблемы экологические. Создание экологического производства (производство и воспроизводство биогенных условий существования) в его технико-технологическом воплощении, даже в планетарном масштабе, становится практически выполнимой задачей. Ее реализации препятствуют социальные причины. Они кроются в следующем.

Основа капиталистической системы хозяйства – товарное производство. Частный собственник производит только то, что может быть и является предметом купли-продажи. Планетарные биогенные условия существования живого вещества: атмосферный воздух, озоновый слой, мировой океан, радиационный фон планеты и т. п.; – в принципе не могут быть товаром. Их нельзя купить или продать. Поэтому в буржуазном обществе никто и не занимается производством и воспроизводством планетарных биогенных констант. Экологическое производство в глобальном масштабе может стать реальностью только там, где деятельность людей направлена не на производство товаров и прибыли, а на удовлетворение потребностей развития человека, включая потребности в благоприятных экологических условиях существования. Следовательно, дальнейшее развертывание научных и технологических инноваций в принципе переводит решение глобальной экологической проблемы из области технико-технологической в сферу проблем сугубо социальных¹³.

Демографические проблемы всегда рассматривались в социальном контексте. Однако, чаще всего рост народонаселения или процессы депопуляции в конкретных странах и в мире в целом Т. Мальтусом, связывались вслед за обеспеченностью населения продовольствием. И действительно, в традиционном и индустриальном обществах, бытие которых осуществлялось стихийно – как естественноисторический процесс, демографическая ситуация в планетарном масштабе определялась сложной системой взаимодействия человеческой популяции с окружающей природной средой. Обеспеченность человечества естественными природными ресурсами, включая во многом зависимое от климатических условий производство продовольствия, обуславливало процессы колебаний численности народонаселения и тенденции его изменения. Из такого именно понимания демографии строились прогнозы Римского Клуба и, в известной мере, демографическая концепция С.П. Капицы. Он пытался, максимально учитывая специфические социальные особенности динамики изменения планетарной человеческой популяции, обосновать идею фазового демографического перехода: смену экспоненциального роста народонаселения планеты стабилизацией его численности где-то на уровне 9–11 млрд человек¹⁴. В целом же все демографи-

ческие концепции находились в контексте парадигмы развития человечества, характерной для этапа естественноисторического бытия общества.

Новый научно-технологический цикл вносит существенные коррективы в динамику демографических процессов. Открывающаяся возможность превращения человека в автотрофное существо¹⁵, т. е. организм, независимый в удовлетворении своих потребностей в продовольствии, и шире – в материальных средствах к жизни, от живого вещества планеты, а также использование геной инженерии в медицине и сельскохозяйственном производстве существенно снижают роль естественного отбора и влияние окружающей среды на генофонд, здоровье и в целом – на эволюцию человеческой популяции. Это создает принципиально иные возможности для производства и воспроизводства человека. С учетом связанных с новым научно-технологическим циклом изменений в жизнедеятельности людей, повышением уровня их благосостояния и увеличением свободного времени процесс воспроизводства человека изменится настолько, что сегодня весьма проблематично более или менее точно предсказать по какому сценарию (экспоненциальному или какой-то другой модели роста, стабилизации на оптимальном уровне или депопуляции) пойдет процесс. Пока же мы видим, что демографическая ситуация складывается весьма драматично. Это обусловлено изменением ценностных ориентаций общества потребления, где рождение и содержание детей ограничивают возможности карьерного роста, благосостояния и возможности удовлетворения гедонистических потребностей родителей. С этим связано падение рождаемости и изменение возрастной структуры общества: уменьшение в процентном отношении, а часто и в абсолютном выражении численности лиц трудоспособного возраста и увеличение доли людей преклонных лет с проблемами их обеспечения средствами к жизни и обслуживания. Такая ситуация обуславливает сокращение занятых в сфере непосредственного материального производства, изменение социальной структуры общества, вынужденное привлечение рабочей силы извне, рост миграции и мигрантов и обострение в связи с этим этнических проблем и межэтнических отношений, перевод реального сектора производства в развивающиеся страны и там – широкий спектр связанных с этим социальных проблем. В общем, при сохранении

социально-экономической структуры современного общества, возрастание научно-технологических возможностей по существу обострило весь комплекс демографических проблем, сделало их развитие чреватými серьезными социальными потрясениями планетарного масштаба, предотвращение которых требует коренных преобразований социальной жизнедеятельности.

Несомненно, новый научно-технологический революционный цикл стал катализатором современных процессов глобализации экономики и связанных с ней проблем. В 1970–1980-е гг. И. Валлерстайн изобразил складывание мировой капиталистической экономики как становление и развитие капиталистической миросистемы, центрированной вокруг небольшого ядра развитых стран обширной периферии, представленной конгломератом стран с низким уровнем благосостояния, экономическое и социальное развитие которых контролируется этим ядром капиталистического мира¹⁶. Такая структура миросистемы обусловлена тем, что капиталистические страны, исторически возникшие на эффективных территориях (благоприятных для товарного производства)¹⁷ и опередившие свою экономическую ойкумену в промышленном прогрессе, могли быстро развиваться только за счет эксплуатации природных ресурсов, рабочей силы и широкого потребительского рынка периферии. Со сменой научно-технологических циклов на периферии стали размещать и «экологически грязные производства». Фактически страны периферии являются пасынками метрополии, которых держат в инфантильном состоянии, не позволяют им стать экономически независимыми и самостоятельно определять пути своего развития. Метрополия заинтересована в строго дозированном повышении их научно-технического и экономического потенциала, в их определенной социально-политической ориентации, обеспечивающей их лояльность лидерам капиталистического миропорядка. В этих целях периферии миросистемы предлагается догоняющая модернизация, как повторение пройденного центром – овладение техникой и технологией индустриального общества и дозированное использование новейших технологий, обрекающая их на научно-техническое отставание и подчиненное положение в мире¹⁸. Тем самым сохраняется статус-кво метрополии и ее мировое господство со всеми вытекающими последствиями – гарантиями незыблемости капиталистической миросистемы.

Это нашло свое отражение в идеологически ангажированных концепциях «конца истории» и «устойчивого развития»¹⁹. Эти концепции не выдерживают не только критику по существу, но и не соблюдают в своем обосновании элементарные правила логики. По мнению В.Г. Федотовой, устойчивое развитие – это эвфемизм неразвития для незападных стран²⁰. Идеология «устойчивого развития» провозглашает неизменность капиталистической асоциальной организации, что невозможно в принципе, ибо в процессе бытия человека непрерывно возникают новые ситуации, появляются новые потребности и соответствующие способы их удовлетворения, а значит, возникают новые орудия и формы предметной деятельности, которые создают соответствующие им новые формы социального бытия и способы общественного производства²¹. Сохранение капиталистической миросистемы и процессы глобализации экономики провоцируют обострение большинства социальных противоречий современности, поскольку втягивает в свою орбиту все большее количество стран и людей, не адаптированных к стремительным изменениям бытия человечества, обусловленным современным развертыванием научно-технического прогресса.

Как видим, технико-технологический переворот стал мощным катализатором трансформации судьбоносных глобальных проблем человечества. Он же существенно влияет на изменение всех сторон социальной реальности, определяет преобразование внешнего облика неорганического тела человека – очеловеченной природы, и социальной действительности в целом.

Достаточно наглядно можно продемонстрировать изменение внешнего облика цивилизации на частном примере влияния нанотехнологий на организацию пространства жизнедеятельности общества, скажем, в градостроительстве. Возможности создания с помощью нанотехнологий безграничной номенклатуры принципиально новых композиционных строительных материалов с заранее заданными свойствами: чрезвычайно легких и прочных, жестких и пластичных с различными теплоизолирующими свойствами, влаго- и жаростойких, разной степени прозрачности и звукоизоляции и т. д., и т. п. позволяют кардинально изменить существовавшие прежде способы и принципы организации жизни, труда, быта и отдыха людей²², коренным образом преобразить облик городов и других мест обитания человека: жилых и офисных помещений,

производственных и спортивных комплексов, транспортные артерии, географию поселений, каноны красоты архитектурных сооружений и множество других проявлений организации пространства жизни общества.

Столь же тотальные преобразования происходят и в других сферах деятельности: в медицине, фармакологии, сельскохозяйственном и промышленном производстве, СМИ, системе управления, в быту и бытовом обслуживании, в военно-промышленном производстве, в развитии транспорта, средств связи, научных исследованиях и образования и др. Список можно продолжать до бесконечности. Важно констатировать следующее: новый научный и технологический цикл стал реальностью, его развертывание происходит стремительно. Он обуславливает революционное преобразование – коренную модернизацию всех сторон жизнедеятельности общества, имеет очевидные достоинства, но и неизведанные риски.

Одним из принципиально значимых следствий научного и технологического развития стало изменение представлений о месте и роли отдельного человека в бытии социоприродного Универсума, что отражается в формировании новой мировоззренческой парадигмы. Для эпохи индустриального развития было характерно утверждение, что «один в поле не воин», один человек не в состоянии существенно изменить социоприродное целое. В условиях новых научно-технологических возможностей отдельный конкретный человек способен инициировать названные выше процессы, результаты протекания которых могут коренным образом изменить бытие планетарного социоприродного Универсума вплоть до уничтожения биосферы и планеты в целом. В результате отдельный человек становится субъектом эволюции планетарного целого²³.

В свете вызванных новым научно-технологическим этапом перемен в эволюции общества и становления новой мировоззренческой парадигмы, чрезвычайно актуальной становится проблема коренной трансформации экономического базиса общества и всех остальных направлений социальной жизнедеятельности, включая проблемы пересмотра целей и приоритетов использования технологических достижений и их переориентации на обеспечение условий безграничного бытия человечества в пространстве и времени.

Как утверждалось выше, модернизация общества на основе научных и технических революций была обусловлена не только внутренней логикой развития науки и техники, но главным образом, практическими потребностями капиталистической конкуренции и противостоянием разных политических систем. Внедрение принципиально новых технологий дает преимущества в производстве прибавочной стоимости. Поэтому собственники средств производства стремятся использовать научно – технические новшества в интересах производства, а нередко и в своих корыстных целях. Тем самым в условиях господствующего экономического способа производства стимулируется создание технико-технологического базиса, не свойственного для индустриального общества. Смена технико-технологического базиса манифестирует несоответствие уровня развития производительных сил характеру сохраняющихся производственных отношений общества.

За примером далеко ходить не надо. Обратимся к России. Она является типичным представителем индустриально развитых стран бывшего «второго мира», ставших периферией капиталистической мировой системы. В ней наиболее зримо проявились социальные проблемы, характерные для большинства индустриально развитых стран мира, вставших на путь современной коренной технико-технологической модернизации. Их можно описать в тех же терминах, которые отражали социальные процессы эпохи начала и расцвета индустриального общества, только с приставкой «де», обозначающие противоположные для модернизации традиционного общества процессы.

Прежде всего здесь действительностью стали деиндустриализация (разрушение или перевод в развивающиеся страны индустриального машинного производства); деквалификация рабочей силы сектора реального материального производства (работники часто меняют рабочие профессии, не требующие длительного обучения); нарастает процесс деклассирования – утраты классовой идентичности и размывание классовой структуры, свойственной индустриальному обществу; денационализация (стирание национальных особенностей и приоритетов как основы формирования буржуазных государственных образований); демобилизация вместо модернизационной мобилизации (потеря великих целей развития национального государства); деполитизация населения в

связи с разрушением классовой структуры общества и связанная с этим деидеологизация из-за господства навязанной населению идеологии «хозяев жизни»; экономическая депрессия во всем капиталистическом мире (спад темпов роста производства и затяжной финансово-экономический кризис); депопуляция коренного населения в странах метрополии и индустриальной периферии миросистемы, равно как перенаселение в неразвитых регионах мира; деградация классической системы образования, воспитания и науки и связанные с этим деморализация, деинтеллектуализация, десоциализация и дегуманизация (инфантилизация) основной массы людей и общества, что часто обозначают термином «дебилизация масс»; дезинтеграция – распад государственных организмов (СССР, Югославия, Чехословакия, Грузия, Украина, сепаратистские движения в Англии, Испании, Канаде, проблемы Евросоюза и обострение межэтнических конфликтов в государствах, проводящих политику мультикультурализма); устойчивая девальвация национальных валют и социальных ценностей. Все это обуславливает дестабилизацию экономики, социальных связей, нарастание напряженности в международных отношениях, увеличение числа и масштабов вооруженных конфликтов, провоцирует радикализацию социальных движений и политическое противостояние и хаотизацию социоприродного целого²⁴.

Отсюда понятно: современное развитие науки и техники не остается социально нейтральным. Связанная с использованием нанотехнологий «радикальная трансформация природы, становится частью радикальной трансформации общества»²⁵. Поскольку изменение направления научно-технического прогресса «невозможно без фундаментальных общественных изменений»²⁶, то закономерно обострение внутренних противоречий в любом социальном организме, которое «необходимо ведет к качественным изменениям – взрыву и катастрофе наличного положения дел»²⁷. Сегодня эволюция капиталистической миросистемы, ставшей благодаря НТР явлением планетарного масштаба, на этапе триумфа ее глобализации, наглядно демонстрирует глобальный кризис этой социальной системы²⁸ и подтверждает правоту материалистической социально-философской концепции, рассматривающей научно-технический переворот как общественное явление в контексте современного исторического процесса²⁹.

Кстати об эвристической ценности именно материалистической методологии анализа социальной действительности говорил величайший исследователь становления и развития капитализма М. Вебер: «Анализ социальных явлений и культурных процессов под углом зрения их экономической обусловленности был и... останется на все времена творческим и плодотворным научным принципом»³⁰.

Модернизацию и закат капитализма как конца предыстории и начала подлинной истории человечества предсказывали не только марксисты, но и их идеологические противники и даже апологеты существующего миропорядка. Достаточно назвать наиболее авторитетные имена западных исследователей. Так, З. Фрейд задолго до начала нового технико-технологического цикла считал: «Люди довели свою власть над силами природы до такой степени, что с их помощью они могли бы теперь легко уничтожить друг друга до последнего человека. Они это знают, и это по большей части является причиной их нынешней обеспокоенности, их подавленности, их мрачных предчувствий»³¹. М. Хайдеггер, называя современность «эпохой, завершенного обесмысливания», сетовал на то, что прежде «ужас перед бытием не был столь велик, как сегодня»³², а Т.В. Адорно полагал: «Всемирная история... ведет от пращи к мегабомбе. Ее завершение – тотальная угроза...»³³. Эту череду пессимистических оценок современности можно завершить сентенцией Ф. Бааде: «Нам следует понять, что человечество вступило в новый этап своей истории, этап, решающий для его дальнейшего существования... Перед человечеством стоит важнейшая задача, равной которой не знала вся его история. И она должна быть решена в столь сжатый срок, что об этом страшно подумать»³⁴.

Факты заставляют признать эти пессимистические пророчества весьма обоснованными и практически подтвержденными. Хотелось бы только внести в наши представления определенную дозу оптимизма, рожденную в недрах современной философии и отразившую объективную возможность благоприятного развития общества на материально-технической базе новых производительных сил. М. Хайдеггер, ощущая переворот всего человеческого бытия, у истоков которого на этом этапе технического прогресса стояло человечество, видел в этом кризисе «шанс нового начала»³⁵.

Преодоление современного кризиса бытия человечества и дальнейшая эволюция социоприродного Универсума не могут осуществляться на путях продолжения эволюционной капиталистической модернизации – совершенствования капитализма как такового. Здесь «...любые экономические и политические *реформы* изначально обречены на неудачу. Только посредством *тотальной революции* (изменения всего капиталистического способа производства социальной жизнедеятельности. – Ю.О.) можно преодолеть рамки актуальной ситуации»³⁶. И «если мы не будем действовать сейчас, то, похоже, капитализм станет смертью для нас гораздо раньше, чем кто-то надеется»³⁷.

Подводя итог, надо сказать: реалии современного общества подтверждают правоту тезиса К. Маркса о том, что «вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается так же и революция в производственных отношениях»³⁸. Идущие сейчас процессы заметно трансформируют все стороны буржуазного общества. И хотя суть капиталистического способа производства еще не подверглась коренному преобразованию, он утрачивает многие характеристики, адекватные этому способу социальной жизнедеятельности и обретает черты общества, которое может быть менее опасно для человечества. В его недрах скрываются зачатки новой социальной организации³⁹. Не случайно поэтому изменения, вызванные внедрением нано- и биотехнологий находят отражение в новых названиях самого капиталистического общества. Теперь его именуют «постиндустриальным», «технотронным», «информационным», «цивилизацией третьей волны», «открытым обществом», «обществом знания», «обществом потребления» и др.⁴⁰. Модернизация индустриального общества на основе технологий, соразмерных социоприродному Универсуму, идет к своему историческому завершению. Современный этап коренной модернизации общества вступил в фазу бифуркации – неравновесного состояния планетарного социоприродного Универсума. Его дальнейшая эволюция зависит от нашего понимания реальной ситуации и соответствующих практических действий.

Примечания

- ¹ См.: *Олейников Ю.В.* Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума // История и современность. 2011. № 14. С. 130.
- ² См.: НТР как социальный процесс / Под ред. Т.В. Керимовой. М., 1982; НТР и строительство социализма во Вьетнаме / Под ред. Ю.К. Плетникова. М., 1985; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: диалектика современной эпохи / Под ред. Ю.К. Плетникова. М., 1987.
- ³ См.: *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / Под ред. В.Г. Федотовой. М., 2010; Меняющаяся социальность: контуры будущего / Под ред. В.Г. Федотовой. М., 2012; Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Под ред. В.Г. Федотовой. М., 2013; и др.
- ⁴ См.: *Федотова В.Г.* Критика социокультурных ориентаций в современной буржуазной философии. Сциентизм и антисциентизм. М., 1981.
- ⁵ См.: *Олейников Ю.В.* Экологические альтернативы НТР. М., 1987. С. 28.
- ⁶ См. об этом подробнее: *Олейников Ю.В., Борзова Т.В.* Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ). М., 2008. С. 181–207.
- ⁷ См.: *Олейников Ю.В.* Коренная трансформация бытия социоприродного Универсума // Философия и культура. 2012. № 6. С. 30–43.
- ⁸ См.: *Олейников Ю.В.* Зрелое общество. Проблема, реальность, перспективы. М., 2010; *Поздняков Э.А.* Природа и сущность человека (мысли мизантропа и обскуранта). М., 2011; *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: философия другого начала. М., 2013. С. 116–118; *Свясяян К.* ...Но еще ночь. М., 2013. С. 37–45; *Калашиников М.* Дебилизация России и всего мира. Новое варварство. М., 2013; *Никонов А.П.* Между Сциллой и Харибдой. Последний выбор цивилизации. М., 2014. С. 151–184; *Добровольский Я.* Философия глупости. История того, что иррационально / Пер. с польского. Харьков, 2014.
- ⁹ См.: *Олейников Ю.В.* Перспективы эволюции планетарного социоприродного универсума // Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий / Под ред. И.К. Лисеева. М., 2014. С. 44–62.
- ¹⁰ *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2013. С. 548–556. См. так же: *Лоу Кит.* Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны / Пер. с англ. Л.А. Карповой. М., 2013; *Полицук М.Л.* Великое вопрошание. Философия на весах истории: эссе. М., 2012.
- ¹¹ *Олейников Ю.В.* Человечество на распутье: тенденции эволюции // Меняющаяся социальность: контуры будущего / Под ред. В.Г. Федотовой. М., 2012. С. 233–234.
- ¹² *Овчинников В.* Полтора миллиарда «человеко-ртов» // Рос. газ. 13.02.2014. С. 25.
- ¹³ *Олейников Ю.В.* Социальный аспект современной технико-технологической модернизации // Филос. науки. 2010. № 9. С. 37–49.
- ¹⁴ *Катица С.П.* Парадоксы роста: Законы развития человечества. М., 2010. С. 60–69.

- 15 См.: *Вернадский В.И.* Проблемы биохимии. М., 1980. С. 228–245.
- 16 *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI в. / Пер. с англ. Б.Л.Иноземцева. М., 2004.
- 17 См.: *Олейников Ю.В.* Природный фактор бытия российского социума. М., 2003.
- 18 Красноречивой иллюстрацией превращения России в периферийное государство капиталистической миросистемы является динамика эволюции ее социальной жизнедеятельности. См.: *Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г.* Белая книга России: строительство, перестройка и реформы: 1950–2012 гг. М., 2013.
- 19 См.: *Олейников Ю.В.* Альтернативы постиндустриальной модернизации // *Философия и культура.* 2013. № 5. С. 628–649.
- 20 См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.
- 21 См.: *Кондрашов П.Н.* Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / Под ред. К.Н. Любутина. М., 2014. С. 79.
- 22 См.: *Горохов В.Г.* Нанотехнологии. Эпистемологические проблемы теоретического исследования в современной технонауке // *Эпистемология и философия науки.* 2008. Т. XVII. С. 18.
- 23 См.: *Олейников Ю.В.* Коренное изменение места и роли человека в бытии социоприродного Универсума // *История и современность.* 2008. № 1, *он же.* Трансформация мировоззренческих представлений о месте и роли отдельного человека в эволюции социоприродного Универсума // *Науки о жизни и современная философия.* М., 2010. С. 234–254, *он же.* Изменение места и роли человека в эволюции социоприродного Универсума / Симферополь, 2009. № 1. С. 109–118.
- 24 Конгломерат подобных процессов, запущенных коренным изменением технико-технологического воздействия на природу, перечисляют в своих работах К. Ясперс и Ж. Бодрийяр. При этом последний применяет для их обозначения частицу «транс» (после): трансэкономика, трансполитика, трансэтика, транссексуальность и т. п. См.: *Бодрийяр Ж., Ясперс К.* Призрак толпы. М., 2014.
- 25 *Маркузе Г.* Критическая теория общества: Избр. работы по философии и социальной практике / Пер. с англ. А.А.Юдина. М., 2011. С. 361.
- 26 Там же. С. 85.
- 27 Там же. С. 143.
- 28 *Межуев В.М.* История, цивилизация и культура: опыт философского исследования. СПб., 2011. С.260.
- 29 См.: НТР как социальный процесс. М., 1987. С. 3–24.
- 30 *Вебер М.* Избр. произведения / Пер. с нем. М.И.Левина. М., 1990. С. 98.
- 31 *Freud S.* Civilisation and Its Discontents. N.Y., 1958. P. 109.
- 32 *Heidegger M.* Beitrag aus Philosophie. Fr. a/M., 2003. S. 139.
- 33 *Адорно Т.В.* Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М., 2011. С. 414.
- 34 *Бааде Ф.* Соревнование к 2000 г. Наше будущее: рай на земле или самоуничтожение человечества. М., 1962. С. 248.
- 35 См. об этом: *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время. М., 2002. С. 306, 475.

- ³⁶ Маркузе Г. Указ. соч. С. 185.
- ³⁷ См.: Иглтон Т. Почему Маркс был прав / Пер. с англ. П.Норвияло. М., 2012. С. 293.
- ³⁸ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 434.
- ³⁹ См.: Олейников Ю.В. Вектор социальных и мировоззренческих трансформаций современного общества // Исторические судьбы социализма / Под ред. Ю.К. Плетникова. М., 2004. С. 147–166, *он же*. От инфантильного бытия к зрелому обществу зрелых людей // Филос. науки. 2012. № 2. С. 36–48.
- ⁴⁰ См.: Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г. Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР. М., 2013. С. 27; Бехман Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. М., 2010.

В.П. Верякина

История персональной модернизации как ответ на вызовы современности

В наиболее общем виде модернизация понимается как переход от традиционного общества к современному, современности.

Связь современности с персональностью и трансформацией человека

Содержательное обоснование сути современности представлено разными подходами: поисками основного признака современности, описанием институциональной структуры современности, выявлением противоречий капитализма – так называемых дилемм современности. По мнению Д. Аптера, «быть современным – значит воспринимать жизнь как выбор, как предпочтение одного другому, как альтернативность»¹. Э. Гидденс делает акцент на описании институциональной структуры современности, выделяя четыре основных института: «капитализм (накопление капитала в условиях свободной конкуренции на рынке труда и на рынках сбыта); индустриализм (трансформация природы: развитие «созданной среды»); надзор (контроль над информацией и социальный контроль); военная мощь (контроль над средствами осуществления насилия в контексте индустриализации войны)»². И. Валлерстайн особо выделяет среди других так называемую дилемму «геокультурной повестки дня», суть которой – признание центральной роли индивида в качестве субъекта истории, что было невозможным в традиционном

обществе. Процесс индивидуализации и возникающий на ее почве индивидуализм являются амбивалентными по существу. С одной стороны, индивидуальная инициатива, творческие способности индивида и стремление к личной выгоде используются для процветания и сохранения системы (капитализма), но с другой – это борьба всех против всех в особо жестокой форме, и не только для малочисленной элиты, но и для всего человечества. С самого начала капиталистической цивилизации, считает И. Валлерстайн, серьезной проблемой было примирение положительных и отрицательных последствий превращения индивида в субъект истории. Механизмами сдерживания противоречия, связанного с индивидуализацией, были две практики: универсализм, подчеркивающий моральную гомогенизацию человечества, и расизм-сексизм, основная идея которого состоит в том, что люди не наделены одинаковыми человеческими правами, а, скорее, выстроены в биологически или культурно определенную иерархию, причем обе практики развились в тандеме одновременно за 500 лет существования капиталистической цивилизации и составили некий баланс, где универсализм оправдывает положительную версию для меньшинства, а расизм-сексизм выступает оправданием худшей версии, адресатом которой является большинство³. Отмеченные подходы акцентируют важнейшие аспекты современности, но сущностная, философская сторона современности при этом остается в тени. На философское понимание современности обратил внимание Б.Г. Капустин, органично соотнеся современность с необходимостью персональной модернизации. Современность, по его мнению, обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимизировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ. Этот подрыв и распад высших ценностей в западноевропейском обществе Нового времени не привел к «уходу в трансценденцию», новую, более истинную и глубокую, чем прежняя: «Современность заявляет себя, прежде всего как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка. Если нет более той структуры реальности, которая «объективно» задает «общую концепцию человеческой деятельности», то «принципом современного общества», как его формулирует Г.В. Гегель в «Феноменологии духа», выступает «*абсолютная самостоятельность*» индивида,

т. е. непосредственная достоверность себя самого... и тем самым, *“безусловное бытие”*⁴ (курсив наш. – В.В.). Эта абсолютная самостоятельность индивида как принцип современного общества может обернуться тотальностью эгоизма (со всеми вытекающими последствиями), который нейтрализуется в разных культурно-исторических контекстах современности институциональными, духовными средствами, с помощью которых решается проблема порядка. С точки зрения Б.Г. Капустина, которую мы разделяем, «всю историю современности как историю разных обществ, столкнувшихся с “абсолютной самостоятельностью” индивида, можно представить в виде серий удачных и неудачных попыток достичь и поддерживать общественный порядок»⁵. Переход от традиционного общества к современному осмысливается, прежде всего, как индивидуализация. Базовой социальной единицей во все большей степени становится индивид, а не группа. Это сопровождается важнейшими социальными изменениями, связанными с передачей функций, ранее принадлежавших «семье», специализированным социальным институтам, которые действуют на основе универсальных правил, предполагающих научную экспертизу. Модернизируются как социальные институты, так и индивид, и его «абсолютная самостоятельность» принимает также конкретно-исторические формы.

И эта сторона персональной модернизации является столь же важной, как и институциональная модернизация, хотя в меньшей степени исследованной. Ее анализ предполагает ответы на вопросы: что такое *современный человек*, каковы его характеристики, признаки, исторические истоки современного человека и этапы его социальных изменений, доминирующие модели человека, соответствующие этапам современности, особенности происходящих сегодня процессов персональной модернизации, ее риски и амбивалентность.

Если под *персональной модернизацией* понимать *проблематизацию взаимодействия индивида с социальными институтами современности*, к которым, как правило, относят капитализм, представительскую демократию, централизованные и технологизированные аппараты насилия и войны, индустриализм, рационально организованную бюрократию, технику массовых коммуникаций и т. д., то данная проблематизация всегда складывалась как реакция на соотношение свободы и порядка и менялась с изменением си-

туаций. Именно поэтому персональная модернизация в историческом измерении предстает как многообразие моделей человека, его образов, характеров, и не исчерпывается проявлением в какой-то одной общественной сфере, например, экономической: «Проблема современности состоит именно в том, как возможно общежитие в условиях конфликтного плюрализма моральных, религиозных, политических воззрений, различных до противоположности “стилей жизни”, не сводимых к общему знаменателю и не примиряемых посредством обращения к “объективной” и самоочевидной истине, того, каким надлежит быть человеку и обществу»⁶. Исходя из такого понимания современности, персональная модернизация, т. е. историческая трансформация человека, его образа, является *процессуальной, обусловленной в первую очередь изменившимся социокультурным и историческим контекстом* и отвечающим на запросы сложившейся ситуации. Каждый из этапов данного процесса имеет свои доминирующие модели человека, которые сами подвержены изменению и трансформации в последующем развитии на основе рефлексивности, критики и новых запросов истории.

Исторические истоки персональной модернизации: «Номо capitalismus» В. Зомбарта, К. Поланьи, М. Вебера

Становление капитализма как определенного типа социального порядка требовало и определенных, отличных от традиционного общества, мировоззренческих ориентаций и определенных типов человеческой личности, способных действовать на свой страх и риск, не полагаясь на блага, дающие индивиду принадлежность к той или иной корпоративной структуре. Индивидуализм и антропоцентризм становятся императивами нового социального порядка. Вместе с тем, истолковываться они могут по-разному. В. Зомбарт, видный социолог и историк становления капитализма, пишет об этом так: «Торгаш и герой... образуют два великих тезиса... два полюса ориентации человека на Земле. Торгаш... подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? Он хочет брать... хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку; это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? Он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертво-

вать собой без какого-либо ответного дара; это значит, что он богат. Торгаш говорит только о “правах”, герой – только о лежащем на нем долге...»⁷.

В. Зомбарт критикует нищету торгашеского мировоззрения и исповедующего его адепта – торгоша во всех социальных направлениях деятельности: хозяйственной, научной, государственной, военной. В Зомбарте говорит романтический немецкий дух протеста против английской буржуазности и говорит зло: «В этих низинах этики социальной взаимности рождаются и представления торгоша о “справедливости” и “свободе”... Каждый свободен делать что захочет, пока он не наносит этим вреда такой же свободе всякого другого». По мнению В. Зомбарта, свобода уравнивается с произволом (в позитивном) и независимостью (в негативном) смысле и выглядит как подведение баланса торговых сделок. Выживает сильнейший и наиболее приспособленный к капиталистическому типу общества.

Героический дух идентифицируется В. Зомбартом, прежде всего, с духом немецким. Его представляют люди долга. Немецкие философы – Шопенгауэр, Гегель, Кант, Фихте, Ницше, Гете во все времена с решимостью отвергали утилитаризм, эвдемонизм, т. е. философию выгоды, счастья и наслаждения, отвергая идеал мелких лавочников, видели «низость» в том, чтобы любить свое эмпирическое благополучие и побуждаться только страхом перед его утратой или надеждой на обретение в нынешней или грядущей жизни (Фихте), воспринимать жизнь не как подарок, предназначенный для наслаждения, а как задачу, над которой нужно потрудиться (Шопенгауэр), восходить из низшей, чувственной жизни к высшей, духовной, что составляет смысл земных скитаний (Ницше), следовать долгу, как категорическому нравственному императиву и относиться к собственному существу, которое есть не что иное, как личность, то есть свобода и независимость от всего природного механизма, не иначе как с почтением, а к его законам – с высочайшим вниманием (И. Кант). Добродетели героя противоположны добродетелям торгоша.

Этот анализ показывает неустранимость антитезы ценностных мировоззренческих ориентаций человека на Земле, с одной стороны, и введением мировоззренческой составляющей в качестве важнейшего компонента в трактовке типа экономического человека времен его становления.

Человеческое измерение динамики капитализма, предпринятое В. Зомбартом, помимо анализа мировоззренческих ориентаций экономического человека, представлено описанием душевных качеств предпринимателя как главной фигуры капиталистического производства, типов капиталистических предпринимателей, сравнительными характеристиками буржуа старого и нового стиля, характеристиками предпринимательских и мещанских буржуазных натур.

Существует некая предрасположенность «по природе» в качестве определенных душевных свойств к предпринимательской деятельности. Резюмируя позицию Зомбарта, можно сказать, что предпринимательские натуры – это люди с ярко выраженной интеллектуально-волево-характеристической одаренностью, которой они должны обладать сверх обычной степени, чтобы совершить великое, и с зачехнувшей чувственной и душевной жизнью.

В. Зомбарт подчеркивает, что отличие мещанина от не мещанина выражает глубокое различие существа двух человеческих типов. Можно сказать, что люди бывают либо отдающими, либо берущими. Оба типа – отдающие и берущие люди, сеньориальные и мещанские натуры различно оценивают мир и жизнь, они – резкие противоположности во всякой жизненной ситуации. «У тех (отдающие люди. – *В.В.*) верховные ситуации, субъективные, личные, у этих (берущие люди. – *В.В.*) объективные, вещные... те от природы – люди наслаждения жизнью, эти – прирожденные люди долга; те – единичные личности, эти – стадные люди, те – люди личности, эти – люди вещей...»⁸. В итоге, вывод таков: противоположная предрасположенность находит выражение и в оценке деятельности человека. Одни признают только такую деятельность высокой и достойной, которая делает человека высоким и достойным как личность. Другие объявляют все занятия равноценными, т. к. они полезны. Это различие непонимания отделяет культурные миры друг от друга в зависимости от того, господствуют те или иные воззрения. Из соединения качеств предпринимательской и мещанской натур возникает образ буржуа, и степень массовости у разных народов подобного типа людей различается.

Из страсти к наживе и предпринимательского духа, из мещанства и отчетности строится сложная психика буржуа, которая при этом эволюционирует от раннекапиталистического к

современному этапу развития. Сравним характерные черты буржуа старого стиля и современного экономического человека по В. Зомбарту⁹.

Буржуа старого стиля: богатство ценится, нажить его – горячо желаемая цель, но оно не должно быть самоцелью; оно должно только служить к тому, чтобы создавать или сохранять жизненные ценности; отношение к деловой жизни аналогичное отношению к смыслу наживы. Темп деятельности – спокойный; отношение к конкуренции: соответствует характеру спокойного ведения дела, «ловля клиентов» считается безнравственной, «нехристианской»; отношение к технике: прогресс в технике желателен только тогда, когда он не разрушает человеческого счастья.

Современный экономический человек: идеал и ценности – живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями вытеснен из центра круга интересов и заменен абстракциями наживы и дела, человек перестал быть тем, чем оставался до конца раннекапиталистической эпохи – мерой всех вещей; скорость события и предпринятого интересует современного человека так же, как и массовый характер. Скорость и величина соединяются в понятии рекорда; новое возбуждает любопытство, потому что оно ново. Новизна, сенсация, мода – важное стремление современного человека; стремление к могуществу – признак современного духа, радость от того, что имеешь возможность показать свое превосходство над другими.

Подводя итог, оценивающий вклад В. Зомбарта, можно выделить следующее. В капитализме он видит отход от заданных традицией образцов, индивидуализм и стремление к обогащению. Палитра человеческих типажей создает многообразие «*homo capitalismus*»: это не только благочестивые трудоголики-протестанты, но и маргиналы-грабители, откупщики, авантюристы, собирательный образ которых несет в себе такие человеческие качества, как изобретательность, организаторские способности, пренебрежение христианскими заповедями, решимость в достижении цели, невзирая на средства. Это образ человека, рациональный душевный механизм которого должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности, создать новый искусственный образ человека. Будучи наследником исторической школы, В. Зомбарт не принимал тезисы классической политэкономии, провозгласившей «есте-

ственным» поведение «разумного эгоиста», рационально подбирающего средства для достижения своих целей. «Homo economicus» в экономических теориях как XIX в., так и сегодня стремится к выгоде, тем самым способствуя общему благу, поскольку из эгоистических устремлений частных лиц «невидимая рука рынка» создает гармонию, именуемую равновесием спроса и предложения.

Можно солидаризироваться с оценкой В. Зомбарта, данной ему как теоретику¹⁰: его можно считать одним из тех авторов, которые подготовили современный институционализм, для него технические изобретения и инновации порождены стимулами, идущими не только от экономики, но и от многообразных социальных подсистем (юридической, системы контроля за выполнением контрактов, защиты прав собственности, существующих технических систем, образования, институтов культуры, искусства). Таким образом, В. Зомбарт связывает *исторические истоки персональной модернизации с историей духовного развития современного экономического человека, с выделением неустранимой антитезы ценностных мировоззренческих ориентаций, описывает модель человека-предпринимателя и выводит на историческую арену палитру человеческих типажей, создающих многообразие «homo capitalismus».*

К. Поланьи дает описание и объяснение содержательных процессов перехода к ранней, а затем зрелой фазе капитализма в связи с соответствующими изменениями роли человека в данной системе социального порядка. В отличие от предшествующего этапа исторического развития, капитализм сформировал рынок факторов производства, что способствовало промышленной революции и становлению индустриального общества, а затем, впоследствии, и общества массового, общества потребления. Процессы универсализации рыночного механизма имели в себе опасности для общества. Аргументы Поланьи: ключевым моментом является то, что основные факторы промышленности – труд, земля и деньги, но труд и землю представляют человеческие существа, из которых состоит всякое общество и естественная среда, в которой они живут. Включить их в рыночный механизм – значит подчинить законам рынка самую субстанцию общества. Совершенно очевидно, что труд, земля, деньги – это отнюдь не товары и применительно к ним принцип «продаваемое и покупаемое производится для продажи»,

он считает ложным. Труд – это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, которая связана с самим процессом жизни, которая «производится» не для продажи, а имеет иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот. К. Поланьи пишет: «Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы, в конечном счете, уничтожить человеческое общество. Ибо мнимый товар под названием “рабочая сила” невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность, которая является носителем этого весьма своеобразного товара. Распоряжаясь “рабочей силой” человека, рыночная система, в то же самое время, распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым “человек”, существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием. Лишенные предохраняющего заслона в виде системы культурных институтов, люди будут погибать вследствие своей социальной незащищенности; они станут жертвами порока, разврата, преступности и голода, порожденными резкими и мучительными социальными сдвигами»¹¹.

На ранних этапах развития капитализма общество противилось любым попыткам превратить человека в простой довесок к рынку, но рыночная экономика без рынка труда немыслима. Например, в самый бурный период промышленной революции в Англии был принят закон Спинхемленда или «система денежной помощи» бедным, которая выдавалась к зарплате в соответствии со специальной шкалой. Эта шкала вводила такое социально-экономическое новшество как «право на жизнь» и до 1834 г. успешно противодействовала созданию конкурентного рынка труда и была препятствием капиталистической экономике. «Право на жизнь» оказалось смирительной рубашкой, хотя ни одна социальная мера не встречала столь всеобщего одобрения. Родители были избавлены от заботы о детях, а дети больше не зависели от родителей; хозяева могли сколь угодно понижать зарплату, а их работникам, как усердным, так и нерадивым, уже не грозил

голод. «Конечный результат оказался ужасающим. Хотя прошло известное время, прежде чем простой человек утратил чувство собственного достоинства настолько, чтобы сознательно предпочитать пособие для бедных заработной плате, его заработная плата, субсидируемая обществом, не могла падать до бесконечности, обрекая его тем самым на судьбу получателя пособия... Не учитывая долговременных последствий денежной помощи, невозможно объяснить всю нравственную и социальную деградацию эпохи раннего капитализма»¹².

Поланьи отмечает, что все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом. Фигура паупера была в центре дискуссий, а в спорах вокруг закона о бедных формировались взгляды Бентама и Берка, Годвина и Мальтуса, Рикардо и Маркса, Оуэна и Милля, Дарвина и Спенсера, которые и были духовными родителями цивилизации XIX в. вместе с Французской революцией. Именно тогда открылась новая реальность – общество, где социальная связь и социальное взаимодействие составляют его суть. Родилась вдохновляющая концепция прогресса, которая, как казалось, оправдывала грандиозные и мучительные потрясения, ожидавшие человека в будущем. Пауперизм, политическая экономия и открытие общества находились между собой в теснейшей связи. Пауперизм привлек внимание к тому непостижимому факту, что бедность растет вместе с богатством, но это был первый из обескураживающих парадоксов, перед которыми индустриальное общество поставило современного человека. Экономический и материалистический дух господствовал. Для Рикардо и Мальтуса они означали предел человеческих возможностей. Годвин верил в безграничные возможности человека и поэтому отвергал законы рынка. Лишь Р. Оуэн постиг то, что человеческие возможности ограничены не законами рынка, а законами самого общества, он сумел под покровом рынка разглядеть нарождающуюся реальность общества, но это прозрение оказалось исторически несвоевременным. Вместе с тем его теоретические постулаты могут быть до сих пор актуальны для стран, находящихся на этапе индустриального становления. Ни один мыслитель, считает Поланьи, не постигал феномен индустриального общества глубже, чем Оуэн. Он ясно сознавал различие между обществом и государством; не имея предубеждения против государства, он ожидал от него только

того, что оно могло свершить – разумного вмешательства с целью предотвратить ущерб для граждан, а вовсе не с намерением определять внутреннюю организацию общества. Он не питал никакой враждебности к машинам, нейтральный характер которых был для него очевиден. Ни политический механизм государства, ни технологический аппарат машинного производства не заслонял от него главного феномена – общества. Именно открытие общества заставило его понять следующую истину: поскольку общество реально, человек должен ему, в конце концов, подчиниться. Он также обратил внимание на неустрашимые границы свободы. Эта граница станет очевидной лишь после того, как человек, пользуясь своими новыми возможностями, в корне преобразует общество. Фактически, по мнению К. Поланьи, Р. Оуэн описал пути, на которые вступило западное человечество, и те громадные последствия, которые влечет за собой фабричное производство.

М. Вебер связывает исторические истоки необходимости персональной модернизации с этикой протестантизма, трудовой аскезой и трудом как призванием. «Капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов – предпринимателей и рабочих – посредством экономического *отбора*. Для того чтобы он мог осуществиться в соответствии со спецификой капитализма в сфере жизненного уклада и профессиональной деятельности, он должен возникнуть не у отдельных изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являются *группы* людей»¹³. Вместе с тем, следует отметить, что образец поведения задают отдельные индивиды, а противоречие между харизмой и рутинизацией играет главную роль в социальных изменениях. Такой подход может иметь большой творческий потенциал влияния на динамику социальных изменений. Исследователи творчества М. Вебера отмечают: «В антропологическом плане Вебер находит две характеристики личности, которые могут определить как ее инновационное, так и устойчивое поведение и которые могли бы в моральном плане стать опорой для рутинизации протестантизма – превращения его из религии секты, ищущей спасения для немногих верующих, в широко распространенное мировоззрение – протестантскую этику, связанную с обмирщением протестантизма и нахождением

его земных предназначений. *Это – персональность и внутренняя дистанция»* (курсив наш. – В.В.). Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневности... Внутренняя дистанция, в понимании Вебера, означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения и ценностей, которые не соответствуют персональности, твердым принципам индивида»¹⁴. Отметим, что в представленном М. Вебером человеке, соответствующем духу капитализма, выделяются нормативные, социокультурные особенности, но не инструментальные и сугубо функциональные. Динамика персональной модернизации на этапах, последующих за либеральной современностью, будет многократно колебаться между полюсами нормативизма и инструментализма. «Нет сомнения, что Запад стал отличаться от остального мира не наличием природных богатств, полезных ископаемых, а прежде всего появлением нового, отличного от средневекового, человека. Этот человек получил название автономного, ответственного индивида, т. е. такого, кто сам мог планировать свою судьбу, решать им самим поставленные задачи, не порывая с социальным целым. Именно такой человек описан у М. Вебера»¹⁵.

Позднее, в исследованиях 70-х гг. XX в., в работах А. Айнкелеса и Д. Смита была верифицирована на основе эмпирических исследований модель современного человека, которая претерпевает радикальные трансформации в зависимости от потребностей доминирования целерациональных систем капитализма – экономики, техники, политики. Можно предположить, в будущем доминирование нормативного ядра культуры как целерациональной системы вернет с необходимостью на историческую арену действия свободного, автономного и ответственного индивида, где цель – достижение человеческого достоинства – станет определяющей. Вместе с тем, исторические вызовы современности выводили на эту арену в ходе персональной модернизации идеально-типические образы экономического человека, человека модульного, а также массового человека.

Исторические этапы персональной модернизации: модульный, экономический и массовый человек

В настоящее время существует множество теорий модернизации, выделяющих важные стороны или этапы исторического процесса модернизации и значительно меньшее число работ, в которых выстраивается универсальная логика исторического изменения человека. Даже в обширном проекте «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае», подготовленным китайской Академией наук и в материалах конференции по этой проблеме, отмечается, что модернизация связана с индивидуализацией, изменением качества жизни и рассмотрением человека как ресурса социально-экономического развития, а вопрос об индивидуальной модернизации относится к частным теориям¹⁶. Вместе с тем, в материалах Конференции выделен раздел, посвященный поведению индивидов, где «универсальные элементы цивилизации – гендерные роли, любовь, базовые потребности и этикет в традиционном обществе представлены консервативностью, пассивностью, ценностью общности, а на этапе первичной модернизации (индустриальное общество) – открытостью, активностью, равноправием, независимостью, ценностью индивида. На этапе вторичной модернизации (общество знаний) – инновациями, обучением на протяжении всей жизни, индивидуализацией, счастьем и самореализацией»¹⁷.

Одной из первых попыток построить теорию персональной модернизации был проект А. Айнкелеса и Д. Смита, опирающийся на значительный объем эмпирических социологических и психологических исследований в шести развивающихся странах в 70-е гг. XX в. в Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии и Восточном Пакистане (Бангладеш). Основная цель исследования заключалась в том, чтобы изучить систему персональных качеств людей в зависимости от организационных свойств институтов и ролей, в которые они вовлечены, и тем самым более глубоко понять сущность социальных процессов, а вместе с пониманием создать возможности для выбора эффективной политики национального развития. В результате была построена модель современного человека, которая не является умозрительной конструкцией теоретиков-социологов. Выявленные качества соответствуют реальным индивидам, они распространены в различных культурах и разных странах: «Это хорошо

информированный, принимающий участие в жизни общества граждан; у него заметно выражено чувство собственной значимости; он крайне независим и самостоятелен в своих отношениях к традиционным источникам влияния, особенно когда принимает важные решения о том, как ему вести его собственные дела; он открыт для нового опыта и идей, что означает, что он относительно непредвзят и достаточно гибок»¹⁸. Эти четыре качества современного человека согласуются друг с другом и не исчерпываются только этим перечнем, так как, в отличие от модели традиционного человека, которую также предложили эти ученые, он своеобразен и в подходе ко времени, личностному и социальному планированию, правам зависимых от него людей. В результате этого масштабного проекта было выяснено: *становление человека современного происходит в течение всей жизни в результате контактов с современными социальными институтами*. К ним в первую очередь относятся образование (школа), фабрика (завод), т. е. работа в промышленном производстве, средства массовой информации. Причем, в исследуемых странах фактор образования неизменно возникал как наиболее влиятельная сила в формировании показателей современного характера, а опыт работы в промышленности и СМИ разделили второе место почти поровну. Люди меняются под влиянием модернизирующихся институтов, но это влияние не является автоматическим, прогресс персональной модернизации требует личных усилий. Социальная значимость персональной модернизации заключается в том, что изменения в отношениях и ценностных установках, определяющих современный характер человека, сопровождаются в свою очередь тем, что они влияют на трансформацию в политических и экономических институтах и ведут к модернизации государств. Внедрение современных институтов, в том числе и политических, заимствованных извне, или навязанных элитой сверху, оказывается бесполезным до тех пор, пока не появятся активные – заинтересованные, информированные и образованные граждане, которые заставят эти институты по-настоящему эффективно работать. «Мы считаем, – резюмируют авторы проекта, – что ни стремительный экономический рост, ни сильное правительство не могут развиваться и иметь продолжительного действия без широкого распространения среди населения качеств, характерных для современного человека. В условиях современного мира качества индивидуального современного

характера уже не роскошь, а необходимость. Они не малозначимое приобретение процесса индустриальной модернизации, а неперемное условие для долгосрочного успешного развития. Распространение среди населения качеств современного характера, присущих процессу социального развития, это сама суть государственного развития»¹⁹. Выявленный в данном проекте социально-психологический концепт «индивидуальной (персональной) современности» относится к развивающимся странам, ориентирующимся, в первую очередь, в индустриальный период на модель догоняющей модернизации, человеческое измерение которой составляет идеальный тип свободного, автономного и ответственного индивида, свободного от пут традиций, ограничивающих предприимчивость и открытость для инноваций, автономия которого выражается в независимости от сословно-статусной заданной идентичности и соответствующей ей социальной роли, а также ответственного за свой жизненный выбор и результаты деятельности, а в настоящий момент включают в себя черты следования собственной культуре, присущие третьему модерну. Вместе с тем, эти же качества современного характера образуют известное «средство» с признаками человеческого капитала, востребованными на более поздних этапах персональной модернизации в информационном обществе, обществе знаний.

Важно отметить, что проблематизация связи и взаимодействия институтов современности с находящимися под их влиянием индивидами, определяющая суть персональной модернизации, носит контекстуальный и процессуальный характер. Она не дана раз и навсегда в неизменном виде. Современность неоднородна по качественным содержательным характеристикам, в ней обновляются доминирующие социальные институты, она неоднородна по своим качественным этапам. Концепция качественно различных этапов современности и соответствующей им логики трансформации человека, была предложена отечественными исследователями В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой. Этапам либеральной, организованной и существующей в настоящее время современности соответствует своя логика исторической модернизации человека. «Автономный ответственный индивид – модульный человек – экономический человек» Первой современности; массовый – манипулируемый организациями и техноструктурами – добившийся справедливого распределения через социал-де-

мократические установления – ставший потребителем в потребительском обществе – бунтарем в моменты его кризиса. Третья современность еще не сформировалась. Она началась с 90-х гг. XX в. и человек здесь сначала попытался освоить черты Первой современности – быть экономическим, оставаясь массовым потребителем, что Первой современности не свойственно»²⁰. Если свободный автономный, ответственный индивид возникает на этапе либеральной современности и получает свои характерные особенности в сравнении с типом традиционного человека, то модульный человек составляет «матрицу» Первой современности.

Модульный человек – индивидуализация без заданной спецификации

Понятие «модульного человека» в научный оборот ввел Э. Геллнер – ученый факультета социальной антропологии Кембриджского университета, а впоследствии – сотрудник Центра по изучению национализма Центральноевропейского университета в Праге. Э. Геллнер связывает возможности и необходимость гражданского общества с появлением модульного человека. Вопрос, как вообще возможно гражданское общество, он конкретизирует вопросами о том, каким образом можно достичь индивидуализации, избежав при этом политической индоктринации самостоятельного человека, как при этом получить уравнивающие государство политические ассоциации, не закрепощающие своих членов атмосферой удушающей несвободы. Гражданское общество позволяет это сделать, так как ключевым моментом является модульный человек. «Модульный человек способен встраиваться в эффективные институты и ассоциации, которые *не обязательно* должны быть тотальными, ритуально оформленными»; «...он может... входить во временные союзы, имеющие “вполне определенную конкретную цель” и покидать их, если не согласен с их политикой, и никто не станет обвинять его в измене»²¹.

Суть гражданского общества заключается в формировании связей, которые оказываются эффективными и в то же время являются гибкими, специализированными, инструментальными. И модульный человек отвечает этим запросам, так как он похож на

других представителей и вместе с тем открыт новому опыту, следствием которого является его переменчивость. «Современный модульный человек может перемещаться в социуме не только потому, что он похож на других представителей своей культуры, и может играть в ней роль пастуха, или крестьянина, или какую-то иную роль, изначально заложенную в ее нормативном фундаменте. Напротив, он готов к любым переменам... в своих занятиях и своей деятельности. Его модульность – это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи. И если понадобится, в его распоряжении всегда есть руководства и учебники, которые позволят ему, пользуясь языком данной культуры, освоить практически любое дело»²². Именно в этом состоит подлинная модульность, в отличие от примитивной схожести, и тем самым взаимозаменяемости членов предшествующих исторических сообществ. Так понятый модульный человек – это любая возможность индивидуализации без заранее обозначенной и жесткой спецификации или специализации. «Только современный модульный человек является одновременно индивидуалистом и эгалитаристом, и, тем не менее отличается способностью, объединяясь со своими согражданами, слаженно противостоять государству и решать задачи в диапазоне невероятным по своему разнообразию. Появление (и воспроизводство) такого человека является проблемой проблем гражданского общества»²³. Возникновение модульного человека стало ответом и на такие вызовы современности как индустриализм, ибо эффективность развития капитализма явилась условием мобильности общества, т. е. взаимозаменяемости его членов, а также условием постоянной массовой анонимной коммуникации людей как представителей определенной кодифицированной культуры. Персональная модернизация, связанная с появлением на исторической арене модульного человека как реальности и как идеально-типического образа, впоследствии наполняемого изменяющимся историческим содержанием, имела принципиальное значение. «Модульное устройство человека, тесно связанное с индустриальным, ориентированным на развитие обществом, имеет два аспекта... Во-первых, оно делает *возможным* гражданское общество, т. е. систему уравнивающих государство плюралистических ассоциаций и экономических институтов, которые, однако, не закрепощают человека. Во-вторых, оно *обязательно*

повышает значение этнической идентичности, поскольку человек уже не привязан к раз и навсегда заданной социальной нише, а вместо этого приобщен к некоторому пространству культуры»²⁴. Можно добавить, в-третьих, что риски модульного человека, в силу его адаптивности и открытости, связаны, на наш взгляд, с возможностями социального конформизма и индоктринации. Обратим внимание на то, что в процессе социального развития «модульный человек автономен и ответственен, но менее свободен, чем прежде: он может быть уподоблен “кирпичику” и представляет собой готовый для строительства западного общества “блок”. Эта концепция имплицитно содержит критику упрощения человека, направившего все усилия на эффективное стяжание благ, показывая нового западного человека в более широком плане, не сводимом к экономике»²⁵, но реально такое сведение произойдет вследствие разрыва таких людей с высокой культурой и манипулирование ими приведет к обрыву либеральной современности и замене ее организованной, – пишут авторы цитируемой концепции, а модульный человек, который стал продуктом Первой великой трансформации и во многом остающийся таковым и по сей день, в конце первой либеральной современности превратился в еще более удобное для манипуляций существо – «экономического человека».

«Homo economicus»: теоретическая модель и ее прототип

Обозначим кратко некоторые характеристики модели «экономического человека», которая показывает направленность персональной модернизации, как в эпоху либеральной современности, так и в последующем – в массовом потребительском обществе. «В эпоху Первой великой трансформации заметной фигурой капитализма... стал “экономический человек”. Перспектива модульного, но, в то же время, творческого сужалась онтологизацией человека до “экономического”, тем более в условиях классовых различий и разного масштаба экономических возможностей людей. “Экономический человек” – это теоретический конструкт, имевший свой прототип в реальной капиталистической практике, распространяемый под знаменем успеха и рациональности на других участни-

ков капиталистического производства, а также на прочих членов общества»²⁶. отождествление экономической деятельности нелиберальной идеологией только с ее рыночной формой, а «человека вообще» с экономическим человеком репрезентирует жадного и рационального одиночку, устремленного к максимуму удовлетворений при минимизации издержек.

Если же говорить о современной экономической науке, то нет единого классического определения модели «экономического человека». В общем виде она содержит три группы факторов, представляющих *цели* человека, *средства* для их достижения, как вещественные, так и идеальные, и *информацию*, знание о процессах, посредством которых средства ведут к достижению целей. Схему модели экономического человека, которая сложилась в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки, дает В.С. Автономов²⁷. За время существования экономического человека некоторые его признаки, такие, например, как неприменимый эгоизм, необходимость полноты информации, холодный расчет отпали как необязательные. Главная характеристика современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции. Это свойство можно назвать экономической рациональностью, а главным признаком экономических явлений считают рациональный выбор, соизмерение целей и ограниченных ресурсов для их достижения. Из методологической абстракции экономической науки на этапе становления потребительского общества «*Homo economicus*» стал в качестве рационального максимизатора удовлетворений представляться реальностью, к которой надо стремиться.

Персональная модернизация на этапе индустриализма (конвейерное производство, «фордизм») и на этапе потребительского, массового общества несла в себе тенденцию деиндивидуализации. На этапе организованной современности, возвышения техники и технократии, человеческий труд заменяется машинами и вытесняется в сервис и не всегда становится востребованным, появляются «лишние люди», возникает феномен негативной индивидуализации.

Массовый человек – индивидуализм без индивидуальности

С середины XX в. происходит вытеснение людей из сферы производства техникой и формируется потребительское общество, главной фигурой которого становится потребитель. Потребление становится основой стабилизации и выживания капитализма. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» одним из первых представил концепцию, критикующую массовое общество, обозначив, что массы – это «средние люди», характеризующиеся банальностью и посредственностью. Он выделил такие признаки массового человека, как «беспрепятственный рост жизненных запросов», «безудержную экспансию собственной натуры», «врожденную неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь». Г. Маркузе обосновал рост «ложных потребностей» в стабилизации капитализма, которые отвлекают от истинных, подлинных – быть творческими, независимыми людьми, жить свободно и думать самостоятельно. Ж. Делез обращает внимание на то, что «управляемая масса» (люди в церкви, на фабрике, в армии и т. п.), для которой характерна непосредственная физическая близость вовлеченных лиц, сменяется «контролируемой массой» (с помощью СМИ, рекламы, Интернета) и не предполагает обязательного личного контакта индивидов, осуществляя «мягкий соблазн» (Ж. Бодрийяр) посредством «машины желаний» (Ж. Делез и Ф. Гваттари). Существует точка зрения, «что “омассовление” и “массофикация” не являются тождественными. Первое – означает количественные процессы, связанные с крупной промышленностью и урбанизацией, а “массофикация” – это процесс становления массового человека, т. е. качественная характеристика “подгонки” личности под массовый стандарт, когда мышление и сознание личности подстраиваются под образцы, не просто господствующие в массе, но “*требуемые обществом*”» под влиянием массовой культуры, СМИ в информационном обществе. «Индивидуализм без индивидуальности предстает как массовая мещанская психология, при которой человек предстает не как личность, имеющая самостоятельную ценность, а как *товар*, имеющий свою *цену*, как и все остальное на рынке»²⁸.

Характеристики массового человека: «Индивидуализм как деиндивидуализация сознательно насаждается, поскольку современное общество нуждается в максимально одинаковых, схожих

людях, которыми проще управлять. Рынок также заинтересован в стандартизации личностей, как и товаров. Стандартные вкусы легче направлять, дешевле удовлетворять. Их легче формировать и угадывать. Творческое начало при этом все более уходит из трудового процесса; творческая личность все менее оказывается востребована в обществе массовых людей. Массовый человек становится все более опустошенным при всем многообразии и яркости внешнего наполнения его бытия, все более внутренне безликим и бесцветным при внешней претенциозности. При всем утверждении предприимчивости и инициативы человек в действительности становится все менее способным к самостоятельному решению проблем»²⁹. Подобные характеристики человека общества массового потребления относятся к большинству «средних индивидов», в результате происходит истощение запасов пассионарности в обществе, и этот процесс может породить нестабильность, в то время как общество, состоящее из индивидуальностей, развивается за счет многообразия и становится более способным к совершенствованию: «Не нужно особой зоркости, чтобы увидеть, сколько неповторимого должно будет погибнуть, если определяющей формой человека станет не высокоразвитый индивид, а множество похожих друг на друга человеческих единиц»³⁰. Идею об исчезновении истинной индивидуальности развивает Ж. Бодрийяр, говоря о персонализации, основой которой является не индивидуальность личности, а потребление, основанное на различии потребляемых знаков, которые символизируют статус вещей или человеческих отношений³¹. Самости нет, но есть различие персонализации. Подводя промежуточный итог, следует согласиться с тем, что «если классический либеральный капитализм преобразовывал автономного и ответственного индивида в “человека модульного”, а последнего – в “экономического человека”, то организованный капитализм превратил “модульного человека” в массового человека потребительского общества, упрощенный вариант “человека экономического”»³².

В заключение отметим следующее. Исторический процесс персональной модернизации является столь же драматичным, как и модернизация общества. В ситуации потери трансцендентных оснований для обоснования своего развития, самообоснование современности происходит как рефлексия о трансформации самого

индивида, как ответ на историческое изменение социальных институтов и взаимодействующего с ними человека. Анализ персональной модернизации исторических этапов развития общества показывает, на наш взгляд, что существует запрос на индивидуальность личности, несмотря на доминирование в настоящем массового человека потребительского общества. Поэтому уже сегодня возникает общественный запрос в постиндустриальном обществе знания на человеческий капитал и развитие человеческого потенциала, так как оптимистичный сценарий развития общества в будущем связан с сохранением и преумножением пассионарности. Становится актуальной проблема управления развитием человеческого капитала³³, развитие человеческого потенциала и анализ российского контекста персональной модернизации.

Примечания

- 1 *Apter D.* The Politics of Modernization. Chicago, 1965. P. 10.
- 2 *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011. С. 182.
- 3 См.: *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. М., 2008. С. 168–169.
- 4 *Капустин Б.Г.* Современность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 587.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 588.
- 7 *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота // *Зомбарт В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 52.
- 8 Там же. Т. 1. С. 254.
- 9 См.: Там же. Т. 1. С. 196–212; 212–236.
- 10 См.: *Руткевич А.М.* Вернер Зомбарт – историк капитализма // *Зомбарт В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 2005. С. 5–21.
- 11 *Полань К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 87.
- 12 Там же. С. 95.
- 13 См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 76–77.
- 14 *Федотова В.Г.* Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 23.
- 15 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации, социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 196.
- 16 См.: Обзорный Доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011. С. 96, 236–237.

- 17 Цивилизация и модернизация. Материалы российско-китайской конференции 29–31 мая 2012 г. М., 2013. С. 20.
- 18 *Inkeles Alex, Smith David H.* Becoming modern. Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge. Massachusetts, 1974. P. 291.
- 19 *Ibid.* P. 302.
- 20 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 387.
- 21 *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 108.
- 22 Там же. С. 110.
- 23 Там же. С. 111.
- 24 Там же. С. 135.
- 25 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 178.
- 26 Там же. С. 197.
- 27 См.: *Автономов В.С.* Экономическая антропология и модель человека // *Очерки экономической антропологии.* М., 1999. С. 18–20.
- 28 *Самохвалова В.И.* Массовый человек как герой и потребитель масскульты // *Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против».* М., 2003. С. 104; 117.
- 29 Там же. С. 117.
- 30 *Гвардини Р.* Конец Нового времени // *Феномен человека. Антология.* М., 1993. С. 269.
- 31 См.: *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
- 32 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. 2008. С. 263.
- 33 *Веряскина В.П.* Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // *Филос. науки.* 2012. № 6. С. 143–155.

Аннотации

В.А. Колпаков. Культурное пространство рождения современности

В статье обосновывается тезис о формировании на Западе к концу XVIII в. особого модернизационно-цивилизационного проекта, ставшего основой первого модерна. Этот проект изначально был направлен на преобразование не только Запада, но и мира в целом. Раскрыта роль науки Нового Времени в его формировании. Показано, что уже в середине XX в. понятие «современность» утратило философские коннотации и стало в большей степени ассоциироваться с конкретными процессами модернизации, экономической, научной, гражданско-политической и других сфер. Проанализированы идеи Ч. Тилли и Ш. Айзенштадта, значительно повлиявшие на концепции модернизации второй половины XX в. Показано, что многообразие стратегий модернизации не исключает возможность ее срыва.

Ключевые слова: предпосылки первого модерна, цивилизационно-модернизационный проект модерна, концепции модернизации, модернизация незападных стран, срыв модернизации

В.Г. Федотова. Дополитическая, политическая и постполитическая культуры как индикаторы исторического этапа модернизации

В данной статье автор рассматривает две концепции политических культур – культур-социологическую теорию политического перформанса Дж. Александера, и теорию баланса неравенств Г. Олмонда и С. Вербы, исходя из целей политической модернизации – построения демократической политической культуры, а не реанимации дополитических архаических ее форм или постполитической активности масс. Показано соотношение естественноисторических и конструктивистских аспектов модернизации. Раскрываются ценностные и когнитивные предпосылки политической модернизации. Анализируются перспективы построения демократической политической культуры и гражданского общества в странах переходного типа.

Ключевые слова: политика, перформанс, идеология, ценностные изменения, когнитивные изменения, баланс неравенств, типы политических культур, конструктивизм, натурализм, дополитические, политические, постполитические культуры

Ю.В. Барбарук. Современный западный марксизм о капитализме нашего времени: гибкие стратегии в новых условиях

В данной статье приведен анализ эволюции марксизма в странах Запада под влиянием новых социально-политических условий, рассмотрены причины, побудившие западных марксистов к изменению соб-

ственных теоретических положений и политических стратегий, начиная со второй половины 1980-х гг. В статье дается анализ развития наиболее важных для марксизма тем – производственных отношений и капиталистической эксплуатации. Информационное общество, будучи капиталистическим, все так же опирается в своем росте на изъятие прибавочной стоимости у непосредственного производителя, но характер эксплуатации существенно поменялся, что и зафиксировали французские и итальянские постмарксисты-когнитивисты и постопераисты в теории «когнитивного капитализма».

Ключевые слова: капитал, когнитивный капитализм, коллективное знание, постмарксизм, социальный антагонизм, социальный конструктивизм, субъект социальных изменений, эксплуатация

И.Н. Сиземская. Проблемы модернизации в исторической ретроспективе

В статье рассматриваются исторические модели модернизации, имевшие место в России в конце XIX – начале XX в., и их теоретическое обоснование в отечественной философско-общественной мысли. В рамках социально-философского подхода раскрыто, что модернизационные процессы осуществлялись в единстве с социокультурными преобразованиями, включая сферу государственного устройства, образования и социальной стратификации общества. В контексте исторической ретроспективы автор обращается к актуальным проблемам современного развития России – вопросу экономического роста, вхождения страны в мировую капиталистическую систему, развития правового государства и гражданского общества.

Ключевые слова: модернизация, капиталистическая система, модели капитализации, социальная реформа, экономический рост, хозяйственно-экономический уклад, экономическая политика, правовое государство, гражданское общество, культура, образование, развитие человека, гуманистические ценности

С.А. Королев. Псевдоморфоза в истории России

В данной главе рассматривается феномен псевдоморфности в российской истории и его воздействие на процессы модернизации в России. Под псевдоморфозой (термин, введенный О. Шпенглером) автор подразумевает процесс, предполагающий навязывание макросоциуму определенной оболочки, в которой обречено далее существовать и развиваться некое автохтонное содержание, некие присущие данному социуму социокультурные матрицы, практики и системы жизнеустройства. Автор полагает, что псевдоморфоза в России – не этап, не феномен и не форма, а тип развития. Модернизация в контексте концепции псевдоморфного

развития России – это экспансия аллохтонных систем и матриц общественных отношений. В России модернизация чаще всего не была естественным, органическим процессом. Структуры нового типа вырастали не в ходе естественного развития и трансформации старых, автохтонных структур, а привносились, импортировались. Автор считает, что именно псевдоморфный контекст таких глобальных, определяющих развитие общества процессов, как модернизация, предопределил их двойственный, противоречивый характер.

Ключевые слова: псевдоморфоза, культура, христианизация, монголоизация, советизация, модернизация, глобализация, гражданское общество, Россия, Шпенглер

М.Г. Алиев. Проблемы региональной модернизации

В статье анализируются региональные аспекты модернизации, факторы, как сдерживающие, ограничивающие пространство модернизации, так и способствующие трансформационным процессам. Освещены теоретико-методологические проблемы модернизации регионов, показаны на примере Дагестана механизмы использования внутренних ресурсов модернизации, которыми располагают депрессивные регионы.

Ключевые слова: модернизация, региональная политика, типология регионов, инвестиции, институциональная среда, модернизационный потенциал, инфраструктура, человеческий потенциал, социокультурные факторы

И.А. Крылова. Неолиберальные реформы и демодернизационные процессы в современной России

Статья посвящена проблемам модернизации и исследованию связанных с ней демодернизационных процессов в различных областях жизнедеятельности российского общества в конце XX – начале XXI в. – в сфере экономики, промышленности, науки, сельском хозяйстве, военном строительстве. Показана необходимость инновационного, социально-экономического и научно-технического развития.

Ключевые слова: Россия, модернизация, демодернизация, сырьевая экономика, деиндустриализация, кризис науки, продовольственная безопасность, вооруженные силы, инновационное развитие, научно-техническое развитие, социально-экономическое развитие

Г.Ю. Канарш. Роль этнокультурного фактора в истории модернизации (на примере России)

В статье анализируется российский опыт прошлого и настоящего, предпринимается попытка выявить модернизационный потенциал некоторых черт «национального характера», соотнести традиционное в российском менталитете с теми изменениями ментальных характеристик

«среднего россиянина», которые фиксируются новейшими социологическими исследованиями. В целом задача статьи – показать, что российский социокультурный опыт, сформированный веками развития государства и общества, несет в себе определенные перспективы его использования (возможно, в трансформированном виде) в модернизационных проектах настоящего.

Ключевые слова: традиция, модернизация, национальный менталитет, национальная культура, социальные трансформации, русская община, «русский характер», «имперский народ»

Ю.В. Олейников. Угрозы обществу в условиях нового научно-технологического цикла

В данной статье современная модернизация индустриального общества рассматривается как социальное явление, затрагивающее природу. Она обуславливает коренную трансформацию бытия всего социоприродного Универсума. Этот процесс сопровождается становлением новой мировоззренческой парадигмы, адекватной изменившейся роли и места человека в природе и обществе.

Ключевые слова: научно-техническая революция, модернизация, нанотехнологии, природа, человек, общество, кризис, переворот

В.П. Веряскина. История персональной модернизации как ответ на вызовы современности

Статья посвящена анализу истории персональной модернизации. Автор показывает, что современность, по сравнению с традиционным обществом, является вызовом персональной модернизации. В статье рассматриваются истоки персональной модернизации, ее исторические этапы, связанные с появлением таких типов человека как модульный человек, экономический и массовый индивид. В ходе этого процесса возникает историческая потребность в творческой личности, ее пассионарности, человеческом капитале и управлении его развитием.

Ключевые слова: модернизация, современность, персональная модернизация, индивидуальность, индивидуализация, этапы современности, модульный человек, массовый человек, «**homo economicus**», автономный, свободный и ответственный индивид

Summary

Vladimir Kolpakov. Cultural Space of Modernity Birth

The article substantiates the thesis that in the West by the end of the XVIII century a special modernization and civilizational project was formed that became later the basis of the first modern. This project was originally aimed at the transformation of not only the West but also the whole world. The role of modern science in its formation disclosed. It is shown that in the middle of the XX century the concept of “modernity” lost philosophical connotations and became increasingly associated with specific processes of modernization of economic, scientific, civil, political and other spheres. Analyzed the ideas of Ch. Tilly and S.N. Eisenstadt, significantly influenced the concept of modernization of the second half of the XX century. Shown that a variety of strategies of modernization do not exclude the possibility of its disruption.

Keywords: prerequisites of the first modernity, civilization and modernization project of modernity, the concept of modernization, the modernization of non-Western countries, disruption of the modernization

Valentina Fedotova. Pre-political, political and post-political culture as indicators of the historical stage of modernization

In this article the author examines the concept of two political cultures – cultural sociological theory of political performance by J. Alexander, and the theory of balance inequalities by G. Almond and S. Verba, based on the goals of political modernization – build a democratic political culture, rather than a pre-political resuscitation its archaic forms or post-political activity of the masses. Shows the relationship of natural history and constructivist aspects of modernization. Disclosed the values and cognitive prerequisites of political modernization. Analyzed the prospects of building a democratic political culture and civil society in the countries in transition.

Keywords: politics, performance, ideology, soft power, value changes, cognitive changes, balance inequalities, types of political culture, constructivism, naturalistic essentialism, pre-political, political, post-political culture

Yuriy Barbaruk. Contemporary Western Marxism: Flexible Strategies under the New Conditions

The article provides an analysis of the evolution of Marxism in the West under the influence of new social and political conditions, and also considered the reasons for Western Marxists to change their own theoretical positions and policies since the second half of the 1980 s. In the article analyzes the development of the most important topics for Marxism – industrial relations and capitalist exploitation. Information society, being a capitalist,

still rests in its growth to withdraw surplus from the direct producers, but significantly changed the nature of exploitation that recorded French and Italian post-Marxists and the cognitive postoperaisty theory of «cognitive capitalism».

Keywords: capital, cognitive capitalism, exploitation, general intellect, post-Marxism, the subject of social change, social antagonism, social constructivism

Irina Sizemskaya. Problems of Modernization in Historical Retrospect

The article deals with the historical model of modernization that took place in Russia in the late XIX – early XX century, and their theoretical justification in domestic philosophical and social thought. Within the selected socio-philosophical approach shows that modernization processes undertaken in unity with socio-cultural transformations, including the scope of government, education and social stratification. In the context of historical perspective the author refers to the actual problems of modern Russia's development – economic growth, entry into the world capitalist system, the development of rule of law and civil society.

Keywords: modernization, the capitalist system, model capitalization, social reform, economic growth, domestic economic structure, economic policy, rule of law, civil society, culture, education, human development, humanistic values

Sergey Korolev. Pseudomorphosis in the History of Russia

This chapter examines the phenomenon of pseudomorphosis in Russian history and its impact on the modernization processes in Russia. Speaking about pseudomorphosis (a term coined by Spengler) the author refers to the process, involving the imposition on macrosocium of a certain sociocultural shell under which some autochthonous content as well as some specific matrices of the society, and the practices of ordering of life are doomed to exist and develop. The author believes that when it comes to Russia, pseudomorphosis it's not a phase, not a phenomenon and not a form, but type of development. Modernization in the context of the concept of pseudomorphic development of Russia is an expansion of allochthonous systems and matrices of social relations. In Russia, modernization often was not organic process. A new type of structure does not grow in the course of natural development and transformation of the old autochthonous structures. The author believes that primarily such a global pseudomorphic context predestined dual, contradictory nature of the Russian modernization process.

Keywords: pseudomorphosis, culture, Christianization, Mongolization, Sovietization, modernization, globalization, civil society, Russia, Spengler

Muhu Aliev. Problems of regional modernization

The paper examines the regional aspects of modernization, factors constraining and limiting spatial modernization and promoting transformation processes. It highlights theoretical and methodological problems of modernization of regions. Dagestan is taken as a model to describe the ways of using the inner resources of modernization which depressive regions possess.

Keywords: modernization, regional policy, typology of regions, investments, institutional environment, modernization resources, infrastructure, human potential, social and cultural factors

Irina Krylova. Modernization Reforms and Demodernization Processes in Russia

The article is devoted to the problems of modernization and research of the related processes of demodernization in various areas of life of Russian society in the end of the 20th – the beginning of the 21st century – in the sphere of economics, industry, science, agriculture, military construction. The necessity of the innovation social and economic as well as scientific and technical development is shown.

Keywords: Russia, modernization, demodernization, resource-based economy, deindustrialization, crisis in science, food security, armed forces, innovation development, scientific and technical development, social and economic development

Grigory Kanarsh. The Role of Ethno-cultural Factor in the History of Modernization (on the Example of Russia)

The article analyzes the Russian experience of the past and present, an attempt is made to identify their potential for modernization of some features of the «national character», comparing the traditional Russian mentality with those changes the mental characteristics of the «average Russian», which are fixed to the latest sociological studies. In general, the aim of this article is to show that Russian social and cultural experience, shaped by centuries of development of state and society, carries certain possibilities of its use (may be in modified form) in the modernization projects of the present.

Keywords: tradition, modernization, national mentality, national culture, social transformation, Russian community, «Russian character», «Imperial nation»

Juryi Olejnikov. Scientific and Technological Revolution as Factor of Modernization of Industrial Society

In this article modernization of industrial society is considered as the social phenomenon. It causes high-quality transformation of life of all socionatural Universum. This process is accompanied by formation of the new world outlook paradigm adequate to a changed place and role of the person in the nature and society.

Keywords: scientific and technical revolution, modernization, nanotechnologies, nature, person, society, crisis, revolution

Valentina Veryaskina. The History of Personal Modernization as the Answer to the Challenges of Modernity

The article is about the analysis of the personal modernization. The author claims that modernity compared to the traditional society is the challenge to the personal modernization. The article considers the origin of the personal modernization, its historical stages connected to the appearance of such types of men as a modular man, economic and mass individual. In the course of this process there emerges the historic need for the creative personality, human capital and the management of its development.

Keywords: modernization, modernity, personal modernization, personality, individualization, stages of modernity, modular man, mass man, “homo economicus”, autonomous free and responsible the personal modernization

Содержание

Предисловие: место и время модернизаций (<i>В.Г. Федотова, В.А. Колпаков</i>)	3
--	---

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИЙ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

<i>Колпаков В.А.</i> Культурное пространство рождения современности	11
<i>Федотова В.Г.</i> Дополитическая, политическая и постполитическая культуры как индикаторы исторического этапа модернизации	26
<i>Барбарук Ю.В.</i> Современный западный марксизм о капитализме нашего времени: гибкие стратегии в новых условиях	58
<i>Сиземская И.Н.</i> Проблемы модернизации в исторической ретроспективе	69
<i>Королев С.А.</i> Псевдоморфоза в истории России	88

РАЗДЕЛ II

УРОКИ ИСТОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ОБЩЕСТВА

<i>Алиев М.Г.</i> Проблемы региональной модернизации	118
<i>Крылова И.А.</i> Неолиберальные реформы и демодернизационные процессы в современной России	140
<i>Канарш Г.Ю.</i> Роль этнокультурного фактора в истории модернизации (на примере России)	163
<i>Олейников Ю.В.</i> Угрозы обществу в условиях нового научно-технологического цикла	182
<i>Веряскина В.П.</i> История персональной модернизации как ответ на вызовы современности	202
Аннотации	225
Summary	229

Научное издание

История модернизации как предмет социально-философского анализа

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректурa авторов

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 02.09.14.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 11,82. Тираж 500 экз. Заказ № 17.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1 стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Анашина, М.В. Философия эпохи Хань: Учебное пособие [Текст] / М.В. Анашина; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2013. – 101 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0249-2.**

Учебное пособие «Философия эпохи Хань» посвящено завершающему периоду древнекитайской философии, когда произошел синтез учения школ, существовавших в предшествующую эпоху Чжоу. В это время официальной идеологией в Китае становится конфуцианство в интерпретации Дун Чжуншу, Конфуций обожествляется, формируется Пятиканоние. Конфуцианство включает в себя идеи легизма, натурфилософии, отчасти даосизма. В даосизме все более отчетливо проявляются религиозные идеи.

В учебном пособии рассматриваются общие аспекты философии указанного периода, а также идеи отдельных, наиболее значимых философов. Пособие предназначено для студентов востоковедческих специальностей и всех интересующихся китайской философией.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2013. – 245 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0246-1.**

Седьмой ежегодный выпуск сборника посвящен анализу актуальных аспектов истории и методологии гуманитарной экспертизы, также большое внимание уделяется проблемам биоэтики и виртуалистики. Этические вопросы, возникающие в пространстве применения био- и психотехнологий, традиционно в центре внимания авторов сборника.

Статьи, из которых составлен сборник, объединены общей идеей – идеей противоречия, попытки одновременно осмыслить и даже соединить изначально несоединимые вещи и понятия. Именно амбивалентность нашего бытия, восприятия и познания отразилась в большинстве теоретических статей, в которых авторы предлагают противоречивые, но отнюдь не взаимоисключающие, порой неожиданные, парадоксальные, но весьма жизнеспособные идеи.

3. **Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.). – М. : ИФРАН, 2014. – 227 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0260-7.**

Анализируется проблема взаимоотношения фундаментальной науки и технологии. Акцент делается на эпистемологических аспектах проблемы: роли фундаментальных теорий в получении технологических инноваций; механизмах включения теоретического знания в процесс получения новых технологических достижений; различиях между фундаментальным и прикладным знанием; статусе понятия технонауки; соотношении истины и пользы.

Особое внимание уделяется социальным и этическим аспектам взаимоотношения науки и технологии, а также вопросам, традиционно относящимся к сфере философии техники.

Книга адресована тем, кто интересуется вопросами философии науки и техники на современном этапе их развития.

4. **Визгин, В.П. Очерки истории французской мысли [Текст] / В.П. Визгин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2013. – 133 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0239-3.**

Книга содержит статьи и выступления последних лет. Всех ее героев объединяет то, что они внесли свой особый вклад в экзистенциальное философствование, которое во Франции зарождалось и развивалось в тесном единстве с литературой. В книге демонстрируется актуальность экзистенциального стиля мысли и слова. Урок Руссо, которым она открывается, преломившись и обогатившись в творчестве таких фигур, как Шатобриан, Жермена де Сталь, Мен де Биран и другие, продолжается в уроках, извлекаемых из опыта Марселя.

5. **Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2013. – 233 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0237-9.**

Монография посвящена философскому осмыслению влияния внешних факторов на выбор современной Россией стратегического вектора развития. В работе дается анализ целей информационной политики Запада в отношении России, показываются возможные последствия для России, следующие из теории «конца пространства», предлагается оригинальная версия понимания такого специфического явления как «русское чудо» и его роли в российской истории.

Монография предназначена для научной общественности, для всех, кого интересуют новые глобальные вызовы и угрозы России в XXI веке, оценка адекватности ответов на них со стороны российского общества и власти.

6. **История философии. № 19 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.В. Черняев. – М. : ИФРАН, 2014. – 285 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит статьи и публикации по истории русской мысли. Публикуемые исследования посвящены, в частности, концептуальным вопросам истории русской философии в широком проблемно-хронологическом диапазоне; рецепции русскими мыслителями идейных традиций древности (египетской и греко-римской); социокультурным и инфраструктурным аспектам истории русской философии; а также творчеству таких русских мыслителей, как Максим Грек, И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Б.Н.Чичерин и др. Предлагается новый взгляд на историю и перспективы полемики западников и славянофилов. Освещена панорама истолкований русскими философами начала XX в. феномена войны. Наряду с исследовательскими статьями, публикуются новые источники (фрагменты древнерусского перевода трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах» и фрагменты воспоминаний Г.Н.Трубецкого).

Издание адресовано специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей русской философии.

7. **Корсаков, С.Н.** Библиографический указатель некрологов философов, социологов, политологов [Текст] / С.Н. Корсаков ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2014. – 151 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0264-5.

Библиографический указатель включает сведения о некрологах философов, социологов, политологов в отечественных и зарубежных изданиях за последние сто лет.

8. **Куценко, Н.А.** Философия, филология, теология в образовательной системе Российской империи XIX века [Текст] / Н.А. Куценко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2013. – 138 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0254-6.

В монографии, которая является продолжением исследований автора по истории академического образования в России, рассматриваются основные вопросы по его становлению и развитию. Сделан обобщённый анализ данного процесса, который начинается со времён Древней Руси, продолжается в Средние века и Новое время. Также затрагиваются вопросы преемственности отечественного гуманитарного и культурного наследия в новейшей российской истории. Представлены малоизвестные архивные материалы, содержащие ценные сведения о триединстве гуманитарного синтеза филологии, философии, теологии. Они приводятся на примере произведений видных представителей отечественной академической философии Нового времени в лице Георгия Щербацкого, Феофана Затворника и анонимного автора.

9. **Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.Ю. Антоновский, А.Л. Никифоров.** – М.: ИФ РАН, 2013. – 183 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0248-5.

Сборник посвящен анализу понятий *значение* и *смысл* в логической семантике, лингвистике, в теории коммуникации и в социальных науках. В своем наиболее узком и точном смысле эти понятия исследуются прежде всего в связи с языковыми выражениями, но авторам показалось уместным дополнить логико-лингвистическое понимание *значения* и *смысла* и рядом нелингвистических перспектив. Сборник дает достаточно полное представление о современных дискуссиях по поводу понятия значения и смысла, ведущихся как специальных областях, исследующих значение отдельных групп языковых выражений, так и вообще в социальной философии и в социальных науках.

10. **Малевич, Т.В.** Теории мистического опыта: историография и перспективы [Текст] / Т.В. Малевич; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2014. – 175 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 154–174. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0261-4.

Исследования мистического опыта занимают одно из основных мест в современном западном религиоведении, провоцируя острую дискуссию о сущности мистических переживаний, возможности их концептуализации и право-

мерности оперирования категорией «мистический опыт» в научном дискурсе. В монографии проводится обзор концепций мистического опыта, выявляется их эвристический потенциал и демонстрируется динамика развития в XX–XXI вв.: от раннего эссенциализма (У.Стэйс и др.) и конструктивизма (С.Кац, Дж.Хик и др.) до психологического переннелизма (Р.Форман и др.) и альтернативных когнитивных подходов (Р.Стадстил, Э.Тэйвз).

- 11. Метавселенная, пространство, время [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.В. Казютинский. – М. : ИФ РАН, 2013. – 141 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0238-6.**

В книге рассматриваются некоторые аспекты революционных изменений научной картины мира, обусловленные развитием современной космологии. Проанализированы философские, эпистемологические и онтологические основания концепции Метавселенной (Мультиверса), возникшие в неклассической физике и квантовой космологии. Обсуждаются парадоксальные для науки проблемы реальности принципиально ненаблюдаемых объектов. Затронуты споры вокруг понятия реальности в современной философии, физике и космологии. С разных позиций обосновывается статус математических структур, используемых современной космологией. Большое внимание уделено эпистемологическим проблемам самоорганизации пространства и времени в моделях Метавселенной, границам применимости современных смыслов этих понятий.

- 12. Методология науки и дискурс-анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 2014. – 285 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0256-0.**

Исследуются концепции и формы дискурса в истории мысли. Прослеживается основная линия в дискурс-анализе – дивергенция в трактовке дискурса. Альтернативной тенденцией является поиск единых эпистемологических оснований дискурс-анализа – текст, идеология, коммуникация, синергия. Показана неадекватность сужения поля исследований, его ограничения гуманитарным знанием и приложением методов лингвистического анализа текстов. С привлечением отечественной и зарубежной литературы сопоставляются методы герменевтики и дискурс-анализа, рассматриваются жанровые особенности философии, место логики в философии, важность предметного содержания для исследований дискурса, ценностные ориентиры ряда речей в судах. Для историков философии и науки, филологов и всех интересующихся методами анализа рассуждений.

- 13. Опыт и смысл [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Н.М. Смирнова. – М. : ИФ РАН, 2014. – 207 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0267-6.**

В центре внимания авторов книги – процесс творчества как смыслообразующей деятельности человека. Опыт представлен в ней как когнитивное основание, конститутивный фактор процесса «осаждения социальных значений».

Исследованы процессы смыслообразования, культурной трансляции и обогащения смысла в языке (на примере метафоры и процессов интерпретации), а также в специализированных сферах человеческой деятельности (научном, художественном и социальном творчестве). Рассмотрен «пограничный» опыт как исток эмерджентного смысла. Книга адресована профессиональному сообществу, а также студентам и аспирантам, изучающим философию.

- 14. Ориентиры... Вып. 9 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2014. – 199 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISSN 2222-4351.**

9-й выпуск «Ориентиров...» посвящен исследованию разных аспектов идеологии. В нем рассматриваются процессы, происходящие или происходившие в нашей стране, например судьбы легитимности в постсоветский период, общие вопросы соотношения идеологии с властью и культурой, публичным и частным пространством; затрагиваются и исторические аспекты, такие как становление имперской идеологии в России, а также исследуется вопрос о значении традиции для современности, и в этой связи публикуются главы из книг Рене Генона «Общее введение в изучение индуизма», где обсуждается соотношение между метафизикой, религией, философией, моралью.

- 15. Петрова, Е.В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект [Текст] / Е.В. Петрова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2014. – 137 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0257-7.**

Монография посвящена анализу социокультурного аспекта бытия человека в информационной среде. Этот аспект рассмотрен через призму проблемы адаптирования информации человеком. Проанализированы исторические корни современной информационной среды и их связь с доминирующим в тот или иной период способом хранения и передачи информации (устный, письменный, печатный, электронный). Информационная культура представлена как необходимое условие успешного бытия человека в информационном обществе, как часть процесса формирования глобального культурного поля человечества. Рассмотрены также изменения в образовательной сфере, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий.

- 16. Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. – Часть 1 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М. : ИФРАН, 2013. – 229 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0253-9.**

В книге обсуждаются современные проблемы теории познания и философии сознания в междисциплинарной перспективе. В частности, исследуется возможность и плодотворность самого междисциплинарного подхода, проблема перевода языка одной дисциплины на язык другой, проблематика методологического сознания науки и чувственного познания как комплексные и междисциплинарные. Анализируется понимание субъективной реальности с точки зрения информационного подхода, критически рассматриваются концепции

сознания в современной аналитической философии в связи с так называемым натурализованным подходом к пониманию сознания. Исследуются проблемы предвидения, утопии как особого рода сознания, эскапизма.

- 17. Политико-философский ежегодник. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Мюрберг. – М. : ИФ РАН, 2013. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0247-8.**

Шестой выпуск Политико-философского ежегодника полностью посвящен теме современной революции. Составители выпуска стремились отразить в выборе представленных материалов все богатство предметно-методологических подходов, сложившихся за период, начало которому положила эпоха Великой Французской революции. Задача осуществления понятийно когерентного анализа концепта «революция» реализуется в данном выпуске при помощи связующих (а) *понятий* (идентичность, нигилизм, гуманизм), (б) *методологий* (эпистемологический анализ, марксистский критицизм) и (в) *тем* (русская революция, консерватизм как часть революционной идеологии). Также представлены работы классиков (Дж.-С.Милль, Л.Штраус), впервые опубликованные а в русском переводе.

- 18. Проблема воображения в эволюционной эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Е.Н. Князева. – М.: ИФ РАН, 2013. – 207 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0242-3.**

В центре внимания авторов сборника – воображение как проблема эволюционной эпистемологии. К анализу этой традиционной для эпистемологии проблемы привлекаются данные современных когнитивных наук, наук о жизни, нейронауки, т. е. проблема обсуждается в междисциплинарной перспективе. Способность продуктивного воображения рассматривается в связи с новейшими исследованиями креативности, творческих способностей человека. Исследование воображения помещается в контекст современных дискуссий о ментальных образах, перцептивном мышлении, роли визуализации, встроенной в игры разума, в ментальные процессы, происходящие в различных состояниях сознания. Воображение исследуется в связи проблемами индивидуальной, телесной и духовной, культурной и социальной составляющих познавательных процессов.